

Юрий
РУБЦОВ

ВОЕННЫЙ
АРХИВ

Юрий
РУБЦОВ

МАРШАЛЫ СТАЛИНА

ВА

МАРШАЛЫ СТАЛИНА

ВОЕННЫЙ АРХИВ

Ю.В. РУБЦОВ

МАРШАЛЫ СТАЛИНА

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.78
P82

Рубцов, Ю.В.

P82 **Маршалы Сталина / Ю.В. Рубцов.** — М. : Вече, 2013. — 336 с. : ил. — (Военный архив).

ISBN 978-5-4444-1181-0

Знак информационной продукции 16+

Книга освещает боевой и служебный путь советских военачальников, при жизни И.В. Сталина ставших Маршалами Советского Союза. Хотя герои книги носили высшее воинское звание, читатели увидят их не только на КП в ходе сражения или склонившимися над картой при планировании операции. Сталинские маршалы интересны и в иной ипостаси — как активные действующие лица и одновременно объекты большой политики. В судьбе каждого из них повсюду отразилась сталинская эпоха — со всеми ее победами и поражениями, взлетами человеческого духа и преступлениями.

Книга подготовлена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (соглашение № 14B37.21.0003).

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.78

ISBN 978-5-4444-1181-0

© Рубцов Ю.В., 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

К ЧИТАТЕЛЯМ

«Совсем не случайно, что именам “красных маршалов” не сопутствует обильная литература... Кремлевский официальный “марксизм” не любит культа “военных героев” и исторических параллелей с французской революцией»¹. Это мнение писателя-эмигранта Романа Гуля, высказанное в 1930-е годы, оказалось удивительно жизненным и для последующей советской действительности. Лишь в последние годы об отечественном маршальском корпусе стало возможным сказать открыто и откровенно².

Между тем облик командного состава любой армии наиболее выпукло отражают именно высшие военачальники, они в силу своих полномочий организуют и руководят боевыми действиями в войнах и военных конфликтах, а также управляют войсками в мирное время. Проявление ими полководческого таланта, профессиональной выучки, их служебные качества и стиль поведения — квинтэссенция военного искусства, боевой и оперативной подготовки, ор-

¹ Гуль Р. Красные маршалы. М., 1990. С. 128.

² См.: *Гареев М.А.* Полководцы Победы и их военное наследие. 2-е изд. М., 2004; *Зенькович Н.А.* Маршалы и генсеки. Смоленск, 1997; *Кавалеры ордена «Победа».* М., 2000; *Малашенко Е.И.* Командующие фронтами и армиями в годы Великой Отечественной войны. М., 2009; *Минаков С.Т.* За отворотом маршальской шинели. Орел, 1999; *Печенкин А.А.* Высший командный состав Красной Армии в годы Второй мировой войны. М., 2002; *Рубцов Ю.В.* Генеральская правда. 1941—1945. М., 2012; *Он же.* Маршалы Сталина: от Буденного до Булганина. М., 2006; *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937—1938. М., 1998; *Черушев Н.С., Черушев Ю.Н.* Расстрелянная элита РККА: 1937—1941. Биографический словарь. М., 2012.

ганизации службы, дисциплинарной практики, господствующей морали всей армии в целом.

Делая после Октябрьского переворота первые шаги в создании армии нового типа, большевики пытались опереться на революционную вольницу и выборное начало, но очень быстро поняли, что такой подход хорош, чтобы развалить армию старую, но совершенно не годится для строительства боеспособных вооруженных сил. На смену добровольческому принципу комплектования, широкому самоуправлению солдатских организаций, выборности командиров и партизанской вольнице пришли принудительный набор (призыв), жесткое централизованное руководство, назначенчество всех лиц командного состава снизу доверху, воинская дисциплина на основе уставной подчиненности младшего старшему. Пришлось отправить в архив и декреты, которыми упразднялись воинские чины и звания, и уже в следующем, 1919 г., ввести в Красной армии единую для всех военнослужащих форму одежды и знаки различия для командного состава.

Свое логическое завершение эти процессы получили в середине 1930-х годов, когда на основе форсированной индустриализации страны политическое руководство СССР во главе с И.В. Сталиным приступило к созданию по-современному устроенной, владеющей новейшим военным искусством и технически оснащенной армии, способной ответить на вызовы войны моторов.

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 сентября 1935 г. были введены персональные воинские звания для командного состава сухопутных войск — лейтенант, старший лейтенант, капитан, майор, полковник, комбриг, комдив, комкор, командарм 2 ранга, командарм 1 ранга, Маршал Советского Союза.

Меры сталинского руководства не могли не посеять в умах советских людей определенное смятение. С тех пор, как еще в 1917 г. были отменены все чины, титулы и звания,

командиры Красной армии различались только по занимаемым должностям. Слова «офицер», «генерал», воспринимались лишь как реликты царизма и белогвардейщины, как что-то давно и безвозвратно ушедшее. «Бить золотопогонников» считалось среди красноармейцев особой доблестью. Теперь же по воле И.В. Сталина произошел самый настоящий переворот не только в системе различия военнослужащих, но и в их сознании.

Учреждение высшего воинского звания Маршал Советского Союза оказалось и вовсе событием неординарным. О подобном чине в свое время позабыли даже в императорской армии, ведь последним генерал-фельдмаршалом России стал еще в 1898 г. граф Д.А. Милютин, бывший военным министром Александра II и умерший в 1912 г.

Первый маршальский «призыв» в 1935 г. целиком состоял из героев Гражданской войны. Героев легендарных, масштаб славы которых сегодня трудно даже представить. Нарком обороны СССР К.Е. Ворошилов, заместитель наркома М.Н. Тухачевский, начальник Генерального штаба РККА А.И. Егоров, инспектор кавалерии Красной Армии С.М. Буденный, командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией В.К. Блюхер — имена этих людей к тому времени полтора десятилетия не сходили со страниц газет, звучали в названиях заводов и колхозов, воинских частей и пионерских отрядов. Им посвящали стихи и песни, книги и кинофильмы.

Газета «Красная звезда», откликаясь на появление в Красной Армии первых маршалов, писала: «Звание маршала получил величайший пролетарский военачальник, непоколебимый ленинец, вернейший соратник Сталина, железный нарком Клим Ворошилов. Кто не знает легендарного народного героя, бывшего батрака, командарма 1 Конной армии т. Буденного, одно имя которого вселяло страх и панику в ряды врагов?.. Кто не знает непобедимого

Блюхера — героя «волочаевских» дней в борьбе за Сибирь и Дальний Восток, за неприступный Перекоп?»

Известными стране по Гражданской войне были и ставшие маршалами в 1940 г. С.К. Тимошенко, Б.М. Шапошников и Г.И. Кулик, которые занимали в военном ведомстве высокие посты, соответственно: наркома обороны, начальника Генерального штаба, заместителя наркома обороны.

Третий, наибольший по численности маршальский призыв пришелся на Великую Отечественную войну. Выдающиеся полководцы Г.К. Жуков, А.М. Василевский, И.С. Конев, Л.А. Говоров, К.К. Рокоссовский, Р.Я. Малиновский, Ф.И. Толбухин, К.А. Мерецков выступали представителями Ставки Верховного Главнокомандования или командовали основными фронтами, действовавшими на решающих стратегических направлениях. В 1943 г. Маршалом Советского Союза стал и Верховный Главнокомандующий Вооруженными силами СССР И.В. Сталин, по окончании войны 27 июня 1945 г. удостоенный специально учрежденного для него звания Генералиссимус Советского Союза.

Еще трое — нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия, главнокомандующий Группой советских оккупационных войск в Германии В.Д. Соколовский и министр Вооруженных сил Н.А. Булганин вошли в число Маршалов Советского Союза в первые годы после войны.

Таким образом, при жизни И.В. Сталина маршалами стали двадцать человек, включая самого вождя. Именно они (за исключением репрессированных в 1937—1939 гг. М.Н. Тухачевского, В.К. Блюхера и А.И. Егорова) руководили войсками Красной армии в годы войны, благодаря именно их полководческому дарованию или административным качествам удалось одержать верх над германской военной машиной.

Почему мы называем этих людей сталинскими маршалами? По вполне очевидной причине: ничто мало-мальски важное не происходило в стране без инициативы или одо-

брения «отца народов», и вопрос присвоения высшего воинского звания здесь не исключение.

Каждую кандидатуру на присвоение маршальского звания Сталин определял лично. Основанием для положительного решения были не только (а подчас и не столько) полководческие достоинства кандидата. Требовалось активно и безусловно поддерживать курс политического руководства, демонстрировать личную преданность вождю. В противном случае кадровая «ошибка» исправлялась самым свирепым образом. Немаловажную роль играло и социальное происхождение военачальников.

Об этом недвусмысленно заявил сам И.В. Сталин, выступая перед руководством Вооруженных сил СССР после процесса над М.Н. Тухачевским и другими военачальниками, осужденными в июне 1937 г. к расстрелу по обвинению в «военном заговоре». «Возьмем хотя бы такой факт, как присвоение звания маршалов Советского Союза, — говорил он. — Из них меньше всего заслуживал этого звания Егоров, я не говорю уже о Тухачевском, который, безусловно, этого звания не заслуживал, и которого мы расстреляли, несмотря на его маршальское звание. Законно заслужили звание маршала Советского Союза Ворошилов, Буденный и Блюхер. Почему законно? Потому что, когда мы рассматривали вопрос о присвоении звания маршалов, мы исходили из следующего: мы исходили из того, что они были выдвинуты процессом гражданской войны из народа. Вот — Ворошилов — невоенный человек в прошлом, вышел из народа, прошел все этапы гражданской войны, воевал неплохо, стал популярным в стране, в народе, и ему по праву было присвоено звание маршала...

Егоров — выходец из офицерской семьи, в прошлом полковник, — он пришел к нам из другого лагеря и относительно к перечисленным товарищам (перед этим оратор положительно, как о выходцах из народа, отозвался также о С.М. Буденном и В.К. Блюхере. — Ю.Р.) меньше имел

право к тому, чтобы ему было присвоено звание маршала, тем не менее, за его заслуги в гражданской войне мы это звание присвоили...»¹.

Политическую лояльность Сталин рассматривал как фактор не менее важный, чем профессионализм. Именно в силу этого маршальские погоны не получили, например, И.П. Уборевич и И.Э. Якир, но зато их надели Л.П. Берия и Н.А. Булганин. По той же причине самый выдающийся полководец Второй мировой войны, но своенравный Г.К. Жуков неизменно пребывал в военной иерархии ниже некомпетентного в военном деле «царедворца» Н.А. Булганина.

Великая Отечественная война подвергла жестокому испытанию политическую и государственную систему, сложившуюся в СССР, его экономические устои, военную организацию, заставила многое изменить во имя достижения победы над врагом. Она побудила и И.В. Сталина — автора знаменитой формулы «Кадры решают все» внести коррективы в его собственные представления о высшей военной элите, о критериях оценки эффективности ее деятельности. Даже всесильный вождь вынужден был — подчас и против своего желания, но в силу нависшей над страной смертельной опасности — убирать на второй план проваливавших дело маршалов первого, еще довоенного призыва и выдвигать на решающие участки достойно проявивших себя и растущих прямо в ходе войны полководцев.

Именно борьба с германским нашествием показала, что первые маршалы К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный и Г.И. Кулик в современной войне оказались попросту несостоятельными. Из довоенных маршалов смогли достойно проявить себя лишь С.К. Тимошенко и Б.М. Шапошников.

Что касается репрессированных военачальников, то представить себе, что В.К. Блюхер, не пади он жертвой ор-

¹ Цит. по: *Печенкин А.А. Военная элита СССР в 1935-1939 гг.: репрессии и обновление.* М., 2003. С. 21—22.

ганов НКВД, через какие-нибудь два-три года справился бы с фронтом, по авторитетной оценке маршала И.С. Конева, невозможно. Критически отзывался он и о М.Н. Тухачевском, хотя и признавал, что последний — человек даровитый, теоретически хорошо подкованный, был способен занять один из высших командных постов во время Великой Отечественной войны¹.

Весьма высоко оценивал М.Н. Тухачевского маршал Г.К. Жуков, подчеркивая его интеллект и способность к предвидению, свойственную только очень одаренным военачальникам².

В отличие от своих довоенных предшественников, маршалы, ставшие таковыми в пору Великой Отечественной войны, начинали ее не в ореоле славы, а сравнительно молодыми генералами, народу неизвестными. Исключение составляют разве что К.А. Мерецков и Г.К. Жуков, отличившиеся: первый — в боях с финнами, второй — с японцами, ставшие в 1940 г. одними из первых в Красной армии генералами армии, Героями Советского Союза и поставленные один за другим во главе Генерального штаба.

Кадровый отбор с началом войны шел жестокий. «Наркомат обороны, — с сожалением писал, подводя итоги первых сражений, Г.К. Жуков, — в мирное время не только не готовил кандидатов, но даже не готовил командующих — командовать фронтами и армиями»³. За первые полтора-два года войны в должности только командующих фронтами сменилось несколько десятков человек, прежде чем в их ряду остались наиболее достойные. Из более чем одной тысячи военачальников, составлявших к 22 июня 1941 г. ге-

¹ *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1989. С. 395.

² См.: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 3 т. 10-е изд., доп. М., 1990. Т. 1. С. 181.

³ Цит. по: Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. В 4 кн. М., 1998—1999. Кн. 3. С. 480.

неральский корпус Красной армии, маршалами в военную пору стали лишь восемь военачальников, чьи фамилии названы выше. Все они завершали Великую Отечественную командующими войсками фронтов.

Убедительное объяснение того, почему маршалский корпус пополнила именно эта восьмерка, дал И.С. Конев. «Обстановка войны, — считал он, — лучше всяких кадровых органов исправляет те ошибки, которые до нее были допущены и кадровыми органами, и высшим командованием в выдвижении на те или иные посты... Все командующие фронтами выявились в ходе войны... В основе тех качеств, которые сделали их способными к вождению войск на поле боя в условиях современной войны лежали большие и всесторонние знания, опыт долгой службы в армии... Все лучшее, передовое, что давал тогдашний опыт, они брали от войск и аккумулировали в себе»¹.

С 1945 г. по день смерти И.В. Сталина маршалский корпус пополнили всего три человека — из них только В.Д. Соколовский был подлинным полководцем, ярко проявившим себя на постах и начальника штаба ряда фронтов, и командующего войсками фронтов. Л.П. Берия и Н.А. Булганин стали маршалами в силу сталинского понимания государственного значения тех должностей, которые занимали эти два администратора и политических деятеля.

На высшее воинское звание вождь был экономен, если не скуп. Так, не был удостоен его видный военачальник, который соответствовал всем формальным критериям — генерал армии А.И. Антонов с 1943 г. был первым заместителем начальника Генштаба, на заключительном этапе Великой Отечественной войны возглавлял Генеральный штаб, а сразу после войны вновь был назначен на должность первого заместителя начальника ГШ.

¹ Конев И.С. Записки командующего фронтом. М., 1991. С. 518—519.

В Советском Союзе маршалы были всегда вовлечены в политику. То напрямую, занимая места в высших органах государственной и партийной власти, то получая от высших руководителей соответствующие поручения. Даже в гитлеровской Германии крупные военачальники могли, как правило, без негативных последствий для себя оставить по личному желанию занимаемый пост. В сталинском же государстве о добровольной отставке и помыслить было невозможно. Попытка такой отставки квалифицировалась бы в первую очередь как злонамеренный отказ от выполнения поручения партии, как пренебрежение ее доверием. А это ни при каких обстоятельствах не прощалось.

Политика — дело грязное, сталинская политика, оказалось, — особенно. Многочисленны факты того, как советские маршалы вовлекались властью в дела, о которых в старой армии по соображениям офицерской чести и помыслить было невозможно.

Характерна реакция И.В. Сталина на действия начальника Генерального штаба маршала Б.М. Шапошникова, выпускника еще Императорской Николаевской военной академии, когда он объявил двум начальникам штабов фронтов за предоставление недостоверной информации выговор. Узнавший об этом вождь возмутился: выговор? Да это как слону дробина, таких выговоров у провинившихся — наверняка воз и маленькая тележка. И был весьма удивлен (что с диктатором случалось не часто) пояснением Шапошникова: «Это очень тяжелое наказание. Получивший выговор от начальника Генерального штаба должен подавать в отставку».

О таком понимании офицерской чести, о взыскательном, но, безусловно, уважительном отношении к человеку в погонах вспоминали, увы, изредка и разве что по прихоти вождя. Торжествовал иной принцип, сформулированный еще Лениным: «Морально все то, что служит делу пролетариата». А под него ленинские наследники подгоняли все, что любой ценой обеспечивало удержание ими власти.

Сталин и его присные, сами придя к власти вооруженным путем, страшно боялись, что некие силы воспользуются их опытом. Им мнились заговоры и перевороты, которые могли исходить из среды высших военных. Поэтому они целенаправленно раскалывали военную элиту, держали ее в страхе, культивировали аморализм, слепое преклонение перед лидером страны. Никакой самый высокий пост, никакое высшее воинское звание не гарантировали от политического шельмования, а нередко и бессудной расправы. Вспомним хотя бы, с каким презрением высказался вождь о Тухачевском, которого «мы расстреляли, несмотря на его маршальское звание». Сказал как о вещи обыденной, будто расстрелять маршала — не сложнее, чем стакан воды выпить.

Противопоставляя одних военачальников другим, партийная и государственная машина склоняла их (как, впрочем, и военнослужащих РККА всех других рангов) к доносам на сослуживцев, частенько привлекала к исполнению полицейских функций, что всегда считалось унижительным для человека военного, заставляла участвовать в инсценировках судилищ над их товарищами, а от затянутых в воронку репрессий требовала покаяния «перед партией», «перед народом». Такова была жестокая реальность, в которой существовала армейская элита.

Разве, например, вождь не понимал, насколько болезненно будет воспринято полководцами только что завершившейся Великой Отечественной войны присвоение Л.П. Берии в июне 1945 г. звания Маршал Советского Союза? Известно, что никакого экспромта вождь в таких делах не допускал. Выходит, лишний раз давал высшим военным понять, что заслуги главы Лубянки соразмерны их заслугам и дарованию. А назначение И.В. Сталиным в 1946 г. Н.А. Булганина (не Г.К. Жукова, А.М. Василевского или К.К. Рокоссовского) своим первым заместителем по Наркомату (Министерству) Вооруженных сил — действие не того же порядка?

Даже факты лишения высшего воинского звания, полученного явно незаслуженно, были не попыткой восстановить строгий порядок, а мезтью за верность прежнему хозяину или за измену хозяину новому. В полной мере это относится и к Г.И. Кулику, которому режим прощал крупнейшие провалы в профессиональной деятельности, но не простил нелояльности к вождю; и к Л.П. Берии, низвергнутому с политического Олимпа спустя несколько месяцев после смерти Сталина; и к Н.А. Булганину, активному члену антихрущевской группировки, разгромленной на июньском 1957 г. пленуме ЦК КПСС.

Всё же не хотелось бы, чтобы о первой двадцатке советских маршалов создавалось впечатление лишь как о жертвах правящего режима. В конце концов, в коридорах власти каждый выбирал свою линию поведения. Для некоторых высших военачальников правила игры, установленные вождем, пришлось более, чем кстати при реализации собственных амбиций.

В соответствии с политической установкой сталинские маршалы в абсолютном большинстве были выходцами из низов. О понятиях офицерской чести они знали понаслышке и чаще всего воспринимали их враждебно. Мы против абсолютизации дворянской чести, и среди офицеров и генералов императорской армии доставало и интриганов, и карьеристов. Но никакому офицерскому коллективу тогда не пришло бы даже в голову склонять человека в погонах к лжесвидетельствованию, к оговору, к клевете во имя неких «высших интересов партии». Публичное, бездоказательное шельмование боевых товарищей, ставшее не просто обычным, но обязательным делом в годы репрессий, было просто немыслимо при старом режиме.

Иные фигуры, оказавшиеся на вершине военного Олимпа, даже бравировали своими невежеством, аморальностью, пресмыкательством перед тираном. Очень недостойно вел себя К.Е. Ворошилов. Презрев долг службы, он в

страхе перед И.В. Сталиным без всякой проверки просто подмахивал бумаги на арест подчиненных, присылаемые из ведомства Н.И. Ежова и Л.П. Берии. Нарком обороны находил даже извинительные, с его точки зрения, мотивы: «Сейчас можно попасть в очень неприятную историю, — проговорился он в 1937 г., — отстаиваешь человека, будучи уверен, что он честный, а потом оказывается, он самый доподлинный враг, фашист». Не без злорадства кое-кто из маршалов наблюдал, как исчезают в костре репрессий самостоятельно мыслящие коллеги, а при случае и хворост в такой костер подбрасывал.

Воистину, нет хуже князя, нежели из грязи.

Но и в одинаково сложных условиях люди вели себя по-разному. Порядочность, благородство, сострадание не для всех оказывались пустым звуком. В памяти сразу встает образ К.К. Рокоссовского. В ходе обсуждения в Ставке плана операции «Багратион» (по освобождению Белоруссии летом 1944 г.) он высказал несогласие с мнением И.В. Сталина. Тот дважды посылал маршала в соседнюю комнату «подумать» и изменить свою позицию. Но Константин Константинович настоял на своем и оказался прав. А ведь он не понаслышке знал, какая участь может ждать того, кто разгневает Верховного, ибо еще до войны по ложному обвинению отсиделся три года в тюрьме. К.К. Рокоссовский также оказался единственным из маршалов, кто сохранил достойный облик в ходе постыдной «антижуковской» кампании Н.С. Хрущева, который осенью 1957 г. любой ценой пытался избавиться от конкурента в лице лучшего полководца Второй мировой войны.

Но большая политика мстила и таким чистым натурам. До сих пор К.К. Рокоссовский остается для многих поляков символом сталинского экспансионизма, хотя со времени его пребывания в Польше министром национальной обороны минуло больше полувека.

А другие маршалы? Как часто оказывалось, что, говоря словами поэта, они «смело входили в чужие столицы,

но возвращались в страхе в свою». Редко кому из них удалось вписаться в политическую систему координат без нравственных потерь. Как топтали Г.К. Жукова на октябрьском пленуме ЦК КПСС 1957 г. его давние сослуживцы! Партийным лидерам при желании можно было и не выходить на передний план, всю грязную работу по шельмованию виднейшего военачальника готовы были взять на себя боевые маршалы Великой Отечественной, с готовностью подхватывая самые невероятные обвинения Хрущева и К° в адрес бывшего министра обороны. Ладно бы, физических репрессий они боялись. Но в 1950-е таковые им не грозили, а истинная причина политического конформизма была до банального проста — двойная мораль, удобная привычка к эдакой партийной стадности: во всем считать себя «рядовым партии», боязнь утратить свое служебное положение и доступ к закрытым для обычных смертных материальным благам.

Так или иначе, в судьбе каждого из сталинских маршалов, героев этой книги, по-своему отразилась сталинская эпоха — со всеми ее победами и поражениями, взлетами человеческого духа и преступлениями.

К.Е. Ворошилов:
**«Я — РАБОЧИЙ, И НЕ ИМЕЮ СПЕЦИАЛЬНОЙ
ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ...»**

«Первый красный офицер», как восторженно пели о К.Е. Ворошилове в 30-е годы, и первый же Маршал Советского Союза являл собой тот, увы, нередкий тип людей, которые всю жизнь занимаются, в принципе, одним и тем же делом, удостоены многих высших наград, но так и не становятся подлинными профессионалами. Более того, раз за разом допуская провалы, Климент Ефремович не нес за них серьезной ответственности, а лишь перемещался в очередное руководящее кресло. Разве что иногда грохотала над головой гроза.

Вот какое жесткое постановление посвятило ему Политбюро ЦК ВКП(б) 1 апреля 1942 г.:

«В начале войны с Германией тов. Ворошилов был назначен главнокомандующим Северо-Западным направлением, имеющим своею главной задачей защиту Ленинграда. Как выяснилось потом, тов. Ворошилов не справился с порученным делом и не сумел организовать оборону Ленинграда. В своей работе в Ленинграде т. Ворошилов допустил серьезные ошибки: издал приказ о выборности батальонных командиров в частях народного ополчения, — этот приказ был отменен по указанию Ставки, как ведущий к дезорганизации и ослаблению дисциплины в Красной Армии; организовал Военный совет обороны Ленинграда, но сам

не вошел в его состав, — этот приказ также был отменен Ставкой как неправильный и вредный... увлекся созданием рабочих батальонов со слабым вооружением (ружьями, пиками, кинжалами и т.д.), но упустил организацию артиллерийской обороны Ленинграда, к чему имелись особенно благоприятные возможности, и т.д.

Ввиду всего этого Государственный Комитет Оборона отозвал т. Ворошилова из Ленинграда и дал ему работу по новым воинским формированиям в тылу...»¹.

Так, по нисходящей завершалась военная карьера Климента Ефремовича. Иным было начало...

Путь к вершинам советской военной иерархии маршал начал довольно поздно: к Октябрю 1917 г. ему было уже 36 лет. Уроженец рабочего города Луганска имел за спиной немалый срок подпольной революционной работы, был знаком с лидерами большевистской партии. Как-то сразу стала складываться его репутация как человека военного. Хотя оснований для этого не было никаких, в чем Ворошилов признавался позднее сам. Беседуя с французской делегацией в 1927 г., он рассказывал: «Я — рабочий, слесарь по профессии, и не имею специальной военной подготовки. Я не служил в старой, царской армии. Моя военная “карьера” началась с того, что в 1906—1907 гг. я перевозил нелегально оружие из Финляндии в Донецкий бассейн и там строил вместе со всей нашей организацией большевистские военные рабочие дружины. Работал я в то время на заводе, а затем сидел, как полагается всякому приличному большевику, в тюрьмах, был в ссылке (с 1907 до 1914 г. я пробыл с маленькими промежутками в тюрьме и ссылке). С 1914 г. работал в Царицыне, затем в Ленинграде до апреля 1917 г. С апреля пошел на профессиональную партийную работу. В Красной Армии работаю с марта 1918 г., но уже с ноября 1917 г. я был на военной

¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 1043, л. 93.

работе в качестве революционного “градоначальника” Ленинграда»¹.

Личной храбрости, природной сметки, дара организовать людей Ворошилову было не занимать. В феврале 1918 г., когда немецкие войска продвигались в глубь Украины, на своей родине в Луганске он сформировал партизанский отряд численностью в 600 человек. Уже через несколько месяцев из таких отрядов выросла 5-я Украинская армия, которую Климент Ефремович и возглавил. Под ударами немецких войск и частей белоказачьего правительства генерала П.Н. Краснова армия отступала через Донскую область на Царицын. Позднее Ворошилов вспоминал: «Десятки тысяч деморализованных, изнуренных, оборванных людей и тысячи вагонов со скарбом рабочих и их семьями нужно было провести через бушевавший казачий Дон. Целых три месяца, окруженные со всех сторон генералами Мамонтовым, Фицхелауровым, Денисовым и др., пробивались мои отряды, восстанавливая ж.-д. полотно, на десятки верст снесенное и сожженное, строя заново мосты и возводя насыпи и плотины»².

Участие в обороне Царицына во главе разношерстных войск Царицынского фронта, а затем 10-й армии рядом со Сталиным, который в июне 1918 г. был командирован Политбюро ЦК РКП(б) на юг России в качестве чрезвычайного комиссара по продовольственному делу, стало одним из важнейших эпизодов военной биографии Ворошилова. Город и важнейшую водную артерию, соединявшую голодный центр страны с богатым югом, удалось удержать в своих руках.

Платой за отсутствие необходимой военно-профессиональной подготовки были большие потери. При этом и Сталин, и Ворошилов выступали категорическими противни-

¹ *Ворошилов К.Е.* Статьи и речи. М., 1937. С. 174—175.

² Цит. по: *Медведев Р.А.* Они окружали Сталина. М., 1990. С. 228.

ками использования опыта офицеров и генералов царской армии, видя буквально в каждом из военспецов потенциального перебежчика и предателя.

Но что бы советская власть сделала без этих специалистов, какие ее победы в Гражданской войне были бы возможны, если бы не кадровые офицеры старой армии? Их в Красной Армии было около 80 тысяч человек, что сопоставимо с числом служивших в белой армии. На стороне красных воевали более 600 офицеров российского Генштаба, то есть не менее одной трети всех находившихся к концу 1917 г. в строю выпускников Николаевской академии Генерального штаба. Бывшие офицеры, иначе говоря, профессионально подготовленные военные, составляли в Красной Армии более 92 процентов командующих фронтами, 100 процентов начальников штабов фронтов, более 91 процента командующих армиями, более 97 процентов начальников штабов армий, почти 89 процентов начальников дивизий и 97 процентов начальников штабов дивизий. Штабные должности всех уровней от Высшего военного совета до батальона в Красной Армии замещались бывшими офицерами практически полностью¹. В Полевом штабе Реввоенсовета РСФСР и других органах военного управления служили бывшие в старой армии и на флоте генералами и адмиралами М.Д. Бонч-Бруевич, А.А. Брусилов, В.Н. Егорьев, М.В. Иванов, П.П. Лебедев, А.В. Немитц, А.А. Свечин, А.Е. Снесарев, В.И. Шорин и другие. Вот они-то, кадровые, на самом деле и строили Красную Армию и успешно воевали против своих бывших сослуживцев — «золотопогонных» генералов и офицеров.

Но Ворошилов руководствовался иным принципом: лучше плохонькое, да свое — классово близкое, рабоче-крестьянское. «За это время, что мне пришлось командовать (под Царицыном. — Ю.Р.), — заявил он на VIII съезде

¹ Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 323, 326.

партии в 1919 г., — у нас было 60 000 только искалеченных. Вы можете себе представить, какого напряжения были бои. Несмотря на то, что командный состав был не из генштабистов, не из специалистов».

Эти слова вызвали резкую отповедь В.И. Ленина. В позиции Ворошилова, который выступил на съезде в качестве одного из лидеров так называемой военной оппозиции, глава правительства увидел целый комплекс пороков: непонимание политики партии в военном строительстве, выразившейся, в частности, в использовании опыта военных специалистов — офицеров и генералов старой армии, отстаивание отживших форм партизанщины и коллегиальности в управлении войсками и, наконец, достижение цели любой ценой.

«Значит, коллективное командование. Это же сногшибательно, полное возвращение к партизанщине... — заявил Ленин на съезде. — В чем тут подкладка? Подкладка в том, что старая партизанщина живет в нас, и это звучит во всех речах Ворошилова... Это бесспорный факт. Тов. Ворошилов говорит: у нас не было никаких военных специалистов и у нас 60 000 потерь. Это ужасно... Героизм царицынской армии войдет в массы, но говорить, мы обходились без военных специалистов, разве это есть защита партийной линии... Виноват тов. Ворошилов в том, что он эту старую партизанщину не хочет бросить.

...В смысле партийной линии, в смысле сознания задач, которые нами поставлены, — продолжал Ленин, — ясно, что по 60 000 мы отдавать не можем и что, может быть, нам не пришлось бы отдавать эти 60 000, если бы там были специалисты, если бы была регулярная армия, с которой приходится считаться»¹.

На игнорирование Ворошиловым основ военной организации обращали внимание многие профессионалы. Так,

¹ Ленин В.И. Речь по военному вопросу на VIII съезде РКП(б) 21 марта 1919 г. // Ленинский сборник. Т. XXXVII. М., 1970. С. 138—139.

бывший генерал-лейтенант царской армии А.Е. Снесарев, военный руководитель (иначе говоря, командующий) Северо-Кавказским военным округом, докладывал председателю Высшего военного совета, что «лично т. Ворошилов как войсковой начальник не обладает нужными качествами. Он недостаточно проникнут долгом службы и не придерживается элементарных правил командования войсками»¹.

Всю полноту власти в Царицыне сосредоточил в своих руках военный совет СКВО во главе со Сталиным, в его состав в августе 1918 г. был включен и Ворошилов. Недоверие к военспецам распространялось в том числе и на руководство военным округом. После острой критики Снесаревым некомпетентных действий военного совета военрук вместе со штабом был арестован. Потребовалось вмешательство Москвы: Снесарев был освобожден и отозван в центр. Сменивший его на посту военного руководителя округом бывший полковник старой армии А.Н. Ковалевский продержался в должности недолго: в начале декабря 1918 г. он был расстрелян «за передачу белогвардейцам сведений военного характера». Правда, к этому времени Ворошилов понижен в должности, будучи назначен командующим 10-й армией.

«Ворошилов есть фикция, — считал Л.Д. Троцкий, бывший тогда председателем Реввоенсовета республики и наркомом по военным и морским делам. — Его авторитет искусственно создан тоталитарной агитацией. На головокругительной высоте он остался тем, чем был всегда: ограниченным провинциалом без кругозора, без образования, без военных способностей и даже без способностей администратора»². Правда, эту уничтожающую характеристику он дал наркому обороны СССР Ворошилову уже в 1930-е гг., но и в дни описываемых событий его оценка

¹ Цит. по: *Медведев Р.А.* Они окружали Сталина. С. 229.

² *Троцкий Л.Д.* Портреты революционеров. М., 1991. С. 143.

не отличалась в лучшую сторону. Несмотря на заступничество члена Политбюро ЦК Сталина, Троцкому после царичинских «подвигов» командарма-10 удалось-таки снять его с должности. Последний был направлен в распоряжение Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, в котором получил портфель наркома внутренних дел. А уже в начале 1919 г., исходя из результатов деятельности Ворошилова на новом месте, ЦК РКП(б) предписал главе украинского правительства Х.Г. Раковскому «провести в жизнь полное отстранение» его «от военной работы»¹.

Но в силу сложившихся обстоятельств Ворошилов, отправленный на Украину, вскоре стал командующим 14-й армии. Уже через месяц за самочинную сдачу Харькова деникинским войскам его предали суду ревтрибунала, который, разбирая обстоятельства дела, пришел к выводу, что военные познания не позволяли доверить Ворошилову даже... батальон.

С образованием в ноябре 1919 г. 1-й Конной армии, во главе которой встал Буденный, Ворошилова назначили членом ее реввоенсовета. Он по праву разделил со всем личным составом крупные успехи армии в боях с войсками А.И. Деникина и П.Н. Врангеля. По свидетельству Буденного, член РВС в прямом смысле слова крепко держался в седле. Он не раз лично ходил в конные атаки, проявляя и храбрость, и лихость. «Интересные бывают люди! — писал бывший командарм, вспоминая об одном из бесчисленных боестолкновений с поляками. — Климент Ефремович — по натуре горячий, в бою менялся и становился необычно хладнокровным. В самый разгар рубки он мог говорить самые обыкновенные вещи, высказывать свое впечатление о бое. И сейчас по виду его казалось, что участвует он не в атаке, где могут убить, а словно бы в спортивном состязании»².

¹ Известия ЦК КПСС. 1989, № 6. С. 171.

² Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2. М., 1965. С. 265.

Климент Ефремович стал широко известным, вырос в политическом отношении. На X съезде партии весной 1921 г. его, командующего войсками Северо-Кавказского военного округа, избрали членом ЦК РКП(б).

В 1924 г. Ворошилов был введен в состав РВС СССР и назначен командующим Московским военным округом, а уже в следующем году после внезапной кончины М.В. Фрунзе он занял пост народного комиссара по военным и морским делам (с июня 1934 г. — нарком обороны).

В 1926 г. Климент Ефремович вошел в состав Политбюро ЦК ВКП(б) и оставался там до 1960 г. Это своеобразный рекорд, недостижимый для других старожилов Политбюро — В.М. Молотова, А.И. Микояна и Л.М. Кагановича. В чем причина такого политического долгожительства? По мнению историков, Ворошилов как политическая личность значительно уступал многим «коллегам» по влиянию: не обладал хитростью Микояна, у него не было организаторских способностей и жестокости Кагановича, он не был искушен, подобно Г.М. Маленкову, в аппаратных интригах, ему не доставало огромной энергии Н.С. Хрущева. Даже как военачальник Ворошилов потерпел больше поражений, чем одержал побед. Но, как ни покажется странным, именно из-за отсутствия каких-либо выдающихся способностей он дольше других сохранял место в верхах партии и государства.

Главное состояло в том, что Сталин, шаг за шагом укрепляя свое единоначалие, мог твердо положиться на Ворошилова в любой политически острой ситуации. С благословения вождя из наркома обороны лепился образ правофлангового Красной Армии, воплощавшего все военные доблести. Вот что, например, писала «Правда» по случаю присвоения ему 20 ноября 1935 г. высшего воинского звания Маршала Советского Союза: «Климент Ворошилов — пролетарий до мозга костей, большевик в каждом своем движении, теоретик и практик военного дела, кавалерист,

стрелок, один из лучших ораторов партии, вдумчивый и кропотливый организатор огромной оборонной машины, автор ярких и сильных приказов, властный и доступный, грозный и веселый...».

«Ворошиловомания» охватила не только армию, но и страну: в честь наркома был назван тяжелый танк КВ — «Клим Ворошилов», наиболее меткие юноши и девушки боролись за звание «Ворошиловский стрелок». Своеобразный культ наркома обернулся десятками хвалебных книг и брошюр; отразился в топонимике: Луганск был переименован в Ворошиловград, Ставрополь — в Ворошиловск, Уссурийск — в Ворошилов, не говоря уже о более мелких населенных пунктах и других географических объектах; не миновал и песенное творчество («Ведь с нами Ворошилов / Первый красный офицер, / Сумеем кровь пролить за СССР...»).

На просторах СССР раздавалось грозно-уверенное:

Когда нас в бой
Пошлет товарищ Сталин,
И первый маршал
В бой нас поведет...

А в действительности, чем дальше военное дело уходило от канонов Первой мировой и Гражданской войн, тем менее Ворошилов был готов выполнять возложенные на него ответственные обязанности. Вроде бы с похвалой отозвался Сталин о Клименте Ефремовиче на расширенном заседании военного совета при наркомате обороны 2 июня 1937 г.: «Вот Ворошилов — невоенный человек в прошлом, вышел из народа, прошел все этапы Гражданской войны, воевал неплохо, стал популярным в стране, в народе, и ему по праву было присвоено звание маршала...»¹. Но против

¹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1120, л. 103.

воли оратора становилось понятным, что оснований для наркомовских амбиций у Ворошилова не было, прямо сказать, никаких.

Для людей, не посвященных в тайны большой политики, возвеличивание наркома обороны было тем более удивительно, что Красная Армия имела в своих рядах куда более масштабных военных деятелей и удачливых полководцев — А.И. Егорова, С.С. Каменева, А.А. Свечина, М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича, Б.М. Шапошникова, десятки других. Наркома выручало как раз то, что в руководящем звене было немало пусть нелюбимых им, но зато знающих толк в военном деле «умников», компенсировавших своей деятельностью недостатки руководителя военного ведомства.

Маршал Г.К. Жуков вспоминал, как в 1936 г. на его глазах шла разработка нового Боевого устава: «Нужно сказать, что Ворошилов, тогдашний нарком, в этой роли был человеком малокомпетентным. Он так до конца и остался дилетантом в военных вопросах и никогда не знал их глубоко и серьезно. Однако занимал высокое положение, был популярен, имел претензии считать себя вполне военным и глубоко знающим военные вопросы человеком. А практически значительная часть работы в наркомате лежала в то время на Тухачевском, действительно являвшемся военным специалистом...

Во время разработки Устава помню такой эпизод... — продолжал Жуков. — Тухачевский как председатель комиссии по Уставу докладывал Ворошилову как наркому. Я присутствовал при этом. И Ворошилов по какому-то из пунктов, уже не помню сейчас по какому, стал высказывать недовольство и предлагать что-то, не шедшее к делу. Тухачевский, выслушав его, сказал своим обычным, спокойным голосом:

— Товарищ нарком, комиссия не может принять ваших поправок.

— Почему? — спросил Ворошилов.

— Потому что ваши поправки являются некомпетентными, товарищ нарком.

Он умел давать резкий отпор в таком спокойном тоне, что, конечно, не нравилось Ворошилову»¹.

Если в 30-е гг. техническое перевооружение Красной Армии достигло немалых рубежей, то это меньше всего было заслугой наркома обороны. Он даже в 1938 г. продолжал преувеличивать роль крупных кавалерийских соединений в будущей войне: «Конница во всех армиях мира переживает, вернее, уже пережила кризис и во многих армиях почти что сошла на нет... Мы стоим на иной точке зрения... Мы убеждены, что наша доблестная конница еще не раз заставит о себе говорить как о мощной и победоносной красной кавалерии». Такой настрой руководителя военного ведомства серьезно тормозил процесс моторизации и механизации Красной Армии, выхода ее на передовые позиции.

Зато когда пришел 1937 год, Ворошилов стал послушным орудием Сталина в осуществлении преступных репрессий. Десятки тысяч человек были арестованы, заключены в лагеря, физически истреблены. Особенно страшный удар обрушился на высший комсостав. За годы Великой Отечественной войны Красная Армия потеряла 180 человек в должности от командира дивизии до командующего фронтом. За несколько же предвоенных лет — с 1936 г. по 1941 г. — были арестованы 932 человека, составлявших высший комначполитсостав РККА от бригадного звена и выше, из которых 729 расстреляно, 63 умерли, находясь под стражей, и 10 покончили жизнь самоубийством². Военный историк О.Ф. Сувениров, которому принадлежат эти подсчеты, на наш взгляд, обоснованно назвал Ворошилова палачом Красной Армии. Да и как иначе, если абсолютное

¹ *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. С. 383.

² *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937—1938. С. 305.

большинство репрессированных командиров, политработников и других лиц начсостава были подвергнуты аресту именно с его санкции. Какой враг был способен так ослабить армию, да еще в канун мировой войны!

А ведь и те редкие случаи, когда нарком проявил даже не твердость, но хотя бы готовность вмешаться и не «сдать» подчиненного тут же, показывают его немалые возможности. Одно короткое слово «оставить», написанное на ходатайствах Особого отдела ГУГБ НКВД СССР об увольнении и аресте, спасло жизнь начальникам военных академий Н.А. Веревкину-Рахальскому и И.А. Лебедеву. Даже менее категоричные резолюции наркома: «Пока оставить в покое», «Вызвать для разговора» спасли для нашей армии тогда полковника, а в будущем — Маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского, комбрига (в годы войны — генерала армии, командующего войсками нескольких фронтов) И.Е. Петрова, комбрига, а позднее генерал-лейтенанта П.С. Кленова, назначенного перед войной на должность начальника штаба Прибалтийского особого военного округа. Но такая «милость» наркома распространялась лишь на немногих.

Бывший заместитель главного военного прокурора Б.А. Викторов на основе анализа огромного числа документов пришел к следующему выводу: «Справедливость требует преступником объявить и К.Е. Ворошилова. История советского правосудия не знает такого избытка достоверных неопровержимых доказательств, которые так неотразимо изобличали бы подсудимого в преднамеренном уничтожении неудобных ему людей»¹.

Чем обернулся погром Вооруженных Сил, показала «зимняя война» с Финляндией в ноябре 1939 г. — марте 1940 г. Несмотря на значительное превосходство в силах, победа досталась Советскому Союзу с большим трудом и громадными потерями. Весь мир увидел низкую боеспо-

¹ Викторов Б.А. Без грифа «секретно». Записки военного прокурора. М., 1990. С. 259.

собность Красной Армии, и во многом здесь был повинен многолетний нарком обороны.

Как вспоминал маршал Жуков, Сталин в разговоре с ним весной 1940 г. очень резко отозвался о Ворошилове: «Хвастался, заверял, утверждал, что на удар ответим тройным ударом, все хорошо, все в порядке, все готово, товарищ Сталин, а оказалось...»¹.

Но отделался Климент Ефремович сравнительно легко, не в пример жертвам беззаконий. Вынужденный признать на Пленуме ЦК ВКП(б) в конце марта 1940 г. несостоятельность своего руководства НКО, он был освобожден от обязанностей наркома обороны. Освобожден, чтобы тут же получить очередное высокое назначение — заместителя председателя Совета народных комиссаров СССР и председателя Комитета обороны при СНК СССР.

К началу Великой Отечественной войны Ворошилову исполнилось 60 лет. С созданием 23 июня 1941 г. высшего органа стратегического руководства Вооруженными Силами — Ставки Главного Командования (преобразованной 8 августа в Ставку ВГК) он вошел в ее состав, а 30 июня стал членом высшего чрезвычайного органа власти — Государственного Комитета Обороны.

Сталин, разочарованный крупными неудачами своих выдвиженцев генералов Д.Г. Павлова и М.П. Кирпоноса — командующих Западным и Юго-Западным фронтами, которым довелось первыми повести военные действия против немецко-фашистских войск, решил направить им в помощь нескольких маршалов. Ворошилов убыл 27 июня на Западный фронт. В Могилеве, где располагался штаб фронта, Климент Ефремович убедился, что Павлов не знает обстановки и потерял управление войсками. Но какую помощь был способен оказать ему высокий московский гость, и сам-то слабо разбиравшийся в особенностях современной маневренной войны?

¹ *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения... С. 349.

Позднее маршал, вспоминая об этом первом выезде на фронт, писал: «Моя поездка явилась кратковременной — с 27 июня по 1 июля 1941 г., — но она была настолько тяжелой и напряженной, что стоила мне, по всей вероятности, многих лет жизни».

Пользуясь полномочиями члена Ставки, маршал смог лишь информировать Москву о том немногом, что узнал на фронте, да непрерывно запрашивал помощь техникой и маршевыми пополнениями. Это вызывало раздражение, поскольку его направили в Белоруссию как раз для выявления возможностей отпора немцам на месте. Между тем войска фронта отступали, уже 28 июня пал Минск. В ответ на очередную просьбу выделить резервы Сталин приказал Ворошилову возвратиться в Москву.

С созданием 10 июля 1941 г. главных командований на каждом из основных стратегических направлений — Северо-Западном, Западном и Юго-Западном — Ворошилов стал главнокомандующим первым из них, включавшем войска Северного и Северо-Западного фронтов, силы Северного и Балтийского флотов. Работал он вроде бы много — заслушивал доклады командующих и других должностных лиц фронтов, организовал работы по строительству оборонительных сооружений, обращал внимание на приведение в порядок частей и соединений, но обстановка вокруг Ленинграда с каждым днем продолжала ухудшаться. К середине августа в результате одновременного наступления противника крупными силами на Карельском перешейке, в Эстонии и на кингисеппском направлении создалось очень тяжелое положение в полосе обоих фронтов.

По решению Ставки ВГК в конце августа Северо-Западное стратегическое направление было упразднено, и Ворошилов встал у руля Ленинградского фронта. Можно сравнительно легко поменять место службы, но как в одночасье преодолеть некомпетентность, изменить стиль управления войсками? «Ставка считает тактику Ленинградского фронта пагубной

для фронта, — телеграфировал Сталин Ворошилову 1 сентября 1941 г., — Ленинградский фронт занят только одним — как бы отступить и найти новые рубежи для отступления. Не пора ли кончить с героями отступления? Ставка последний раз разрешает Вам отступить и требует, чтобы Ленинградский фронт набрался духу честно и стойко отстаивать дело обороны Ленинграда».

Но чем мог по-настоящему ответить военачальник, придерживающийся архаичных взглядов на военное искусство? Ворошилов ответил действиями, которые в постановлении Политбюро ЦК от 1 апреля 1942 г. (с него начался очерк) были обоснованно расценены как серьезные ошибки. А еще — порывистым поступком, выглядевшим, правда, как проявление крайнего отчаяния. 10 сентября в районе Красного Села Климент Ефремович лично, под сильным огнем противника, повел подразделение морских пехотинцев в атаку. Вид седого маршала, выкрикивавшего: «За мной, ребята! Вперед!», размахивавшего пистолетом, был способен вызвать уважение к храбрости этого человека. Но и вопрос: а что еще он может, причем такое, что требуется не от лейтенанта, командира взвода, а именно от маршала, командующего фронтом?

8 сентября гитлеровцам удалось прорваться к Ладожскому озеру и захватить Шлиссельбург. Связь с Большой землей по суше прервалась, город на Неве был блокирован. 9 сентября Верховный Главнокомандующий направил Ворошилову и Жданову телеграмму следующего содержания: «Вы сообщаете нам только лишь о потере нами той или иной местности, но обычно ни слова не сообщаете о том, какие же вами приняты меры для того, чтобы перестать терять наконец города и станции... Может быть, вы уже решили сдать Ленинград?»¹. По решению Сталина во главе

¹ См.: Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 2001. С. 664.

Ленинградского фронта с 10 сентября встал генерал армии Жуков.

Время окончательно уценило бывшего командующего как военачальника. Его крайне неудачные действия в феврале—марте 1942 г. уже в качестве представителя Ставки на Волховском фронте окончательно убедили в этом Сталина. В последующем, если Ворошилова изредка использовали в качестве представителя Ставки, то только вместе с другими, куда более одаренными военачальниками: Г.К. Жуковым, А.М. Василевским, С.М. Штеменко. Какое-то время он был главнокомандующим партизанским движением и председателем Трофейного комитета при ГКО, но к осени 1943 г. его освободили и от этих обязанностей. В последнем составе Ставки ВГК, утвержденном ГКО 17 февраля 1945 г., места Ворошилову уже не нашлось.

После мая 1945 г. к военным делам маршал, по существу, отношения не имел. Как заместитель председателя Совета Министров СССР, он занимался сферой культуры. Стали ухудшаться его ранее почти безоблачные отношения с вождем. Открытое пренебрежение, которое демонстрировал Сталин, приобретало подчас зловещие формы. Заместитель главкома Военно-Морского Флота адмирал И.С. Исаков привел характерный эпизод. На одном из заседаний Политбюро, обсуждавшего пути развития ВМФ, Ворошилов высказался невпопад. Сталин отреагировал так, что у адресата его слов предательски побежал по спине озноб: «Не понимаю, для чего хочется товарищу Ворошилову ослабить Советский Военно-Морской Флот». Эта реплика, к тому же повторенная дважды, естественно, не ускользнула от внимания присутствующих. Когда после заседания все по приглашению Сталина стали смотреть кинофильм, рядом со старым маршалом образовался вакуум.

Фильм закончился. Вождь, увидев одиноко сидящего Ворошилова, неожиданно встал и, подойдя, положил ему руку на плечо. «Лаврентий, — обратился он к Берии. —

Надо нам лучше заботиться о Ворошилове. У нас мало таких старых большевиков, как Клим Ворошилов. Ему нужно создать хорошие условия»¹. Все молчали. Да и что тут скажешь, если «позаботиться» о давнем соратнике предлагается карательных дел мастеру. А в последние годы жизни Сталина его подозрительность дошла до такой степени, что он не раз объявлял Ворошилова английским шпионом.

Становится поэтому понятным, почему, по свидетельству знавших маршала, он в последние годы жизни старался не вспоминать ни Сталина, ни его окружение, ни характер своих взаимоотношений с вождем.

После кончины Сталина Ворошилов получил почетный, но малозначительный пост председателя Президиума Верховного Совета СССР. В этом качестве он в июне 1957 г. поддержал группу ортодоксальных сталинистов в лице В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова, выступивших за снятие Н.С. Хрущева с поста первого секретаря ЦК КПСС. Но когда увидел, что на начавшемся Пленуме ЦК дело оборачивается не в пользу противников Хрущева, отмежевался от них.

Сохранивший свой пост Хрущев с готовностью поддерживал версию председателя Президиума Верховного Совета СССР, что того «черт попутал»: «Климент Ефремович случайно попал в компанию, которую пытались сколотить члены антипартийной группы. Вначале он не разобрался, что к чему, а теперь искренне выступил. Его хотели использовать, всего он не знал. Мы верим в искренность ваших слов, Климент Ефремович»².

Но Хрущев не был бы самим собой, если бы не добавил ложку дегтя. С оговорками он, тем не менее, напомнил о возрасте Ворошилова и фактически предложил тому перейти на пенсию.

¹ *Медведев Р.А.* Они окружали Сталина... С. 261.

² Цит. по: Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998. С. 461, 497.

Но еще около трех лет маршал оставался «президентом» Советского Союза, только в мае 1960 г. «по состоянию здоровья» уйдя с занимаемого поста. Через два месяца ее вывели из состава Президиума ЦК КПСС.

На XXII съезде КПСС в октябре 1961 г. встал вопрос о его ответственности за массовые репрессии, правда, это осталось без последствий. Надо, однако, отдать должное Ворошилову: в отличие от Молотова или Кагановича, он всегда вспоминал о «великой чистке» с чувством горечи, а Тухачевского и других расстрелянных вместе с ним военачальниках никогда не называл виновными. Своими положительными отзывами о репрессированных (он, например, написал сочувственную статью о Гамарнике) бывший нарком обороны как бы пытался загладить свою вину перед ними.

По воспоминаниям людей, знавших его в то время, Климент Ефремович и много позже отставки с официальных постов пытался сохранять реноме видного политического деятеля, народного героя. Например, время от времени выходил на пересечение улиц Герцена и Грановского (где жил в знаменитом на всю Москву доме) и вел импровизированный прием: выслушивал от узнававших его прохожих жалобы и просьбы, получал письменные ходатайства.

Первый советский маршал скончался в 1969 г. на 88-м году жизни от сердечной недостаточности после очередного воспаления легких. Как вспоминал академик Е.И. Чазов, возглавлявший 4-е Главное управление Министерства здравоохранения СССР, в Кунцевскую больницу с дачи его увозили в тяжелом состоянии. Но и здесь Ворошилов проявил характер. Он категорически отказался ехать машиной скорой помощи да еще на носилках, заявив, что «маршалов на “дурацких” носилках еще не таскали». Вызвал из Верховного Совета СССР «Чайку», сел на откидное кресло, на котором обычно ездил «для сохранения осанки», и только так поехал в больницу¹.

¹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. М., 1992. С. 32.

Посмертно все положенные почести Клименту Ефремовичу были отданы. Из уважения к герою Гражданской войны его прах (как и С.М. Буденного) покоится на Красной площади в земле, а не в Кремлевской стене. Но память о себе Ворошилов оставил, как видим, неоднозначную.

С.М. Буденный:
«Я — ИЗ ЛЮДЕЙ, ПОДНЯВШИХСЯ ИЗ САМОЙ
ГУЩИ НАРОДНЫХ МАСС»

Трижды Герой Советского Союза и Маршал Советского Союза С.М. Буденный поднялся из самих низов, сумев сполна использовать возможности, которые открыла революция. Сын иногороднего крестьянина-батрака Донской области, он был призван в армию еще в 1903 г. Участвовал в Русско-японской, затем в Первой мировой войне. Лихой рубака имел полный бант георгиевских наград — четыре креста и четыре медали.

Но своей легендарной славой он обязан Гражданской войне. Старший унтер-офицер в старой армии, Семен Михайлович за один год стал красным генералом, поднявшись от помощника командира полка до командующего 1-й Конной армией, с которой прославился в операциях на Нижней Волге и Дону, в Донбассе и на Кубани, на польском и врангелевском фронтах. Официально удостоился редкого звания «Народный герой РСФСР».

О нем и его армии слагали легенды, сочиняли стихи и песни, например «Мы — красная кавалерия» с таким припевом:

Веди ж, Буденный, нас смелее в бой!
Пусть гром гремит,
Пускай пожар кругом.
Мы — беззаветные герои все,
И вся-то наша жизнь есть борьба!

Как кавалерийский начальник Семен Михайлович вырос и окреп под крылом Б.М. Думенко. Именно бывший батрак Борис Макеевич Думенко (а не Буденный, как твердила официальная пропаганда еще с 1920-х гг.), стоял у истоков кавалерийских соединений Красной Армии. Этот процесс историки связывают с летом 1918 г., когда по решению военного совета Северо-Кавказского военного округа на Донском фронте в ходе оборонительных боев началось более или менее планомерное формирование кавалерийских частей. Имевшаяся в Сальской группе войск конница примерно в 2 тыс. сабель была сведена в 1-й Крестьянский Социалистический кавполк, командиром которого стал Думенко, а заместителем комполка — Буденный.

Позднее Думенко сформировал вначале кавбригаду, а в ноябре 1918 г. первую в Красной Армии полнокровную кавалерийскую дивизию. Это был тот рубеж, после которого кавалерия переставала восприниматься как вспомогательный (для пехоты) род войск и было положено начало формированию стратегической конницы Красной Армии.

В связи с резким обострением обстановки вокруг Царицына в середине января 1919 г. К.Е. Ворошилова в качестве командующего 10-й армией сменил А.И. Егоров. Он сумел эффективно использовать конников Думенко, сначала отбив с их помощью удар по городу с юга, а затем направив кавдивизию на северном участке фронта в глубокий рейд по тылам противника. Ударом по базам удалось сорвать наступление белых. «Устремившись по тылам противника, кавдивизия совершила 400-верстный рейд, разбила 23 полка, захватила 48 орудий, более 100 пулеметов, бронепоезд и много другой военной добычи... За этот подвиг кавдивизия была награждена Почетным знаменем Республики, а начдив Думенко, комбриги Буденный и Булаткин — орденами Красного Знамени»¹.

¹ Дедов И.И. В сабельных походах. Ростов-на-Дону, 1989. С. 69—70.

Заболевший тифом Думенко временно передал командование дивизией своему помощнику Буденному (он же командир 1-й бригады). Семен Михайлович, впервые получив простор для самостоятельной деятельности, обедни, что называется, не испортил. Вместе с тем он постарался выйти из-под опеки своего начдива, ревнуя к славе Думенко, которого называли «первой шашкой Республики» и ставили в один ряд с Г.И. Котовским и В.М. Примаковым.

В мае — июне 1919 г. 4-я кавдивизия Красной Армии — такое наименование получило соединение — стала ядром мощного кавалерийского корпуса. Формирование корпуса командующий 10-й армией Егоров поручил Думенко, а поскольку до этого корпусная организация в штатах Красной Армии не предусматривалась, Бориса Макеевича назначили помощником начальника штаба армии по кавалерийской части, начальником же 4-й кавдивизии стал Буденный.

Создание новых конных соединений в 10-й армии шло одновременно с ее участием в ожесточенных боях. Численное превосходство деникинских войск было подавляющим. Против Южного фронта А.И. Деникин выставил 26 кавалерийских дивизий, большинство из которых были объединены в конные корпуса под командованием генералов Покровского, Улагая, Шкуро, Шатилова, Коновалова, Мамонтова, Секретева. Чтобы победить, красные должны были противопоставить коннице противника не менее мощные и численно сопоставимые кавалерийские соединения.

Красная Армия ответила созданием своих корпусов. 1-й Конный корпус из-за тяжелого ранения Думенко был в середине августа 1919 г. вверен Буденному и передан в 9-ю армию. Самому же Борису Макеевичу, вернувшемуся после излечения в строй в начале сентября, приказом по 10-й армии поручили формирование нового корпуса.

Позднее в исторической литературе строительство первых конных соединений в Красной Армии представляли в совершенно неузнаваемом виде. Дело в том, что в 1920 г.

Думенко по лживому обвинению в антисоветской деятельности был предан суду и расстрелян. Его имя на десятилетия исчезло из литературы, а его воинскую славу, как ни прискорбно, беззастенчиво «приватизировал» Буденный.

В профессиональном же отношении Семен Михайлович оказался не просто состоятельным, но и талантливым. В историю Гражданской войны вошел возглавляемый им смелый рейд по разгрому конных корпусов генералов Мамонтова и Шкуро в октябре 1919 г. Красный корпус в составе двух дивизий сумел разгромить шесть казачьих дивизий белых, освободить Воронеж и ликвидировать 100-километровую брешь во фронте на московском направлении. За этот рейд Буденный удостоился почетного революционного оружия — шашки с орденом Красного Знамени на эфесе.

19 ноября 1919 г. 1-й Конный корпус был преобразован в 1-ю Конную армию (в ее реввоенсовет вошли С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов и Е.А. Щаденко). Здесь талант «красного Мюрата», как называли командарма его коллеги, развернулся во всю ширь. Творчески подходя к организации боя и операции, Семен Михайлович добивался широкого взаимодействия конницы с пехотой, авиацией и бронесилами, прибегал к активному маневру огнем и колесами, действовал внезапно, в ночное время и непогоду. Не боялся схватываться с численно превосходящим противником.

Сошлемся на авторитетное мнение М.Н. Тухачевского. В феврале 1920 г. командующий Кавказским фронтом так отзывался о подчиненном: «В оперативном отношении Буденный, кроме Уборевича, — самый способный командарм и самый дисциплинированный... Конечно, простоват как унтер-офицер. Вот мое мнение о Буденном. Считаю, что у нас в России никогда не было конницы, равной Конармии по смелости и умению действовать исключительно в конном строю»¹.

¹ Цит. по: *Генис В.Л.* «Батайская пробка» // Вопросы истории, 1993, № 1. С. 158.

Несколько позднее, в 1921 г., Реввоенсовет республики аттестовал Буденного следующим образом: «Врожденный кавалерист-начальник. Обладает оперативно-боевой интуицией. Кавалерийское дело любит и хорошо знает... В должности командарма Конной — незаменим».

Как видим, Семен Михайлович проявил себя лихим рубакой, умелым военачальником. Но — таков был его собственный выбор — по существу, с самого начала своей биографии он штурмовал вершины власти не только воинским мастерством, но и интригами, ложью, устранением с пути конкурентов.

В начале января 1920 г. боевые дела в последний раз свели Буденного с его первым командиром на ратных дорогах. Их соединения вели наступление на Ростов-на-Дону. Конно-Сводный корпус Думенко, включенный к этому времени в состав Юго-Восточного фронта, наступая от Царицына, вместе с другими соединениями 9-й армии взял Новочеркасск, что во многом предрешило исход дальнейшей борьбы за Ростов. Конница Буденного после сражения за Донбасс, в свою очередь, в этот же день взяла Таганрог, а 10 января полностью очистила Ростов от белых.

Встреча двух военачальников в столице тихого Дона оказалась роковой для Думенко. Как позднее заявил Буденный ревтрибуналу, командир Конно-Сводного корпуса явился к нему и стал подбивать на совместное выступление против советской власти. И хотя в действительности Думенко предлагал объединить силы в наступлении против белых, версия о готовящейся им измене возобладавала. Историк В.Д. Поликарпов, анализируя материалы судебного заседания выездной сессии Ревтрибунала РСФСР по «делу» Думенко 5—6 мая 1920 г., обращает внимание на то, насколько ярко проявилось в нем полное беззаконие, скрытое под маской «революционной законности»¹. 11 мая 1920 г. на окраине Ростова-на-Дону «первая шашка Республики» Борис Думенко был расстрелян.

¹ Поликарпов В.Д. Другая сторона буденновской легенды // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М., 2002. С. 599—601.

Революционный «суд» пришел на помощь и при устранении еще одного «конкурента» Буденного — командующего 2-й Конной армией Ф.К. Миронова. Назначенный инспектором кавалерии Красной Армии Филипп Кузьмич был в феврале 1921 г. арестован по вздорному обвинению в подготовке антисоветского восстания и заключен в Бутырскую тюрьму. Никаких реальных доказательств вины Миронова не было, и тогда с героем расправились по-бандитски. Во время прогулки по тюремному двору талантливый военачальник был застрелен одним из охранников.

Семен Михайлович не постеснялся присвоить заслуги 2-й Конной в изгнании из Крыма Врангеля¹. Маршал на свою беду запомнил, что сам же по горячим следам событий 16 ноября 1920 г. подписал вместе с Ворошиловым и Блюхером телеграмму в Москву, из которой следовало, что окончательно принудила противника «паническим бегством очистить Крым» именно 2-я Конная, а 1-я следовала за ней на расстоянии суточного перехода.

Истина имеет одну особенность: рано или поздно она выходит на поверхность. В 1960 г. Военная коллегия Верховного суда СССР реабилитировала Миронова. В 1964 г. был отменен и приговор в отношении Думенко за отсутствием в его действиях состава преступления. Спасая свою репутацию кавалериста № 1, Буденный попытался оказать давление на Главную военную прокуратуру, одернуть историков и архивистов, взявшихся восстанавливать доброе имя репрессированных военачальников. Он даже опубликовал в журнале Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС статью под «говорящим» заголовком «Против искажения исторической правды», в которой бросал в адрес Думенко и Миронова замшелые обвинения в антисоветчине².

¹ См.: *Буденный С.М. Пройденный путь*. Кн. 3. М., 1973. С. 146.

² Вопросы истории КПСС, 1970, № 2.

После этих попыток повторно дискредитировать реабилитированных военачальников даже союзникам Семена Михайловича стало ясно, что престарелый маршал борется совсем не за историческую правду. Его страшила перспектива появления на белый свет истины о людях, заслуги которых он приписал себе.

Мы, однако, на целых полвека забежали вперед. В начале января 1920 г. 1-я Конная, очистив Донбасс от белых, вошла в Ростов-на-Дону. Здесь она задержалась на полтора месяца, не в силах после форсирования Дона сходу захватить Батайск и выйти на оперативный простор. Воспользовавшись десятидневной паузой, деникинцы закрепились на линии Азов — Батайск — Ольгинская и до конца февраля успешно срывали попытки красных преодолеть сильно заболоченную пойму Дона. В литературе этот эпизод получил специальное название — «Батайская пробка».

Причину задержки с выполнением директивы вышестоящего командования по преследованию противника Буденный в мемуарах объяснял «оттепелью, сильными туманами, ненадежностью льда и отсутствием достаточных для армии переправ через Дон»¹. Все эти неблагоприятные факторы присутствовали, но главной причиной стало, как свидетельствуют документы, все же другое. «Пребывание частей войск в Ростове, Нахичевани и Новочеркасске и больших станциях с огромными запасами вина сыграло большую роль в отношении боеспособности войск, — докладывали главкому С.С. Каменеву командующий Юго-Восточным (с 16 января — Кавказским) фронтом В.И. Шорин и член РВС В.А. Трифонов. — В особенности это отразилось на Конной армии, где большинство предавалось пьянству, грабежу и насилиям в городах Ростове и Нахичевани. Наступившая в это время оттепель и появление на поверхности льда воды дало войскам как

¹ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 1. М., 1958. С. 384—385.

бы законную причину на обречение себя к бездействию и топтанию на месте»¹.

Срывался замысел Главного командования РККА, который состоял в том, чтобы силами войск Южного и Юго-Восточного фронтов продолжить энергичное и согласованное наступление на юг для окончательного разгрома отступавших на Кавказ деникинских войск. На этом фоне между РВС 1-й Конной и командованием фронтом возник острый конфликт. Буденный, Ворошилов и Щаденко направили Троцкому и Сталину телеграмму, в которой протестовали против обвинений Шорина в том, что Конармия «утопила свою боевую славу в ростовских винных подвалах», и возлагали на него ответственность за то, что «Конармия тонет и гибнет в батайских болотах».

В конце концов, главком С.С. Каменев, учитывая, что атаки через пойму Дона не давали результата, приказал перебросить 1-ю Конную армию выше по течению реки Дон, чтобы там осуществить переправу и нанести удар во фланг батайской группировке белых. Однако и эта попытка в конце января сорвалась.

Задачу пробить «Батайскую пробку» была возложена на 8-ю армию, а 1-я Конная новым командующим Кавказским фронтом Тухачевским была перенацелена на Тихорецкую для удара в стык Донской и Кубанской армий Деникина. Решающее сражение с главными силами противника произошло в конце февраля — начале марта в районе станции Егорлыкская. С обеих сторон в нем принимало участие свыше 40 тыс. всадников, а также стрелковые части.

Генерал А.И. Деникин писал о поражении, понесенном его войсками у Торговой, Белой Глины, Среднего Егорлыка и Егорлыкской, так: «Дух был потерян вновь. Наша конная масса... пораженная тяжким душевным недугом, лишенная воли, не верящая в свои силы, она избегала уже серьезного

¹ Цит. по: *Генис В.Л.* «Батайская пробка». С. 153—154.

боя и слилась в конце концов с общей человеческой волной в образе вооруженных отрядов, безоружных толп и огромных таборов беженцев...»¹.

Белые надеялись, оторвавшись от преследующих их соединений Красной Армии, «отсидеться» в более или менее обеспеченном районе, чтобы прийти в себя. Однако отсидеться не удалось. Остатки деникинских частей в беспорядке отступали. В середине марта армия Буденного в районе Усть-Лабинской разгромила казачий корпус Султан-Гирея, а 22 марта вступила в Майкоп — центр нефтяных промыслов. Овладением Майкопа закончились крупные операции на Северном Кавказе.

Уже в начале апреля 1920 г. 1-я Конная армия походным порядком направилась на запад к советско-польской границе: 2 мая, пройдя две с половиной тысячи километров, она в количестве 18 тыс. сабель сосредоточилась в районе Умани. С ее прибытием состав Юго-Западного фронта (командующий А.И. Егоров) увеличился в 1,5 раза, а кавалерии — сразу в 4 раза. Это позволило нашим войскам перейти в наступление. После успешного прорыва польской обороны и продвижения в глубь тылов противника центр тяжести боев переместился с северо-западного, луцкого, направления на юг, в район Дубно — Кременец — Броды. 22 июля командующий фронтом поставил перед 1-й Конной армией задачу, окончательно разгромив дубно-кремenceцкую группу противника, стремительным рейдом овладеть не позднее 29 июля районом Львов — Рава-Русская.

Однако уже 2 августа РВС 1-й Конной вынужден был поставить в известность штаб фронта, что не сможет взять Львов и к 6 августа из-за крайнего переутомления личного состава и лошадей. Действительность оказалась еще более прозаической: лишь 19 августа передовые части армии оказались в 8—10 километрах от города.

¹ Деникин А.И. Поход на Москву. М., 1989. С. 219.

К этому времени резко обострилась обстановка под Варшавой. Встал вопрос о переброске объединения Буденного на помощь войскам Западного фронта. После обсуждения на Политбюро ЦК РКП(б) 21 августа армия снялась из-под Львова и повернула на север в направлении Замостье — Новоград-Волынский. Однако было уже поздно, положение под Варшавой поправить не удалось. Советские войска отступали.

Между тем при своевременном прибытии 1-й Конной события могли бы приобрести совершенно иной характер. Г.С. Иссерсон, один из крупнейших советских военных теоретиков, привел свидетельство французского полковника Луара, бывшего военным советником у маршала Ю. Пилсудского, главы Польского государства и верховного главнокомандующего польской армией. «Что стало бы с польским маневром, — в 1925 г., то есть по горячим следам войны задавался француз вопросом, — если бы Буденный всей Конной армией обрушился на контратакующие с Вепржа войска, ничем не обеспеченные с юга, а не упорствовал в своем желании пожать лавры, ведя бесполезные боевые действия под Львовом?» И сам же отвечал: «Операция польских войск потерпела бы полный крах. Какие бы это имело последствия, даже трудно себе представить»¹.

Это признавал и сам Пилсудский в своем труде «1920 год».

19 сентября командующий Западным фронтом Тухачевский принял решение отвести 1-ю Конную армию в район Кременчуга, откуда после отдыха конники должны были совершить переход на Южный фронт для борьбы против Врангеля.

Отвод из-под Львова, взятие которого конармейцы считали делом предрешенным и потому говорили о нем как украденной победе, большие людские потери, слабая борьба за дисциплину разом подорвали и без того не очень

¹ Иссерсон Г. Судьба полководца // Дружба народов, 1988, № 5. С. 186.

устойчивое моральное состояние 1-й Конной. Обычными стали случаи перехода личного состава на сторону врага и дезертирство (за один только октябрь строй покинули около 1200 бойцов), мародерство, грабежи, антисемитские погромы. По оценкам историков, армия буквально в считанные дни оказалась «на грани катастрофы»:

Переломить ситуацию удалось лишь самыми жестокими мерами. Особенно разложившаяся 6-я кавдивизия была расформирована, ее начальник И.Р. Апанасенко (будущий генерал армии), командиры 1-й и 2-й бригад В.И. Книга и К.Н. Анисимов, два комполка преданы суду ревтрибунала. За преступления были расстреляны около 400 конармейцев.

Но настоящий порядок так и не был наведен, грабежи и погромы сопровождали 1-ю Конную и в пути, и по прибытии на Южный фронт. В связи со сложившейся обстановкой командующий фронтом М.В. Фрунзе в письме В.И. Ленину просил обратить особое внимание на «необходимость принятия срочных мер по приведению в порядок в политическом отношении 1-й Конной армии». «Полагаю, — писал он, — что в лице ее мы имеем большую угрозу для нашего спокойствия в ближайшем будущем»¹.

В свете этого уже иначе воспринимаешь тот факт, что 1-я Конная при взятии Крыма шла во втором эшелоне. Но поскольку «крестным отцом» 1-й Конной выступал Сталин, ни Буденный, ни Ворошилов не только не понесли никакой ответственности, но, наоборот, надежно вошли в кадровую обойму вождя.

В сентябре 1923 г. Семен Михайлович получил назначение помощником главкома по кавалерии. Он также возглавил инспекцию кавалерии РККА, стал членом Реввоенсовета СССР. Вместе с Ворошиловым Сталин активно использовал его в противостоянии с Троцким. Борьба увенчалась

¹ Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., 1957. Т. 1. С. 359.

успехом: январский Пленум ЦК РКП(б) в 1925 г. признал невозможным дальнейшее пребывание Л.Д. Троцкого на постах наркомвоенмора и председателя РВС. К концу года эти же вакансии открылись вновь: ставший было наркомом М.В. Фрунзе умер во время операции. Военное ведомство возглавил Ворошилов.

После этого участие Буденного в политических акциях стало усиливаться. В острой борьбе с антисталинскими оппозициями, постоянно сотрясавшей партию, бывший командующий 1-й Конной сразу и навсегда избрал сторону вождя. Это отразилось на его номенклатурном положении: в 1934 г. Буденный стал кандидатом, а в 1939 г. — членом ЦК, пребывая там до 1952 г. С 1-го же созыва в 1937 г. он попал в состав Президиума ВЦИК (позднее — Верховный Совет СССР).

Буденный рос и по военной линии. В 1934 г. он стал членом военного совета при Наркомате обороны, а в 1935 г. был удостоен высшего воинского звания Маршал Советского Союза¹. В июле 1937 г. стал командующим войсками Московского военного округа. Назначение, осуществленное сразу после суда над группой Тухачевского, было более чем знаковым: в столичном округе Сталину требовался абсолютно преданный ему руководитель.

Тем более что Семен Михайлович выдержал испытание на верность вождю, будучи включен в число судей на про-

¹ Русские военные эмигранты, пунктуально отслеживавшие перемены, которые происходили в Красной Армии в 20—30-е годы, относились к Буденному с нескрываемой иронией. Полковник А.А. Зайцов в работе, посвященной 16-летию РККА, писал о бывшем командующем 1-й Конной армией: «Человек ограниченных умственных способностей, живущий за счет приобретенного им во время Гражданской войны ореола советского Мюрата, играет в военной среде примерно ту же декоративную роль, как и в советском правительстве "всесоюзный староста" Калинин» (цит. по: Военная мысль в изгнании. Российский военный сборник, вып. 16. М., 1999. С. 259).

цессе Тухачевского и других военачальников. Достоинством гласности стала его докладная записка Сталину от 26 июня 1937 г., в которой автор, не ограничиваясь освещением хода судебного процесса, излагал «хозяину» личные впечатления, бывшие, разумеется, не в пользу подсудимых. В уничтожительном духе характеризуя последнее слово подсудимых, Тухачевского, Якира, Уборевича, Путны, Фельдмана и других, маршал-судья резюмировал: «Подсудимые, хотя и заявили о том, что они пораженческого плана германскому генштабу не успели передать, я же считаю, что план поражения красных армий, может быть не столь подробный, все же германской разведке был передан»¹.

Чужая душа — потемки. Что заставляло Буденного пинать уже расстрелянных? Давняя неприязнь к «шибко умным» Тухачевскому, Уборевичу и их товарищам, с которыми у первоконников было острое противостояние? Желание уверить вождя, что в его преданности можно не сомневаться? Стремление опровергнуть показания против самого себя?

Маршал вряд ли сомневался в их наличии, учитывая масштабы арестов. И это было действительно так. Арестованных по делу о «военно-фашистском заговоре» А.И. Егорова, П.Е. Дыбенко, М.К. Левандовского, Н.Д. Каширина, М.Д. Великанова, А.И. Седякина на допросах вынудили показать, что Буденный является членом руководства антисоветской организации правых в РККА и возглавляет антисоветские формирования в коннице Красной Армии и среди казачества. Выходец с Дона, он, по версии следствия, должен был выступить в качестве «руководителя антисоветского подполья среди казачества... могущего возглавить антисоветское восстание, опирающееся на антисоветские казачьи кадры».

Из многих арестованных военачальников выбрали показания о крайне враждебном отношении Буденного к наркому

¹ Военные архивы России. Вып. 1. М., 1993. С. 55—56.

обороны Ворошилову, доходившем до «террористических высказываний», а также к Сталину. Эта враждебность связывалась с завистью к старому сослуживцу, оказавшемуся более удачливым в продвижении по служебной лестнице. Так, по показаниям Егорова, «Буденный прямо сказал, что не допустит, чтобы Ворошилов был наркомом и что он готов скорее его убить, чем согласиться с этим назначением». Не исключено, Буденный имел свои претензии к Ворошилову, но чтобы скатиться к террору? В это слабо верится.

В начале 1938 г. о показаниях, имеющихся против него, Семен Михайлович узнал из уст Сталина. 22 января на совещании высших командиров Красной Армии Генеральный секретарь ЦК заявил о существовании в РККА ряда группировок. Он прямо дал понять, кого имеет в виду — Дыбенко, Егорова и Буденного, которые, де, недовольны тем, что их мало выдвигают. Это неправильно, заметил вождь, наоборот «нас можно упрекнуть в том, что мы слишком рано или слишком много выдвигаем и популяризируем таких людей, как Буденный, Егоров и др.». Эту глухо прозвучавшую угрозу Сталин дополнил конкретными обвинениями в том, что «это не группировка друзей, а группировка политических единомышленников, недовольных существующим положением в армии, а может быть, и политикой партии»¹.

От упомянутых лиц он потребовал покончить с групповщиной. Правда, дожидаться не стал. Вскоре и Дыбенко, и Егоров были арестованы. На свободе остался лишь Буденный, которого вождь по одному ему известным причинам решил пощадить. Что ж, лихой конник всеми своими действиями доказал, что подозрения относительно его нелояльности беспочвенны.

К показаниям расстрелянных военачальников против Семена Михайловича органы госбезопасности вернулись в июле 1941 г., когда первый заместитель наркома оборо-

¹ РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, д. 1120, л. 103.

ны Маршал Советского Союза С.М. Буденный уже был главнокомандующим Юго-Западным стратегическим направлением и пытался отразить наступление немецких войск на Киев. Правда, эта превентивная мера коснулась и других высших военачальников. Справка, составленная 3-м управлением НКО СССР для наркома внутренних дел Л.П. Берии, очевидно, ждала своего часа, если бы верховной власти потребовались кандидаты для примерной кары в случае поражения. К счастью для Буденного, очередь для компрометирующих его материалов так и не наступила.

Великая Отечественная война лично для маршала стала серьезным испытанием его полководческих качеств. Прямо скажем, лавров в ходе нее Семен Михайлович не снискал, хотя и занимал в первые два года войны крупные командные должности — был членом Ставки ВГК, командовал Юго-Западным и Северо-Кавказским стратегическими направлениями, Резервным и Северо-Кавказским фронтами.

По мнению Г.К. Жукова, Буденный оказался среди тех совершенно не подготовленных к руководству фронтами людей (генералы Я.Т. Черевиченко, И.В. Тюленев, Д.И. Рябышев, маршал С.К. Тимошенко), «которые проваливали одно дело за другим»¹.

В подтверждение слов маститого полководца, как нам кажется, достаточно сослаться на явно провальное руководство Буденным войсками Резервного фронта в сентябре — начале октября 1941 г. К исходу 6 октября значительная часть войск Резервного и Западного (командующий генерал И.С. Конев) фронтов была окружена западнее Вязьмы. Сложившуюся ситуацию маршал Жуков оценивал следующим образом: «Несмотря на превосходство врага в живой силе и технике, наши войска могли избежать окружения. Для этого необходимо было своевременно более правильно

¹ Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 3. С. 480.

определить направление главных ударов противника и сосредоточить против них основные силы и средства за счет пассивных участков. Этого сделано не было, и оборона наших фронтов не выдержала сосредоточенных ударов противника. Образовались зияющие бреши, которые закрыть было нечем, так как никаких резервов в руках командования не оставалось. К исходу 7 октября все пути на Москву, по существу, были открыты»¹.

Вполне закономерно, что маршал Буденный был снят с поста командующего. 10 октября Резервный фронт был слит с Западным, и во главе единого Западного фронта был поставлен Жуков. По словам Георгия Константиновича, Буденный и Конев (также отстраненный от командования) оставили ему всего два полка. Иначе говоря, фронт, оборонявший столицу, Жукову пришлось формировать заново.

Весной — летом 1942 г. Семен Михайлович возглавлял Северо-Кавказское направление, а затем командовал Северо-Кавказским фронтом. «В этот трудный для нашей страны период энергия и талант С.М. Буденного сыграли значительную роль. Несколько месяцев войска Северо-Кавказского фронта под его командованием сдерживали натиск врага, облегчая тем самым положение наших войск, сражавшихся под Сталинградом. В предгорьях Главного Кавказского хребта фашисты вынуждены были перейти к обороне. Им так и не удалось прорваться к бакинской нефти, в Закавказье»². В этих словах Маршала Советского Союза А.А. Гречко — дань уважения своему первому командарму и видному полководцу Гражданской войны. Но они не могут скрыть того становившегося все более явным факта, что Семен Михайлович не поспевал за требованиями современной войны, не обладал качествами,

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 207—208.

² Цит. по: Великая Отечественная. Военный биографический словарь. М., 2003. С. 17—18.

позволявшими уверенно управлять крупными оперативно-стратегическими объединениями в крайне сложной обстановке битвы за Кавказ.

В мае 1943 г. маршал Буденный занял пост командующего кавалерией Красной Армии — прямо скажем, не очень заметный, учитывая ограниченную роль кавалерии в войне моторов. В этой должности он пребывал до мая 1953 г., затем около года был инспектором кавалерии, после чего по возрасту перешел в распоряжение министра обороны.

С возрастом память всё чаще возвращала к временам Первой Конной армии. Она была, как писал маршал, и в этом Семен Михайлович, конечно, не лукавил, огромной военной и политической школой для таких, как К.Е. Ворошилов, как он сам, «людей, поднявшихся из самой гущи народных масс»¹. Период командования первоконниками оказался для него и стартовой площадкой, и звездным часом. Все остальное время Буденный лишь эксплуатировал свой образ «красного Мюрата». Свои три звезды Героя Советского Союза он обрел много лет спустя после окончания сражений.

Большинство и других наград и званий стало данью его активному участию в боях за советскую власть в 1918—1920 гг. Великая Отечественная же указала на истинную цену полководческих качеств Буденного, как, впрочем, и других рубак, апогей службы которых пришелся на войну Гражданскую.

М.Н. Тухачевский:
**«ДЛЯ ВНУШЕНИЯ УВАЖЕНИЯ К СИЛЕ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НЕОБХОДИМО...»**

...Апрель 1937 года. Лондон живет лихорадочными приготовлениями к коронации Георга VI. На торжества в британскую столицу начинают съезжаться обладатели самых

¹ Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 3. С. 396.

громких титулов и фамилий со всего света. В Москве тоже готовится делегация. Ее глава — не политик, даже не член правительства, но его имя знает вся Европа. Маршал Тухачевский — полководец, крупный военный теоретик, интеллектуал, знаток иностранных языков и тонкий ценитель искусств.

Волнуется маршал. Европейские дворы должны увидеть достойного представителя новой России. Нет в Советском Союзе более перспективного военачальника, чем Тухачевский. Он обласкан в Кремле, избран в состав ЦК правящей партии, одним из первых отмечен маршальскими звездами. А ведь ему только сорок четыре года от роду.

Но как же переменчива людская судьба! Не дано было знать Михаилу Николаевичу, что тень беды уже легла на него. 21 апреля 1937 г. нарком внутренних дел Н.И. Ежов направил спецсообщение И.В. Сталину, председателю Совнаркома В.М. Молотову и наркому обороны К.Е. Ворошилову о том, что германские разведывательные органы готовят покушение на Тухачевского и потому поездку следует отменить¹.

Так и сделали. Но не мнимого покушения на Тухачевского боялись ежовцы, а того, что он вдруг может ускользнуть у них из рук. Ибо в недрах НКВД уже разрабатывалась одна из самых гнусных в нашей истории провокаций. В августе 1936 г. были арестованы заместитель командующего войсками Ленинградского военного округа В.М. Примаков и военный атташе при полпредстве СССР в Великобритании В.К. Путна, у которых органы НКВД сумели выбить показания о том, что в высших военных кругах созрел заговор во главе с Тухачевским, якобы связанным с Л.Д. Троцким.

Показания относительно вражеской деятельности Тухачевского, а также командующего войсками Белорусского военного округа И.П. Уборевича, начальника Военной академии им. Фрунзе А.И. Корка, председателя Осоавиахи-

¹ См.: Реабилитация: политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 284.

ма Р.П. Эйдемана и других крупных военачальников были получены в двадцатых числах апреля 1937 г. также от некоторых других арестованных военнослужащих. Правда, они носили общий характер и противоречили друг другу, но следователей это не смутило. По указанию Сталина начались аресты. 22 мая арестовали и Тухачевского.

Таких людей, как Михаил Николаевич, издавна именовали военной костью. По окончании Александровского училища произведенный в подпоручики лейб-гвардии Семеновского полка, он убыл на фронт. Воевал доблестно, за полгода удостоившись шести боевых орденов. В феврале 1915 г. Тухачевский попал в плен. Там он пробыл два с половиной года, пока не удалось бежать.

25-летний поручик, не поднимавшийся по служебной лестнице в старой армии выше командира роты, очень скоро получил в Советской России назначение сразу на должность командующего 1-й армией Восточного фронта. Протекцию «поручику-коммунисту», работавшему в военном отделе ВЦИК, составил первый глава Советского правительства В.И. Ленин.

Тухачевский с большим умением выходил из многих испытаний, которые ему уготовила фронтовая судьба. Так, едва приняв командование армией, он, выражаясь боксерским языком, вошел в клинч с командующим Восточным фронтом М.А. Муравьевым, оказавшимся участником антисоветского заговора. «Я остался арестованный в одном из вагонов команды броневиков, окруженный часовыми и немногими красноармейцами, — вспоминал позднее Михаил Николаевич. — Когда среди них улеглось первое возбуждение, я начал агитацию против Муравьева. Через несколько часов... команда бронедивизиона решила арестовать Муравьева... Я был освобожден часовыми, которые меня охраняли»¹.

¹ Красная звезда, 1993, 16 февраля.

1-я армия под его командованием отличилась в боях за Симбирск, Сызрань, Самару. Удачливого командарма в январе 1919 г. перебросили на Южный фронт, где он вступил в командование 8-й армией. С апреля 1919-го Тухачевский вновь оказывается на Восточном фронте. Его 6-я армия успешно участвовала в Златоустовской, Челябинской и других операциях по освобождению Урала и Сибири от войск адмирала Колчака.

После этого он был назначен командующим Кавказским фронтом. И тут ему сопутствовал успех в боях против Деникина. Фронт захватил много пленных и большие трофеи, освободил важные для республики нефтедобывающие и сельскохозяйственные районы.

Надо заметить, что неумеренное честолюбие, с юнкерских времен отличавшее Тухачевского, не изменило ему и в новых условиях. С вышестоящим командованием он умел ладить далеко не всегда. Конфликты возникали у него с командующим Южным фронтом В.М. Гиттисом и Восточным — сначала с А.А. Самойло, а затем с В.А. Ольдерогге. Однако нелады в личных взаимоотношениях не мешали высшим руководителям по достоинству оценивать профессиональные качества Тухачевского.

Когда весной 1919 г. на Восточном фронте между командующим 5-й армией и комфронтом Самойло возник крупный конфликт по вопросам планирования и руководства операциями, тогдашний главком И.И. Вацетис приказал отстранить Михаила Николаевича от командования армией. Но за командарма вступился Самойло. «Решение о смещении Тухачевского несомненно отразится на успехе операции, — телеграфировал он в Полевой штаб РВСР. — Он все же лучший из командармов. Я считал бы возможным вполне для пользы дела ограничиться моей телеграммой»¹.

¹ Цит. по: Вопросы истории, 1989, № 10. С. 45.

Добавим еще, что именно главнокомандующий всеми вооруженными силами республики С.С. Каменев, некогда иронизировавший над бывшим «поручиком-командармом», рекомендовал его на должность командующего войсками Западного фронта.

22 мая 1920 г. заместитель председателя РВС республики Э.М. Склянский, главком Каменев и член РВС Д.И. Курский подписали приказ, в котором говорилось: «Командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский, вступив в ряды Красной Армии и обладая природными военными способностями, продолжал непрерывно расширять свои теоретические познания в военном деле... М.Н. Тухачевский искусно проводил задуманные операции и отлично руководил войсками как в составе армии, так и командуя армиями фронтов Республики, и дал Советской республике блестящие победы над ее врагами на Восточном и Кавказском фронтах.

Оценивая вышеизложенную военную деятельность командующего Западным фронтом М.Н. Тухачевского, Революционный Военный Совет Республики переводит М.Н. Тухачевского в Генеральный штаб».

Полководец знал, однако, не только победы. Отступлением войск Западного фронта прямо из-под стен Варшавы ознаменовалась для него советско-польская война 1920 г. Тухачевский вступил в командование фронтом 29 апреля 1920 г. и всего через полмесяца был вынужден вести войска в неподготовленное наступление, чтобы отвлечь на себя силы поляков, под ударами которых соседний Юго-Западный фронт отступал. Собственная наступательная операция завершилась неудачей, но она дала командованию соседей необходимую передышку, чтобы привести войска в порядок и перейти в успешное контрнаступление.

17 июля 1920 г. правительство дало главкому Каменеву указание решительно и непрерывно развивать наступление войск Юго-Западного и Западного фронтов. 23 июля

Каменев уточнил задачу: Западному фронту — энергично продвигаться в общем направлении на Варшаву, дабы нанести противнику окончательное поражение (Варшавская операция), Юго-Западному — к 4 августа овладеть районом Ковель, Владимир-Волынский, нанести решительное поражение 6-й польской армии и так называемой Украинской народной армии, оттеснив их к границам Румынии (Львовская операция).

Казалось: еще один нажим, еще один удар — и польская армия запросит пощады. Однако при подготовке и проведении Варшавской операции со стороны командования фронтом, в первую очередь Тухачевского, был допущен значительный просчет, заключавшийся в переоценке своих сил и недооценке сил противника. Неблагоприятную роль сыграла необъективная информация Польского бюро ЦК РКП(б) и Временного революционного комитета Польши (Польревкома) о положении в стране. 6 августа Ф.Э. Дзержинский, член Польревкома, сообщал Ленину, что польская армия разваливается, наблюдается массовое дезертирство. Даже 17 августа, когда армия маршала Пилсудского уже вела успешное контрнаступление, Дзержинский продолжал убеждать главу советского правительства, что польские крестьяне уклоняются от мобилизации, а рабочие Варшавы ждут прихода Красной Армии.

Сопротивление польской армии между тем резко возросло, и явственно обозначилась враждебность большинства населения к наступающим красным частям. Польское командование сумело перегруппировать силы и осуществить успешное контрнаступление. В результате войска Западного фронта потерпели поражение и к исходу 25 августа отошли на восток, на рубеж восточнее Брест-Литовска.

Неудачный исход наступления на Варшаву во многом был предreshен и несвоевременной передачей Западному фронту 1-й Конной и 12-й армий из состава Юго-Западного фронта. Вначале противоречивые команды отдало Главное

командование Красной Армии, затем передаче Конной армии Буденного воспротивился член РВС Сталин. Именно в этом Тухачевский видел одну из главных причин неудачи. Но и в действиях самого командующего Западным фронтом военные историки отмечают большую долю авантюризма. Он не мог не понимать, что оторвавшиеся от своих тылов наступающие части рано или поздно выдохнутся и обессилят, а подать им своевременную помощь будет невозможно.

С мая 1921 г. Тухачевский — командующий войсками Тамбовской губернии. Под его командованием осуществлялись жестокие карательные акции в отношении тамбовских крестьян — участников Антоновского мятежа летом 1921 г. 12 июня им лично был отдан секретный приказ о применении химического оружия для очистки тамбовских лесов от остатков повстанческих формирований. В практику борьбы с антоновщиной, поддерживаемой местным населением, было введено взятие заложников. Если в заранее объявленный срок крестьяне не выдавали повстанцев, заложников расстреливали. Если население оставляло деревню до прихода красноармейской части, Тухачевский приказывал жечь избы.

«Для внушения... уважения к силе Советской власти и Красной Армии, — указывал он в собственноручно составленной инструкции, — необходимо провести следующие меры: 1) никогда не делать невыполнимых угроз; 2) раз сделанные угрозы неуклонно до жестокости проводить в жизнь до конца; 3) переселять в отдаленные края РСФСР семьи несдающихся бандитов; 4) имущество этих семейств конфисковывать и распределять между советски настроенными крестьянами — это внесет расслоение в крестьянство, и на это может опереться Советская власть»¹. То есть:

¹ Цит. по: *Щетинов Ю.А., Старков Б.А.* Красный маршал. Исторический портрет Михаила Тухачевского. М., 1990. С. 195.

разделяй и властвуй — старый, как мир, принцип, которым отнюдь не брезговала и советская власть.

«Только заросшие крапивой и полынью сельские кладбища с низкими косыми крестами знали, — страстно восклицает в книге «Красные маршалы» писатель-эмигрант Роман Гуль, — сколько русских, седых, черных, льняных мужицких голов порубил Михаил Тухачевский». А А.И. Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» высшую справедливость увидел в том, что возмездие за войну с собственным народом пришло со стороны именно тех сил, которым Михаил Николаевич служил столь ревностно: «Если на молодого Тухачевского, когда он победно возвращался с подавления разоренных тамбовских крестьян, не нашлось на вокзале еще одной Маруси Спиридоновой, чтоб уложить его пулею в лоб, — это сделал недоучившийся грузинский семинарист через 16 лет».

В 1925 г. Михаил Николаевич стал одним из основных руководителей Красной Армии, заняв пост начальника Штаба РККА. Будучи глубоко убежденным в том, что в современной войне победа немыслима без высокой технической оснащённости войск, он методично внедрял эту мысль в сознание руководства страны. Делать это было весьма сложно, учитывая, что «повод» армии крепко взяли в свои руки бывшие первоконники во главе с Ворошиловым.

Из-за конфликта с наркомом Тухачевский вынужден был оставить пост начальника Штаба РККА и с мая 1928 г. стал командующим войсками Ленинградского военного округа. Но и там военачальник продолжал борьбу за всемерную моторизацию и механизацию вооруженных сил. Он, в частности, доказывал, что успешное осуществление первой пятилетки позволит перейти к формированию количественно и качественно новых вооруженных сил, в которых приоритет получают новые рода войск — авиация, механизированные и воздушно-десантные войска. Не получив поддержки наркома, Тухачевский сумел в личной беседе со Сталиным

увлечь его своими планами и в 1931 г. получил назначение на пост заместителя наркома обороны и начальника вооружения РККА.

Пристальное внимание он уделял прогнозированию характера будущей войны, разработке военной доктрины государства. Вместе с другими учеными внес большой вклад в теорию глубокой операции и боя — одного из наибольших достижений советской военной мысли межвоенного периода. Его руке принадлежат более 120 работ по различным проблемам стратегии, оперативного искусства, тактики, обучения и воспитания войск, военной истории.

Уместно сослаться на впечатление, вынесенное Г.К. Жуковым в начале 30-х годов в его бытность помощником инспектора кавалерии РККА: «...На посту первого заместителя наркома обороны Михаил Николаевич Тухачевский вел большую организаторскую, творческую и научную работу, и все мы чувствовали, что главную руководящую роль в Наркомате обороны играет он. При встречах с ним меня пленяла его разносторонняя осведомленность в вопросах военной науки. Умный, широко образованный профессиональный военный, он великолепно разбирался как в области тактики, так и в стратегических вопросах. М.Н. Тухачевский хорошо понимал роль различных видов наших вооруженных сил в современных войнах и умел творчески подойти к любой проблеме». «В М.Н. Тухачевском, — добавлял Жуков, — чувствовался гигант военной мысли, звезда первой величины в плеяде выдающихся военачальников Красной Армии»¹.

Характерно, что не менее высоко оценивали его и русские военные эмигранты. «Тухачевский бесспорно является самым крупным советским военным специалистом из числа лиц, занимающих высшие посты в Красной армии. Во всяком случае, своим служебным положением он обязан

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 181, 182.

не своей коммунистической карьере (имелось в виду в отличие от Ворошилова. — *Ю.Р.*), а это последнее является следствием его военных заслуг», — в 1934 г. писал выходящий в Париже «Русский инвалид»¹.

Тухачевский много занимался оснащением войск современным оружием. Еще и сегодня подчас звучат отголоски обвинений 30-х годов, будто он в этой роли только «вредил». Да, определенные просчеты в военно-технической области у него были. Но нельзя забывать, что именно в его бытность начальником вооружений РККА конструктором М.И. Кошкиным создана знаменитая «тридцатьчетверка» (Т-34) — лучший средний танк Второй мировой войны. Тухачевский поддержал инженера П.К. Ощепкова — изобретателя установки для радиообнаружения самолетов. При нем началась разработка системы дозаправки самолетов в воздухе, что было огромным «заглядом» в будущее. Научная общественность подобные усилия оценивала по достоинству: в ноябре 1936 г. в Военно-воздушной академии РККА им. Н.Е. Жуковского была учреждена премия имени Тухачевского «за выдающуюся научно-исследовательскую работу в любой области техники, дающую решение новых научно-технических проблем».

Служебное положение Михаила Николаевича было закреплено присвоением ему 20 ноября 1935 г. в числе первых пяти военачальников РККА высшего воинского звания Маршала Советского Союза.

К сожалению, усилия Тухачевского по созданию в СССР современной армии оборвалась в одночасье. 10 мая 1937 г. Сталин инициировал следующее постановление Политбюро ЦК ВКП(б): «Утвердить: ...8. Командующим Приволжским военным округом — Маршала Советского Союза товарища Тухачевского М.Н. с освобождением его от обязанностей заместителя наркома обороны».

¹ Цит. по: Военная мысль в изгнании. С. 257.

Перед отъездом в Куйбышев маршал в последний раз был в Кремле у Сталина. Никаких следов о существовании их разговора в архивах не осталось. О чем бы они ни говорили, вождю, знавшему, какая судьба ждет его собеседника, хотелось, вероятно, лишь одного — увидеть в глазах завтрашней жертвы явственное, но пока еще неопределенное беспокойство.

22 мая Тухачевский был арестован. Участие в заговоре он отрицал. Но цена его признаний была для инициаторов «дела» слишком высока, чтобы долго ждать. Во главе следствия встал сам нарком Ежов. К маршалу были применены меры не только психологического давления. Его жестоко били, что подтверждается следами крови, обнаруженными на листах судебного дела Тухачевского и идентифицированными в 1956 г. Центральной судебно-медицинской лабораторией Министерства обороны.

Надо ли удивляться, что 29 мая 1937 г. от подвергавшегося сильным побоям подследственного были получены признательные показания. Для осуждения Тухачевского их оказалось достаточно, хотя никакими другими доказательствами вменяемой ему измены следствие не располагало.

С судом затягивать не стали. Дело рассматривал чрезвычайный орган — Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР в составе председателя Военной коллегии В.В. Ульриха, заместителя наркома обороны Я.И. Алксниса, начальника Генерального штаба Б.М. Шапошникова, командующих военными округами: Московским — С.М. Буденного, Белорусским — И.П. Белова, Ленинградским — П.Е. Дыбенко, Северо-Кавказским — Н.Д. Каширина, а также командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армией В.К. Блюхера. Одни легендарные герои судили других легендарных, так и не поняв всего коварного сталинского замысла. Вождь повязывал новоявленных «судей» кровью боевых друзей, чтобы, породив в народе глубокое подозрение к высшим во-

енным, через непродолжительное время с еще большей легкостью послать их самих на эшафот. Из восьми членов присутствия 1937 год пережили лишь трое.

Дело по обвинению М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, А.И. Корка, И.П. Уборевича, Р.П. Эйдемана, Б.М. Фельдмана, В.М. Примакова и В.К. Путны рассматривалось в течение всего одного дня 11 июня 1937 г., при этом заседание носило закрытый характер. Вдова командарма 1-го ранга Белова вспоминала, каким вернулся с заседания суда ее муж. Не закусывая, он буквально проглотил содержимое бутылки коньяка и прошептал ей: «Они все сидели как мертвые. В крахмальных рубашках и галстуках, тщательно выбритые, но совершенно нежизненные, понимаешь? Я даже усомнился — они ли это?..»¹.

О том, что Тухачевского все же не удалось окончательно сломить, против своего желания поведал и один из судей — маршал Буденный. В своей докладной Сталину 26 июня 1937 г. он писал: «Тухачевский с самого начала процесса суда при чтении обвинительного заключения и при показании всех других подсудимых качал головой, подчеркивая тем самым, что, дескать, и суд, и следствие, и все, что записано в обвинительном заключении, — все это не совсем правда, не соответствует действительности. Иными словами, становился в позу непонятого и незаслуженно обиженного человека»².

Расстрельный приговор был оглашен в 23 часа 35 минут 11 июня 1937 г., а привели его в исполнение уже на следующий день.

Когда над страной разразилась июньская гроза сорок первого года, многие почувствовали, как не хватает во главе наших войск павших в годы сталинских репрессий. Ведь не будем забывать: Тухачевский был всего на три года старше Жукова или Рокоссовского, но насколько опытнее.

¹ Цит. по: *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937—1938. С. 235.

² Военные архивы России. Вып. 1. С. 55—56.

В этой связи очень высоко оценивал Михаила Николаевича маршал Жуков (характерно, что цензура вплоть до начала 90-х годов не позволяла приводить эту оценку): «Вспоминая в первые дни Великой Отечественной войны М.Н. Тухачевского, мы всегда отдавали должное его умственной прозорливости и ограниченности тех, кто не видел дальше своего носа, вследствие чего наше руководство не сумело своевременно создать мощные бронетанковые войска и создавало их уже в процессе войны»¹.

Более критично отзывался о полководце маршал И.С. Конев. Беседуя с писателем К.М. Симоновым, он говорил, что Тухачевский — человек даровитый, сильный, волевой, теоретически хорошо подкованный. К его недостаткам Конев относил «известный налет авантюризма, который проявился еще в польской кампании, в сражении под Варшавой». Тем не менее, Иван Степанович видел Тухачевского на одном из высших командных постов во время Великой Отечественной войны, в отличие от других жертв политических репрессий — В.К. Блюхера, И.Э. Якира, А.И. Егорова и уж тем более И.П. Белова или П.Е. Дыбенко. К слову, самым крупным военным деятелем из числа осужденных 11 июня 1937 г. Конев считал командарма 1 ранга И.П. Уборевича, который, по мнению маршала, «был человеком с незаурядным военным дарованием, в его лице наша армия понесла самую тяжелую потерю, ибо этот человек мог и успешно командовать фронтом, и вообще быть на одной из ведущих ролей в армии во время войны»².

Естественно, это лишь предположения. В реальности же неизвестно даже место захоронения Тухачевского и его товарищей по несчастью. Да и их реабилитация Военной коллегией Верховного суда СССР стала возможной много позже войны — только в январе 1957 г.

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 181.

² Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. С. 395.

А.И. Егоров:
**«СОВРЕМЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ БУДЕТ СЛАГАТЬСЯ
ИЗ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРОТЕКАЮЩИХ
НА БОЛЬШОМ ПРОСТРАНСТВЕ»**

Из первой пятерки советских маршалов А.И. Егоров дослужился в старой армии до наиболее высокого — подполковничьего — чина и командовал полком. Принадлежность к дореволюционному офицерству роднит его с М.Н. Тухачевским. Оба они пришли в Красную Армию со статусом военспецов, к которым нескрываемую неприязнь испытывали И.В. Сталин, К.Е. Ворошилов и их единомышленники. С точки зрения последних, военспецы (как и буржуазные специалисты вообще) нужны были лишь до той поры, пока не подрастут собственные, пролетарские кадры, после чего от них следовало освободиться, что нередко означало — уничтожить физически. И пусть тот же Егоров имел перед советской властью признанные заслуги и в Красной Армии прослужил больше, чем в императорской, Сталин, когда пришло время, не посчитал необходимым скрывать презрение к Егорову. Вождь заявил 22 января 1938 г. на совещании высших командиров Красной Армии, что тот не заслуживал маршальского звания, к нему чуть ли не снизошли и, мол, пусть на этот счет военачальник не заблуждается. Трагическая судьба Александра Ильича лишь подтвердила крайний цинизм режима.

Будущий Маршал Советского Союза родился в городе Бузулуке тогдашней Самарской губернии. Окончив шесть классов классической гимназии, поступил вольноопределяющимся в армию. Затем была учеба в Казанском пехотном юнкерском училище — и первое офицерское звание. Служил Егоров в Тифлисе. В 1911 г. он был переведен в 132-й Бендерский пехотный полк, размещавшийся в Киевском военном округе. Вместе с полком штабс-капитан Егоров вступил на Северо-Западном фронте в Первую мировую войну.

«Под ложечкой сосало, и волосы дыбом встали, когда мы пошли в первый раз в атаку 13 августа 1914 г.», — вспоминал он позднее. Вскоре обвыкся, был удостоен Георгиевского оружия за храбрость. Заслужил на фронте шесть орденов. Пять раз был ранен. Фронтовиком стал, что называется, стопроцентным. Не чурался политики, в Февральскую революцию примыкал к левым эсерам.

В большевистскую партию Александр Ильич вступил в июле 1918 г. Но уже до этого он активно включился в работу новой власти по демобилизации старой армии и созданию новой, Красной Армии. В совместной работе близко познакомился со многими крупными большевиками — наркомом по военным делам Н.И. Подвойским, заместителями наркома М.С. Кедровым и К.А. Механошиным, председателем военного отдела ВЦИК А.С. Енукидзе, а также И.И. Вацетисом, вскоре ставшим первым советским главкомом. Председатель Центральной коллегии по делам пленных и беженцев, военный комиссар Всероссийского главного штаба, председатель Высшей аттестационной комиссии по отбору офицеров для Красной Армии — все это должности были высокими, но от боевых дел далекими, а Егоров рвался на фронт.

Наконец, в сентябре 1918 г. его ходатайство было удовлетворено: приказом главкома он был назначен командующим 9-й армией Южного фронта. Армия действовала против наступавших на Царицын войск генерала Краснова, но действовала неудачно, поскольку представляла собой конгломерат разрозненных нерегулярных формирований. «Мне пришлось начать организацию этой армии, состоявшей из партизанских отрядов Киквидзе, Сиверса, Миронова и др., — вспоминал Егоров. — Чрезвычайно больших усилий стоило привести все эти партизанские отряды не только к повиновению и подчинению единой воле, но и известным образом придать им вид регулярных войсковых частей»¹.

¹ Цит. по: *Ненароков А.П.* Верность долгу. Изд. 2. М., 1983. С. 43.

В конце года ввиду резкого обострения положения под Царицыном он был назначен вместо Ворошилова командующим 10-й армией. Бывшего слесаря сменил профессиональный военный — это был ощутимый удар по самолюбию тех сторонников т.н. военной оппозиции в РКП(б) во главе со Сталиным, которые, мягко говоря, пренебрежительно относились к военспецам, хотя это и вело к огромным потерям.

«Общее состояние войск и тыла, — вспоминал позже Егоров о положении в 10-й армии, — было чрезвычайно тяжелое, пришлось изыскивать средства и способы для того, чтобы удержать Царицын». Бои шли уже в предместьях города, ему грозило полное окружение. Положение спасла Особая кавалерийская дивизия Б.М. Думенко, которая севернее города в районе Дубовки сначала ликвидировала прорыв фронта, достигнутый конницей белых, а затем по указанию Егорова совершила глубокий рейд по вражеским тылам. В течение недели были разгромлены девять полков кавалерии и семь полков пехоты противника, общее число пленных превысило 7 тысяч человек.

Чтобы развить этот успех, командарм Егоров разработал план дальнейшего наступления уже всей армии. Во второй половине марта она форсировала Маныч и вышла в сальские степи. Особая кавдивизия, которую во время болезни Думенко возглавил его помощник С.М. Буденный, заняла станицу Платовскую, а затем и Великокняжескую.

Однако продвижение на этом застопорилось: на помощь белоказакам Краснова пришла вновь сформированная Добровольческая армия Деникина. К концу мая 1919 г. Егоров вынужден был отвести армию на линию реки Сал. Здесь, в районе хутора Плетнев, произошел бой, от исхода которого во многом зависела участь 10-й армии. В течение дня 25 мая белоказаки трижды пытались захватить плацдарм на северном берегу реки, но каждый раз терпели неудачу. В бою отличился и сам командарм. В приказе Реввоенсове-

та Республики о награждении его орденом Красного Знамени говорилось: «Награждается орденом Красного Знамени командующий 10-й армии тов. Александр Ильич Егоров за нижеследующее отличие: противник, поставив целью прорвать фронт 10-й армии у Плетнева, стремился все время, обходя фланги, разъединить силы армии на две части, чтобы захватить Котельниково, покончить с каждой частью отдельно. Тов. Егоров, твердо решив не дать противнику выполнить этот план и тем самым спасти оставшиеся части, лично принял командование над частями 4-й и 6-й кавалерийских дивизий и бросился с ними в атаку на неприятеля. Несмотря на отчаянное сопротивление врага, особенно его пехотных частей, тов. Егоров стремительным натиском смял его и отбросил на южный берег реки Сал. В результате этой лихой атаки вся неприятельская пехота, находившаяся на северном берегу, около 2—3 полков, осталась в наших руках и была частью взята в плен, а частью изрублена. В наших руках остались богатые трофеи в виде орудий и пулеметов. Тов. Егоров в одной из атак был ранен, но, невзирая на довольно тяжелое сквозное пулевое ранение надключичной области с значительным кровоизлиянием, не оставил поля сражения, пока не прибыл вызванный им заместитель»¹.

После госпиталя Егоров был назначен помощником командующего и членом РВС Южного фронта и одновременно командующим 14-й армией. Положение сложилось очень тяжелое: советские части были расстроены, численно ослаблены и отходили под ударами войск Деникина. Для надежного прикрытия Москвы РВС в конце сентября принял решение о разделении Южного фронта на два самостоятельных — Южный и Юго-Восточный. Первый из них возглавил Егоров. Пост члена РВС фронта занял Сталин.

Между тем противник овладел 13 октября Орлом и стал угрожать не только Туле, но и Москве. Нужны были

¹ Исторический архив, 1962, № 1. С. 204—205.

экстренные меры. И Егоров нашел их. Были созданы две ударные группы. Первая из них — ее составляли переброшенные с Западного фронта Латышская стрелковая дивизия, стрелковая бригада под командованием П.А. Павлова, кавалерийская бригада червоного казачества В.М. Примакова — совместно с частями 13-й и 14-й армий разгромила офицерский корпус генерала Кутепова и сорвала наступление Деникина. Одновременно вторая ударная группировка, ядро которой составлял конный корпус под командованием Буденного, под Воронежем разбила конные корпуса Шкуро и Мамонтова.

РВС Республики поставил перед армиями фронта задачу расчлнить деникинские войска и разгромить их по частям путем стремительного продвижения через Донбасс на Ростов. 12 декабря советские части освободили Харьков, 16 декабря — Киев. 10 января части 8-й и 1-й Конной армий полностью очистили Ростов от белых.

О том, каким виделся со стороны командующий фронтом, можно судить по записям Джона Рида — известного американского журналиста, автора книги об Октябрьском перевороте 1917 г. «Десять дней, которые потрясли мир»: «Егоров. Командующий Южным фронтом. Высокий, крепкого сложения. Грубоватое добродушное лицо. Приплюснутый нос. Глубоко сидящие глаза. Посмеивается...»¹. Да, когда пришли победы, настроение, естественно, стало приподнятым.

Добить деникинцев на Северном Кавказе должен был Юго-Восточный (с 16 января 1920 г. — Кавказский) фронт. Задача же очищения Украины от белых была возложена на Юго-Западный фронт А.И. Егорова, созданный 10 января на базе Южного фронта и включавший 12, 13 и 14-ю армии. Главком С.С. Каменев конкретизировал задачи фронта: окончательно ликвидировать деникинские войска на

¹ Цит. по: *Ненароков А.П. Верность долгу. С. 52.*

Правобережной Украине, осуществить наступление особой группой войск на Крымский полуостров, прикрыть Киевский район от возможного наступления поляков и обеспечить охрану побережья Азовского моря.

Однако имевшиеся в распоряжении командования фронтом людские и материальные ресурсы не соответствовали столь масштабным задачам. Пока войска пытались сломить сопротивление крымской группировки врага, Польша в апреле открыла боевые действия. Войска Юго-Западного фронта оказались в трудном положении. Превосходство врага было почти пятикратным, да еще в тылу советских частей действовали петлюровцы и махновцы. Егоров принял решение отвести 12-ю армию за Днепр. 6 мая был оставлен Киев. 12-я и 14-я армии вели тяжелые оборонительные бои, когда 14 мая началось наступление Западного фронта М.Н. Тухачевского против польской армии. Натиск противника на позиции Юго-Западного фронта сразу ослаб.

В эти дни (12—15 мая) в Харькове прошло совещание командования Юго-Западным фронтом с участием главкома, на котором обсуждался план собственного наступления. Прорыв польского фронта было решено осуществить силами 1-й Конной армии, перебрасываемой с Северного Кавказа. 5 июня армия Буденного при поддержке 12-й и 14-й армий прорвала фронт противника. Выйдя к 19 июня на линию Житомир — Бердичев — Казатин, армии фронта развернули широкое контрнаступление, поддержанное войсками левого крыла Западного фронта.

Красная Армия приближалась к Варшаве и Львову. Но из-за задержки 1-й Конной армии под Львовом и невыполнения реввоенсоветом Юго-Западного фронта приказа главкома о ее передаче Западному фронту (здесь главную роль сыграл Сталин, а Егоров не смог противостоять члену Политбюро ЦК) поляки сумели осуществить успешное контрнаступление. Советские войска откатились на рубеж восточнее Брест-Литовска. В 20-е годы вокруг проблемы

неудачного наступления на Варшаву в военной печати развернулась довольно острая дискуссия, в которой приняли участие, издав соответствующие труды, и Тухачевский, и Егоров. Из размышлений военачальников следовал прозрачный вывод о виновности Сталина в поражении, что, конечно, не могло понравиться генсеку. Последний в 1937—1938 гг. заставил пожалеть маршалов об их откровенности.

С окончанием Гражданской войны в европейской части страны Александр Ильич командовал Киевским и Петроградским военными округами, войсками Западного фронта, Отдельной Кавказской Краснознаменной армией, всеми Вооруженными силами Украины и Крыма. В ноябре 1925 г. он убыл в Китай военным атташе.

В октябре 1927 г. Егоров был направлен в Минск командующим войсками Белорусского военного округа. Здесь проявились его качества новатора, человека, стремящегося идти в ногу с веком техники. В 1929 г. на базе БВО были проведены Бобруйские маневры, где отработывалось взаимодействие различных родов войск, проверялись новые формы управления соединениями, оснащенными современной техникой, на практике выявлялись сильные и слабые стороны в использовании авиации, артиллерии, войск связи, инженерных войск.

Результаты маневров были рассмотрены на расширенном заседании РВС СССР 28—29 октября 1929 г. с участием К.Е. Ворошилова, М.Н. Тухачевского, И.П. Уборевича, И.Э. Якира. Самокритично выступил на нем командующий БВО. Егоров сделал вывод, что совершенно отчетливо выявилось отсутствие «твердых навыков в организации и управлении крупных соединений, оснащенных современной техникой». В частности, авиация действовала «без учета расположения противника», летала на слишком малых высотах, повторяя атаку «неоднократное число раз, несмотря на то, что цель, может быть, потеряла уже свое

значение». Недостаточно использовались и крупные артиллерийские силы. Не было должного опыта и практики в ведении огня на поражение.

Александр Ильич был прав, но и ему самому пришлось выслушать критику. Так, С.С. Каменев, высказав несогласие с неоправданно высокой оценкой подготовки стрелковых частей, подчеркнул: «...Мне рисуется, что переустройство рядов армии на танки несомненно должно более резко изменить физиономию всей пехоты, и прежде всего ее действий». Касаясь заявления командующего БВО о маршах, Каменев развил критику: «Товарищ Егоров сказал, что с маршами мы справимся, а я думаю, что именно с маршами на Бобруйских маневрах мы провалились... Больше того, я думаю, что марши... являются каким-то историческим пережитком. Не подлежит сомнению, что теперь, когда у нас артиллерия получает большую подвижность, в одной колонне водить трактор, автомобиль и пехоту нельзя»¹. И с таким выводом нельзя было не согласиться. Что ж, учились войска, учился и командующий.

В апреле 1931 г. А.И. Егоров был назначен начальником Штаба РККА. Кандидатура была подходящей. Ведь еще в характеристике Реввоенсовета Юго-Западного фронта, датированной 1921 г., подчеркивались качества Александра Ильича, необходимые для оперативно-стратегического руководства: «Колоссальные результаты творческой деятельности т. Егорова недрятся в завидных качествах его личности как полководца». К ним РВС относил: «Первое, способность правильной оценки стратегического положения сторон, ясность и всегда смелость в постановке основной задачи при неутомимой волевой работе в процессе достижения ее успеха. Второе, искусное использование всех видов техники как результат внимательного изучения и ясного понимания ее роли в военном деле. Третье, деталь-

¹ Цит. по: *Ненароков А.П. Верность долгу. С. 91.*

ное знакомство и непрерывное наблюдение за прогрессом военной мысли, ее теории. Четвертое, широкая творческая инициатива, выразившаяся в идее (и ее осуществлении) использования в достижении стратегических задач принципа единого управляемого маневренного удара масс конницы как довлеющего фактора успеха в гражданской войне (армия Буденного)»¹.

Главный орган управления Вооруженными Силами Егоров продолжал возглавлять и после того, как в 1935 г. Штаб РККА был преобразован в Генеральный штаб. 20 ноября 1935 г. он вместе с еще четырьмя военачальниками стал Маршалом Советского Союза. На его груди к этому времени красовались четыре ордена Красного Знамени, что по тому времени было более чем достойно.

«Мне приходилось в эти годы часто встречаться с Александром Ильичем, — вспоминал А.М. Василевский. — Он был жизнерадостным, скромным, не кичившимся постами и званиями, безгранично преданным делу коммунизма.

В памяти встают эпизоды незабываемых дней первой пятилетки. В эти годы Красная Армия из технической отсталой превратилась в передовую, современную армию. А.И. Егоров стал одним из инициаторов реорганизации Красной Армии на новой технической основе.

Многие из нас, знавших А.И. Егорова, помнят его покоряющую улыбку, его мягкий, истинно народный юмор, человеческое обаяние, какую-то особую душевность, сочетавшуюся со стальной полководческой волей»².

На посту начальника Штаба (Генерального штаба) РККА Егоров получил возможность проявить и развить качества оригинального военного теоретика. Он внес значительный вклад в разработку теории глубокого боя и операции — подлинного шедевра отечественной военной мысли.

¹ Исторический архив, 1962, № 1. С. 206.

² Военно-исторический журнал, 1983, № 10. С. 55.

В 1932 г. под руководством Александра Ильича был разработан доклад «Тактика и оперативное искусство РККА на новом этапе», в котором под углом зрения механизации и моторизации Красной Армии рассматривались изменения в организационной структуре вооруженных сил и в содержании таких понятий, как начальный период войны, стратегическое развертывание Красной Армии, характер операций будущей войны.

Делался вывод, что под влиянием новой техники, поступившей на вооружение армий развитых стран мира, начальный период военных действий из пассивного прикрития от мобилизации, стратегического сосредоточения и развертывания сил превратился в период активных действий с далеко идущими целями. «Современная операция, — подчеркивалось в документе, — будет слагаться из боевых действий, протекающих на большом пространстве как по фронту, так и в глубину». При разработке тактических вопросов в тезисах рассматривался порядок использования авиации и бронетанковых войск в наступлении с прорывом обороны противника на всю ее глубину.

Тезисы доклада Штаба РККА, поддержанные начальником боевой подготовки РККА А.И. Седякиным, командующими войсками Украинского и Ленинградского военных округов И.Э. Якиром и И.П. Беловым, другими военачальниками, были использованы при разработке «Инструкции по ведению глубокого общевойскового боя», которую в феврале 1933 г. направили в войска для практического использования.

Теоретические положения, как и положено, проверялись на практике. История русской, советской армии не знала таких масштабных маневров, какие были проведены в середине 30-х годов — Киевские (1935 г.) и Белорусские (1936 г.). К их проведению привлекались крупные соединения механизированных войск и авиации, стрелковые и кавалерийские соединения, высаживались воздушные де-

санты. Маневры подтвердили правильность теоретических выкладок, практически доказали, что применение крупных механизированных соединений, авиации, воздушного десанта, обладающих высокими маневренными возможностями и большой сокрушительной силой, коренным образом меняет природу боя.

РККА, таким образом, выходила на ведущие позиции среди армий экономически развитых государств. Широкая механизация и моторизация, оснащенность передовой военной теорией, наличие подготовленных командных кадров делали ее одной из сильнейших в мире. Однако мало-помалу в недрах высшего руководящего состава нарастал конфликт между «кавалеристами», стоявшими за наркомом обороны Ворошиловым, и «технарями», группировавшимися вокруг первого заместителя наркома Тухачевского. К последним относился и маршал Егоров. Недаром А.И. Седякин отзывался в ноябре 1935 г. об Александре Ильиче как о руководителе, чей личный пример «стимулировал творческий подъем в работе каждого командира Генерального штаба... Живое, конкретное общение с войсками, штабами, академиями, школами, учреждениями под личным руководством А.И. Егорова обеспечивает Генеральному штабу возможность быть всегда в голове общего роста Красной Армии».

Конфликты и препирательства двух группировок шли еще с 20-х годов, но положение стало много серьезнее, когда Сталин к 1937 г. уверовал в возможность политического заговора против него, и в этом смысле он опасался, конечно же, не Ворошилова и его приятелей. На лучших военачальников обрушился такой удар, который поистине обезглавил Красную Армию. Не миновал он и Егорова. 10 мая 1937 г. Александр Ильич был переведен на пост первого заместителя наркома обороны, который стал вакантным в связи с назначением Тухачевского в Приволжский военный округ. В конце января 1938 г. он был снят и с этого поста и получил назначение командующим войска-

ми Закавказского военного округа. Круг сужался. 25 февраля маршал был уволен из РККА и в апреле арестован. Непосредственным поводом, вероятнее всего, стал донос комдива Г.В. Жукова, помощника инспектора кавалерии РККА¹.

Следователи по делу о «военно-фашистском заговоре» в Красной Армии выбили из попавших в застенки НКВД немало показаний об антисоветской, шпионской деятельности маршала Егорова. Так, бывший командующий войсками ЛВО П.Е. Дыбенко на допросе 15 марта 1938 г. показал, что они вместе с Егоровым и Буденным составили своеобразный триумvirат. «Егоров и Буденный были лично озлоблены против Ворошилова... пытаюсь всячески дискредитировать его» и не допустить назначения на пост наркома обороны, а затем встали на путь групповой борьбы против партии. «... Уже в период 1928—1929 гг., — показал Дыбенко, — наша группа становится центром организации правых в РККА». При этом Егоров якобы установил прямой контакт с А.И. Рыковым, который обвинялся как один из руководителей правых².

М.К. Левандовский, Н.Д. Каширин, Д. Сердич, И.П. Белов подтвердили, что «вокруг маршала Егорова Александра Ильича сложилась группировка. Эта группировка являлась военной группой правых — особым их военным центром — и вела свою контрреволюционную деятельность одновременно с группой военного заговора во главе с Тухачевским, Якиром, Гамарником и другими... Общее политическое руководство группой Егорова, по его словам, осуществлялось центром правых во главе с Рыковым, Бухариным и Томским». Показания, порочащие маршала, выбили из арестованной жены Егорова — Галины Антоновны, «польской шпионки».

¹ *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937—1938. С. 115.

² Военно-исторический журнал, 1994, № 1. С. 17.

По информации заместителя начальника 3-го управления НКВД СССР капитана госбезопасности А.Н. Клыкова, Егоров уже 28 марта при допросе подтвердил, что он вместе с Дыбенко и Буденным возглавлял руководство глубоко законспирированной антисоветской организации правых в Красной Армии. При этом он по указаниям Рыкова якобы установил связь с участниками заговора в лице Тухачевского. Хотя Егоров, судя по всему, сразу пошел на контакт со следствием и назвал в общей сложности около 60 имен «заговорщиков», его допрашивали долго: вероятно, того, в чем уже признался бывший начальник Генштаба, палачам было мало. 11 мая на очередном допросе они выбили из подсудимого показания о том, что тот еще в 1931 г. связался с германским генштабом, передавал немцам сведения о состоянии РККА и выполнял задание по подготовке пораженческого плана.

Кроме того, ему были инкриминированы: вступление в 1918 г. в партию с «двурушнической целью», преступные связи в 1919 г. с антисоветской организацией С.С. Каменева и П.П. Лебедева (в годы Гражданской войны — начальник Полевого штаба Республики), чтобы «сорвать сталинский план по разгрому Деникина», а также подготовка террористического акта против Сталина в 1920 г.

Егорова мучили еще долго, но расправились быстро. 22 февраля 1939 г. он был приговорен Военной коллегией Верховного суда к смертной казни и на следующий день — в годовщину образования Красной Армии — расстрелян.

В марте 1956 г. Александр Ильич был реабилитирован и, как записано в его личном деле, «исключен из списков Советской Армии, ввиду смерти — с должности заместителя народного комиссара обороны СССР».

Как же тот большой начальник, который визировал эту холодную бюрократическую формулу, не почувствовал всего ее цинизма?

В.К. Блюхер:

«ДОБИТЬ ЯПОНЦЕВ У МЕНЯ ЖЕЛАНИЕ ЕСТЬ»

«Бесстрашный боец с врагами Советской республики, легендарный герой, В.К. Блюхер был идеалом для многих. Не скрою, я всегда мечтал быть похожим на этого... талантливоего полководца»¹. О многих ли людях говорил с таким искренним восторгом и уважением Маршал Советского Союза Г.К. Жуков!

Полководческая слава Василия Константиновича Блюхера в 1920—1930-е годы была громкой, не уступала известности и популярности Буденного, Тухачевского, Чапаева, других героев Гражданской войны. Как и многих будущих военачальников Красной Армии, выбрать воинскую стезю его, крестьянского сына, побудили войны — сначала Первая мировая, а затем Гражданская.

Первые уроки руководства массами вооруженных людей Блюхер получил на Южном Урале. В историю Гражданской войны вошел 40-дневный рейд, который совершила партизанская армия во главе с будущим маршалом, пройдя с боями по тылам белых более 1,5 тыс. км от Оренбурга до Кунгура. Реввоенсовет 3-й армии Восточного фронта, в полосе которой вышли партизаны, сравнивая этот рейд по героизму и самоотверженности с переходом Суворова через Альпы, ходатайствовал перед Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом о награждении молодого командира. 28 сентября 1918 г., удовлетворяя это ходатайство, Президиум ВЦИК удостоил Блюхера только что учрежденного ордена Красного Знамени под № 1.

В августе 1920 г. Блюхер во главе 51-й стрелковой дивизии прибыл на Юго-Западный фронт. Именно сюда переместился центр борьбы с контрреволюцией: армия барона П.Н. Врангеля захватила Северную Таврию и нацелилась

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 137.

на центральные районы Советской республики. Отойдя за Днепр, красные уже 7 августа форсировали его, вновь заняли Каховку и захватили плацдарм на левом берегу Днепра. Когда белые попытались ликвидировать его, на пути встала именно 51-я дивизия. Блюхер был назначен начальником каховского укрепленного района. Он энергично добивался создания прочной обороны плацдарма, и это ему удалось при поддержке выдающегося военного инженера Д.М. Карбышева.

Москва поставила задачу до зимы покончить с Врангелем. В сентябре крымский участок Юго-Западного фронта был выделен в самостоятельный Южный фронт во главе с М.В. Фрунзе. Врангель, со своей стороны, также чувствовал близящуюся развязку событий. 14 октября он предпринял ожесточенный штурм каховского плацдарма, который обороняли 51-я дивизия и одна бригада 15-й стрелковой дивизии. На узком участке фронта белогвардейцы сосредоточили 12 танков, 14 бронемашин, 90 орудий и более 200 пулеметов. Была предпринята самая мощная танковая атака за все время Гражданской войны. Но обороняющиеся выстояли. Уничтожив танки — здесь особенно отличились артиллеристы, которыми руководил будущий Маршал Советского Союза Л.А. Говоров — и большую часть живой силы противника, 51-я дивизия нанесла сильный контрудар. В трехдневных ожесточенных боях, как отмечал М.В. Фрунзе, «геройские войска под общей командой Блюхера не только отбили атаку врага, но, перейдя в дружную контратаку, окончательно разгромили его».

19 октября 1920 г. командующий фронтом поставил войскам задачу разбить армию Врангеля, не дав ей возможности отступить на Крымский полуостров, и захватить перешейки. События, однако, показали, что имеющимися в наличии силами и средствами эту задачу не решить. Хотя уже к вечеру 29 октября Перекопская ударная группа под командованием Блюхера достигла Перекопа, взять кре-

пость не удалось. Врангель успел отойти на территорию Крымского полуострова. Подготовленная белыми оборона проходила по Турецкому валу — сооружению, воздвигнутому еще крымскими ханами, длиной в 11 км и высотой 8 м. Флангами вал упирался в Черное море и Сиваш и был усилен мощной и сложной системой долговременных сооружений. Перед валом был вырыт ров глубиной до 10 и шириной более 20 м, и построены две линии проволочных заграждений. Третья линия заграждений была скрыта во рву. С запада Перекоп прикрывался огнем корабельной артиллерии, а с востока — незамерзающим Сивашским заливом. В глубине Перекопского перешейка была сооружена вторая линия обороны, так называемый Юшуньский укрепленный узел. Шесть линий окопов с проволочными заграждениями преграждали вход в Крым между озерами Красное и Старое. «Противник имеет хотя и небольшой гарнизон, но обеспечил себя колоссальной материальной частью, которая, будучи приспособлена к местности, делает почти неприступным перешеек», — доносил Василий Константинович командующему 6-й армией А.И. Корку.

В течение недели на фронте царило затишье: стороны готовились к решающей схватке. Задача для 6-й армии была крайне сложная: впереди лежала хорошо простреливаемая противником открытая местность. Штурм позиций врангелевцев в лоб был чреват большими потерями и ставил выполнение боевой задачи под угрозу. Проведенная по приказу Фрунзе разведка бродов через Сиваш показала, что хотя залив считался непроходимым, его форсирование по дну возможно как для кавалерии, так и для пехоты. Появлялась, таким образом, возможность для удара во фланг и тыл врага.

Операция по взятию крымских перешейков началась в ночь с 7 на 8 ноября. Наиболее трудная задача в операции выпала Перекопской ударной группе Блюхера: 152-я и огневая бригады штурмовали Турецкий вал в лоб, остальные

две бригады 51-й дивизии совместно с 15-й и 52-й дивизиями должны были форсировать Сивашский залив, занять Литовский полуостров и нанести удар в направлении Караджаная и далее на Армянск во фланг и тыл противнику, оборонявшему Турецкий вал.

Пользуясь тем, что из-за сильного ветра уровень воды в Сиваше упал, красные части приступили к пешему форсированию. За три часа они сумели преодолеть десятикилометровый залив и неожиданно для врага выйти к Литовскому полуострову. К утру 8 ноября 153-я бригада стала продвигаться к Караджаная.

Намного тяжелее пришлось тем, кто штурмовал Турецкий вал в лоб. Шквальный артиллерийский и пулеметный огонь врагелевцев не позволял подойти к проволочным заграждениям вала. Командующий фронтом, прибывший в штаб 51-й дивизии, отдал категорический приказ начдиву повторить штурм, хотя понимал, что без значительной артиллерийской подготовки, на абсолютно ровной местности атаковать сильно укрепленную позицию противника неизменно сложно. Но выхода не было. Вечером командно-политический состав поднял красноармейцев в отчаянную атаку. Отдельные части потеряли в ней более половины состава, но успеха не добились.

Положение сложилось критическое. «Ночью меня вызвал к аппарату М.В. Фрунзе, — вспоминал Блюхер, — и сказал: “Сиваш заливают водой. Наши части на Литовском полуострове могут быть отрезаны. Захватите вал во что бы то ни стало”». Потребовалось еще два отчаянных штурма, прежде чем блюхеровцам удалось на рассвете 10 ноября захватить укрепления Турецкого вала.

По признанию М.В. Фрунзе, по получению донесения об успехе у него словно гора с плеч свалилась. В тот же день части, наступавшие на белых с фронта от Перекопа и наносившие удар во фланг со стороны Караджаная, соединились в районе Армянска. Врангелевцы бежали под

защиту юшуньских укреплений. Но теперь на их разгром не потребовалось много времени. Уже на следующий день Блюхер докладывал: «Задача, поставленная дивизии, — пробить дорогу в Крым — выполнена. 11 ноября в 12 часов занята ст. Юшунь, впереди Крым, укреплений больше нет, лучшие силы Врангеля разгромлены окончательно: корниловцы, дроздовцы, марковцы, гвардейцы, 2-й армейский корпус представляют из себя жалкие остатки и панически бегут в разных направлениях. Бывшая гордость Врангеля теперь не существует»¹. 15 ноября части 51-й дивизии вступили в Севастополь и Ялту.

«За личную храбрость и особое искусство в руководстве боевыми действиями» по освобождению Крыма Блюхер был награжден двумя орденами Красного Знамени.

С изгнанием Врангеля участие Василия Константиновича в Гражданской войне не закончилось. В июне 1921 г. он стал военным министром и главнокомандующим Народно-революционной армией (НРА) Дальневосточной республики. Из разношерстных, наполовину партизанских, слабо дисциплинированных и плохо вооруженных формирований Василий Константинович создал полноценную регулярную армию, которая в течение года изгнала с территории Приморья белогвардейцев и заставила эвакуироваться японские войска.

Победе предшествовали длительные и ожесточенные бои, прежде всего за Волочаевку, которая для НРА была ключом к Приморью. Первая, поспешная, попытка наступления на Волочаевку, превращенную белыми в настоящий укрепленный район, закончилась неудачей. Блюхер лично разработал план новой операции, добился накопления необходимых сил и средств. Приказ на наступление он отдал 10 февраля 1922 г. Двое суток шел жестокий бой

¹ Цит. по: Душенькин В.В. Пролетарский маршал (о В.К. Блюхере). М., 1973. С. 67.

за Волочаевку. Соппротивление было таким, говорилось в сводке полевого штаба армии, что целые воинские части, расстрелянные в упор картечью, буквально повисали на проволоке вражеских укреплений.

Обращаясь к командирам и красноармейцам уже после того, как «дальневосточный Верден» был взят, главком не скрывал восхищения их стойкостью и мужеством: «На морозе, без горячей пищи, с куском замерзшего хлеба в кармане, под ураганным пулеметным и орудийным огнем вы грудью прорвали проволочные заграждения цитадели и наконец своими стремительными, всеразрушающими атаками выбили противника из его укрепленного гнезда... Я затрудняюсь выделить доблесть какой-нибудь отдельной части: геройски боролись и самоотверженно глядели в лицо смерти все». 14 февраля части НРА, преследуя противника, освободили Хабаровск. Остатки белогвардейских частей бежали в Приморье, а затем в Маньчжурию. Гражданская война затихала и здесь, на дальневосточных рубежах.

Так уж сложилась биография Блюхера, что практически вся его последующая служба прошла на востоке страны. В 1924—1927 гг. он находился в служебной командировке в Китае, где был главным военным советником Национально-революционного правительства Сунь Ят-сена. Вернувшись на Родину, чуть больше года прослужил помощником командующего Украинским военным округом И.Э. Якира и уже летом 1929 г. вернулся на Дальний Восток, чтобы в качестве командующего Особой Дальневосточной армией (ОДВА) возглавить разрешение советско-китайского военного конфликта на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД).

Конфликт был прекращен успешными действиями частей ОДВА не в последнюю очередь благодаря знанию Василием Константиновичем специфики дальневосточного региона и особенностей китайской армии. При раз-

громе группировки агрессоров в Забайкалье, в районе городов Маньчжурия и Чжалайно́р, особенно отличилась 5-я Кубанская кавалерийская бригада К.К. Рокоссовского. Победители были удостоены высоких наград: на знамени ОДВА появился орден Красного Знамени, а командарм стал первым кавалером вновь учрежденного ордена Красной Звезды.

30-е годы в жизни Василия Константиновича были отмечены большой работой по строительству и укреплению боевой мощи ОКДВА. 20 ноября 1935 г. В.К. Блюхеру в числе первых пяти военачальников РККА было присвоено высшее воинское звание Маршала Советского Союза.

Помимо дел боевых, он в силу своего положения все более втягивался в большую политику. В обстановке утвердившегося в стране единовластия Сталина это несло немалую опасность, ибо с высшими военными вождем строил отношения по принципу: кто не с нами, тот против нас. Когда 11 июня 1937 г. в Москве началось закрытое судебное заседание по делу группы участников «военно-фашистского заговора» в составе М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира, А.И. Корка, И.П. Уборевича, Р.П. Эйдемана, Б.М. Фельдмана, В.М. Примакова и В.К. Путны, места за столом Специального судебного присутствия Верховного суда СССР заняли не менее известные военачальники — заместитель наркома обороны Я.И. Алкснис, начальник Генерального штаба РККА Б.М. Шапошников, командующие Московским, Белорусским, Ленинградским и Северо-Кавказским военными округами С.М. Буденный, И.П. Белов, П.Е. Дыбенко, Н.Д. Каширин. Был среди них и командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией Блюхер.

Маршал не верил, что военачальники, которых он знал со времен Гражданской войны, могли пойти на предательство. Что касается Тухачевского, он, по мнению Василия Константиновича, расплатился за то, что посмел в 20-е годы публично сказать правду, назвав в числе тех, кто от-

ветственен за поражение Красной Армии под Варшавой в период советско-польской войны 1920 г., члена РВС Юго-Западного фронта И.В. Сталина.

Не верил он в заговорщицкую деятельность и других подсудимых. При вынесении приговора Блюхер, по некоторым сведениям, занял иную, нежели другие члены Специального судебного присутствия, позицию. Как показывал в 1957 г. бывший председатель суда В.В. Ульрих, Василий Константинович потребовал дорасследования дела и голосовать за приговор отказался. Судебный приговор он не подписывал, подписал только протокол заседания.

Горько сознавать, но всего через год с небольшим он сам стал жертвой репрессивной машины. Внешне события до мая — июня 1938 г. не должны были вселять в Василия Константиновича никакого беспокойства. В течение января — марта он был избран членом Президиума Верховного Совета СССР, получил второй орден Ленина, вошел в состав Главного военного совета РККА при Наркомате обороны, образованного по решению СНК СССР и ЦК ВКП(б). Но, с другой стороны, Василий Константинович не был простачком в политике и понимал, что означает лично для него арест командарма 1-го ранга Белова, командармов 2-го ранга Алксниса и Каширина, которые, подобно Блюхеру, входили в состав Специального судебного присутствия. Да и в ближайшем окружении командующего ОКДВА многие подверглись аресту: его заместитель комкор М.В. Сангурский, комкор Г.Д. Хаханьян — начальник политуправления, комкор М.В. Калмыков — командир 20-го стрелкового корпуса, комкор А.Я. Лапин — помощник командующего армией по ВВС. В массовом порядке изымался старший и средний комсостав.

От мрачных ожиданий отвлекали дела по руководству ОКДВА, предупреждению возможной японской агрессии. В Японии, захватившей Северо-Восточный Китай, был разработан план войны против Советского Союза. Кон-

кретизированный в 1936 г., он предусматривал нанесение главного удара по войскам Красной Армии в Приморье. Именно здесь на границе, а также на Амуре, у Благовещенска и Хабаровска, японцы усилили своеобразную разведку боем.

В 1938 г. местом вооруженного конфликта стал район озера Хасан. Граница, проходившая южнее озера в 20—25 км, была зафиксирована лишь на картах, на местности же стояли только номерные знаки. Ожесточенные бои развернулись западнее озера Хасан на сопках Заозерная и Безымянная. Советский Союз считал их своей собственностью, японцы же предъявляли свои права.

В июне 1938 г. Главный военный совет постановил развернуть ОКДВА в Краснознаменный Дальневосточный фронт (КДФ) с Блюхером во главе (с 23 июля 1938 г. фронт стал именоваться Дальневосточным Краснознаменным). Явно не доверяя командующему, Политбюро ЦК ВКП(б) направило сюда начальника Политуправления РККА армейского комиссара 1-го ранга Л.З. Мехлиса, человека, особо приближенного к Сталину¹. В Хабаровске уже находился первый заместитель наркома внутренних дел командарм 1-го ранга М.П. Фриновский. Они получили задачу навести в войсках Дальневосточного фронта «революционный порядок, повысить их боевую готовность» и «провести массовые оперативные мероприятия по изъятию противников Советской власти». По поводу их приезда Блюхер, по воспоминаниям его вдовы Глафиры Лукиничны, сказал: «Ты знаешь... приехали акулы, которые хотят меня сожрать. Они меня сожрут или я их, не знаю — второе маловероятно»².

Между тем неблагоприятные события в районе озера Хасан стали быстро нарастать. Японцам, как нельзя кстати,

¹ См.: Рубцов Ю.В. Мехлис. Тень вождя. М., 2007. С. 197–198.

² Блюхер Г.Л. Воспоминания о муже-маршале В.К. Блюхере. Тюмень, 1996. С. 83.

«помогли» советские пограничники. На сопке Заозерная под покровом ночи они оборудовали окоп с проволочными заграждениями, выдвинув его на сопредельную сторону за четырехметровую погранполосу. По дипломатической линии японцы заявили протест с требованием «покинуть захваченную маньчжурскую землю», но СССР категорически отказался признать этот факт. А через несколько дней здесь был убит японский жандарм, которого советские пограничники посчитали нарушителем.

В этой крайне нервной обстановке Блюхер был озабочен одной задачей: избежать любого повода для провокаций со стороны Японии. По его указанию (в тайне от Мехлиса и Фриновского) специальная комиссия обследовала восточные и северо-восточные склоны высоты Заозерная. Основываясь на результатах работы комиссии, Блюхер направил 26 июля донесение И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову и Н.И. Ежову (тому, как наркому внутренних дел, подчинялись пограничники), в котором отмечал: «Факт нарушения нами корейской границы, судя по схеме, не подлежит сомнению». В телеграмме Ворошилову он потребовал «немедленного ареста начальника погранучастка и других виновников в провоцировании конфликта с японцами».

В ответ Василий Константинович получил категоричное указание наркома обороны «прекратить возню со всякими комиссиями и точно выполнять решения Советского правительства и приказы наркома». Блюхер явно не допускал, что Москва сознательно шла на эскалацию конфликта. Не поддержав Центр, он подписал себе приговор.

Ворошилов дал указание Мехлису «разобраться в этом деле». Замнаркома 29 июля направил Сталину и Ворошилову обстоятельную телеграмму, расценив линию поведения командующего фронтом как двурушничество: «1. Позиция Блюхера более чем странная, льющая воду на мельницу японцев. 2. Блюхер ведет себя двойственно. Такую же двойственную позицию он занимает и по ряду других

важных вопросов. Порой трудно отличить, когда перед тобою выступает командующий или человек в маске...»

Вероятно, что после таких обвинений политического характера Василия Константиновича уже ничто не могло спасти. Небольшой шанс изменить ситуацию в свою пользу оставляли бы удачные действия Блюхера как военачальника. К сожалению, он оказался не на высоте.

Две недели, в течение которых длился конфликт на Хасане, стали для Василия Константиновича одними из самых тяжелых в биографии. К моменту нападения японцы сконцентрировали у границы группировку, насчитывавшую более 38 тыс. человек, ее поддерживали с воздуха 70 самолетов. С нашей же стороны к границе были переброшены всего две роты Посьетского погранотряда и 119-го стрелкового полка 40-й стрелковой дивизии. Разница, как видим, была значительная.

29 июля японцы атаковали высоту Безымянную. После трехдневных ожесточенных боев им удалось захватить и Безымянную, и Заозерную. Понесшие большие потери советские пехотинцы и пограничники отошли к озеру Хасан. Конфликт набирал обороты, становясь все более масштабным и ожесточенным.

1 августа в Хабаровск поступил приказ Ворошилова: «В пределах нашей границы смести и уничтожить интервентов, занявших высоты Заозерная и Безымянная, применив в дело боевую авиацию и артиллерию». Решение задачи нарком возложил на войска 39-го стрелкового корпуса в составе 40-й и 32-й стрелковых дивизий и 2-й механизированной бригады. Общее руководство операцией должен был осуществлять начальник штаба ДКФ Г.М. Штерн. Но и Блюхеру, естественно, не пристало стоять в стороне. Поскольку его поведение рассматривалось буквально под лупой, малейшее промедление маршала вызывало обостренную реакцию Кремля.

1 августа Сталин, Молотов и Ворошилов вызвали Блюхера к прямому проводу. «Скажите, т. Блюхер, честно, —

спросил командующего Сталин, — есть ли у Вас желание по-настоящему воевать с японцами? Если нет у Вас такого желания, скажите прямо, как подобает коммунисту, а если есть желание, я бы считал, что Вам следовало бы выехать на место немедленно».

Вождь приказал использовать всю силу авиации фронта, не останавливаясь перед опасением задеть бомбежкой мирное население: «Кто это Вам запретил в условиях военной стычки с японцами не задевать корейское население? Какое Вам дело до корейцев, если наших людей бьют пачками японцы?.. Никто Вас не обязывает переходить границу, мы только советуем Вам пустить в ход большие силы нашей бомбардировочной авиации и бомбить непрерывно японцев, чтобы они не могли обосноваться хотя бы на короткий срок на нашей территории, включая Заозерную. Мы считаем, что такая сосредоточенная бомбежка, кроме того, что она истребит японцев, будет вместе с тем прикрытием для подвода наших войск и, конечно, артиллерии к нашим границам»¹.

Василий Константинович заверил, что «добить японцев у меня желание было, есть и будет», и срочно выехал к месту боев. Он хорошо представлял, что ждет его на Хасане. Здесь, словно в фокусе, сошлись слабая выучка личного состава частей фронта, недостаточная материально-техническая обеспеченность, просчеты в организации взаимодействия различных родов войск, в артиллерийской и авиационной поддержке действий пехоты.

Это в полной мере проявилось в действиях 40-й стрелковой дивизии, которая подошла к полю боя, совершив 200-километровый форсированный марш. Артиллерия и минометы задержались на марше и поддержать пехоту не могли. Командир дивизии, не проведя рекогносцировку местности, отдал приказ об атаке с утра 2 августа. Два полка наступали с севера, один — с юга.

¹ Цит. по: Новая и новейшая история, 2004, № 1. С. 174–175.

Вот как описывал дальнейшие события маршал М.В. Захаров, трудившийся в это время в Генеральном штабе: «Не поддержанная огнем артиллерии и авиацией (последнюю нельзя было применить из-за тумана), северная группа сумела пробиться только к северо-восточным скатам высоты Безымянной. Танкисты, не зная местности, увязали в болотах и канавах. Южная группа имела еще меньший успех. Преодолевая плотный огонь японцев с высоты Пулеметной, она сумела к концу дня продвинуться до южных скатов высоты Заозерной.

Наступление северной и южной групп наших войск не было увязано по времени и развертывалось на узком пространстве, ограниченном с востока озером Хасан, а с запада — линией границы. Управление боем было плохо организовано; множество начальников вмешивалось в действия войск. Так, на вопрос начальника Генерального штаба при разговоре по прямому проводу, какова боевая задача 40-й дивизии, ее командир ответил, что получил три задачи — от фронта, армии и корпуса»¹.

Роковую роль в судьбе Блюхера сыграли Л.З. Мехлис и М.П. Фриновский, донесения которых в Центр были предвзяты, тенденциозны. Но объективности ради надо сказать, что маршал давал своим гонителям немало поводов. Он и в самом деле отстал от требований военной науки и практики. Сошлемся на авторитет Маршала Советского Союза И.С. Конева, хорошо знавшего и Блюхера, и дальневосточный театр. На его взгляд, командующий фронтом «был к тридцать седьмому году человеком с прошлым, но без будущего, человеком, который по уровню своих знаний, представлений недалеко ушел от гражданской войны и принадлежал к той категории, которую представляли собой к началу войны (Великой Отечественной. — Ю.Р.) Ворошилов, Буденный и некоторые другие бывшие конар-

¹ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 137.

мейцы, жившие не современными, прошлыми взглядами»¹. Правда, писатель К.М. Симонов, который беседовал с Коновым, справедливо возразил, что человека с головой, положенной под топор, трудно судить за неудачное проведение операции².

Между тем в Москве пришли к выводу, что с локальным конфликтом надо кончать, пока он не перерос в полномасштабную войну с опытной и искушенной в боях японской армией. Наступление частей Красной Армии после перегруппировки началось во второй половине дня 6 августа. Бойцы 118-го и 119-го стрелковых полков, несмотря на большие потери, к вечеру пробились на восточные скаты высоты Заозерная. Гребень северной части и северо-западные командные точки высоты оставались в руках противника до 13 августа — даты достижения перемирия. Против ожидания тех, кто еще в июле намеревался легко проучить «японскую военщину», цена одержанной победы оказалась велика. Официальная (хотя и она, естественно, не разглашалась) информация о потерях содержала сведения о 408 убитых и 2807 раненых. В действительности потери были вдвое большими — 960 человек убитыми и 3279 человек ранеными (для сравнения: потери японцев составили 650 человек убитыми и 2500 ранеными)³.

Итоги конфликта на Хасане были рассмотрены Главным военным советом РККА 31 августа 1938 г. в присут-

¹ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. С. 394.

² Пригодность Блюхера к командованию армией, призванной в случае войны действовать против японцев, ставилась под большое сомнение и за границей. «Ни его общеобразовательная, ни чисто военная подготовка (или, точнее, полное отсутствие обеих) не позволяют считать его для этого подготовленным», — писал в 1934 г. один из писателей русской военной эмиграции А.А. Зайцов. — Цит. по: Военная мысль в изгнании. С. 258.

³ Россия и СССР в войнах XX века. Статистическое исследование. М., 2001. С. 171, 173.

ствии Блюхера. Кроме упреков в «недопустимо низком уровне» боевой подготовки войск, на долю командующего ДКФ пришлось политические обвинения: «преступное невыполнение» директив ГВС и наркома обороны, покровительство многочисленным «врагам народа», сознательное пораженчество, двуличие, потворство японским агрессорам. Даже части таких обвинений было достаточно для ареста. Но пока ГВС ограничился отстранением Василия Константиновича от должности командующего.

Арестовали его 22 октября того же года в Сочи, где он по предложению Ворошилова отдыхал с семьей на наркомовской даче «Бочаров ручей». Правда, отдых был горьким и больше походил на домашний арест. В Москве маршалу было предъявлено обвинение в участии в военном заговоре, шпионаже и вредительстве. Разработкой, а затем и следствием по делу Блюхера руководил лично первый заместитель наркома внутренних дел Берия.

«Методика» обработки узников к тому времени была хорошо отработана. Заключение попытались сразу же сломить показаниями на него тех, кто в разные годы сталкивался с Блюхером по службе: Маршала Советского Союза А.И. Егорова, командарма 1-го ранга И.Ф. Федько, комкора Г.Д. Хаханьяна и других. Не получилось, маршал все отрицал. Его перевели в Лефортовскую тюрьму, где он попал в настоящую мясорубку. О том, как жестоко истязали легендарного героя Перекопа и Волочаевки, показывала одна из заключенных, содержавшаяся в одной камере с бывшей женой маршала Г.А. Кольчугиной-Блюхер: «... Был до неузнаваемости избит и, находясь почти в невменяемом состоянии, в присутствии ее, а также двух других его бывших жен, наговаривал на себя чудовищные вещи и просил, чтобы Кольчугина-Блюхер и остальные бывшие его жены все это подтвердили. Я помню, что Кольчугина-Блюхер с ужасом говорила о жутком, растерзанном виде,

который имел Блюхер на очной ставке, бросила фразу: “Вы понимаете, он выглядел так, как будто побывал под танком”»).

В литературе приводятся сведения, что к 6 ноября 1938 г. изуверам удалось-таки физически и морально сломить Блюхера, и он в течение трех дней давал письменные показания, в которых признался в участии в «антисоветской организации правых» и военном заговоре. Но если это и так, пустить показания в ход Берия и его подручные не успели. 9 ноября Василий Константинович скончался. Акт, подписанный судебно-медицинским экспертом Сименовским, констатировал, что смерть наступила от закупорки легочной артерии тромбом, образовавшимся в венах таза. Тромб, если эксперт не покривил душой, стал непосредственной причиной, в могилу же Блюхера свели нечеловеческие побои. О его смерти было немедленно доложено Сталину, который приказал Берии тело маршала кремировать. Место захоронения праха осталось неизвестным.

В 1956 г. Блюхер и все его родственники (ни одного из них не миновали репрессии) были реабилитированы за отсутствием состава преступления. Глафира Лукинична Безверхова, с которой Блюхер состоял к моменту ареста в браке, пережила 8-летнее заключение в Карлаге, а затем находилась в административной ссылке. Ей так и не удалось найти сына Василина, которого в восьмимесячном возрасте разлучили с ней при аресте и поместили в детдом.

В 1996 г. вдова смогла издать, правда, не в столице, а в далекой Тюмени, «Воспоминания о муже-маршале В.К. Блюхере». Иногда думаешь: Бог дал Глафире Лукиничне долгую жизнь для того, чтобы она смогла, мужественно перенесла все выпавшие на ее долю испытания, донести до сегодняшнего поколения россиян рассказ о творившемся на нашей земле в 1930-е годы.

С.К. Тимошенко:
**«МОЛОДЕЖЬ ДОЛЖНА СМЕНЯТЬ НАС,
СТАРИКОВ»**

В пятом часу утра 22 июня 1941 г. Сталин, разбуженный звонком начальника Генерального штаба Г.К. Жукова, приехал в Кремль. Там его уже ожидали С.К. Тимошенко и Жуков. Вождь никак не хотел верить в то, что Гитлер перехитрил его. «Не провокация ли это немецких генералов?» — добивался он от наркома обороны и начальника Генштаба. А затем хотя и приказал уничтожить германские войска, нарушившие границу, но лишь на советской территории.

...Историки, описывая первые часы войны, чаще всего останавливаются на болезненной реакции Сталина. Но ведь ничуть не легче было и наркому обороны Тимошенко. Будучи, в отличие от вождя, профессиональным военным и уже по этой причине хорошо представляя, что творится в войсках, он куда глубже переживал за подчиненных, понимал пагубность указаний, оторванных от реально складывавшейся обстановки и потому вызывавших многочисленные напрасные жертвы.

Буквально перед выездом в Кремль наркому позвонил заместитель командующего Западным фронтом генерал И.В. Болдин. Он доложил, что немцы ведут интенсивный артиллерийский огонь, расстреливают войска с воздуха, границу перешли и сухопутные части. Как вспоминал позднее Болдин, Тимошенко, выслушав его, предупредил:

«— Учтите, никаких действий против немцев без нашего ведома не начинать.

— Как же так, — кричу в трубку, — наши войска вынуждены отступать, горят города, гибнут люди...

Настаиваю, — пишет далее Болдин, — на немедленном применении механизированных, стрелковых частей и артиллерии, особенно зенитной. В противном случае дело

обернется плохо. Но нарком, выслушав меня, повторил прежний приказ».

Иначе он не мог, помня о категорическом указании вождя не предпринимать ничего такого, чем Германия могла бы воспользоваться как поводом к нападению.

Вот и сейчас, вызвав Тимошенко и Жукова в Кремль, Сталин продолжал упорствовать, что это не война, а провокационные действия. Теряя чувство реальности, утверждал: «Если нужно организовать провокацию, то немецкие генералы бомбят и свои города... — И, подумав немного, продолжал: — Гитлер наверняка не знает об этом»¹. Свою точку зрения вождь переменял только тогда, когда германский посол фон Шуленбург официально заявил наркому иностранных дел В.М. Молотову об объявлении войны.

В 7.15 от имени наркома обороны была наконец отдана директива № 2, предписывавшая «войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу». Впрочем, тут же следовала и сталинская оговорка: «Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить». На территории врага (на глубину до 100—150 км) разрешалось действовать только авиации².

Военным руководителям трудно было понять: война стала фактом, а тут такой явно далекий от жестокой реальности приказ. Но они вынуждены были лишь принимать указания вождя к неукоснительному исполнению: иных вариантов действий, вроде добровольной отставки, система единоличной власти, утвердившаяся в Советском Союзе, не допускала.

К началу Великой Отечественной войны за плечами С.К. Тимошенко, этого еще сравнительно молодого, но вы-

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 9.

² Цит. по: Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 498.

глядящего много старше своих лет военачальника, была четверть века боев и походов. Родился он в Бессарабской губернии в семье крестьянина-бедняка. В 1907 г. закончил сельскую школу, а в 1915 г. уже на военной службе сдал экстерном за три класса городского училища.

Рядовым пулеметной команды воевал на Западном фронте. После Октябрьской революции 1917 г. вся его 4-я кавалерийская дивизия перешла на сторону новой власти. В Красной Армии Семен Константинович уже через несколько месяцев стал командиром 1-го конно-гвардейского Крымского полка. В районе Царицына он влился в 10-ю армию К.Е. Ворошилова, оборонявшую город. В этот период он близко познакомился с людьми, с которыми потом шел бок о бок несколько десятилетий — будущими маршалами К.Е. Ворошиловым, С.М. Буденным, Г.И. Куликом, генералами И.В. Тюленевым, И.Р. Апанасенко, О.И. Городовиковым. Состоялось знакомство и с И.В. Сталиным.

В ноябре 1918 г. реввоенсовет 10-й армии принял решение о создании сводной кавалерийской дивизии под командованием Б.М. Думенко, ставшей прообразом 1-й Конной армии. Его заместителем стал С.М. Буденный, а командиром одной из двух бригад был поставлен Тимошенко. Жаркие бои с белой конницей в сальских степях закалили комбрига, сделали его испытанным кавалерийским начальником. Через год он уже вступил в командование 6-й кавдивизией, входившей в состав 1-го Конного корпуса Буденного, который к этому времени вырос из сводной кавалерийской дивизии. Это был очень серьезный рост, свидетельствующий о военной талантливости Тимошенко.

Осенью 1919 г. корпус был переброшен на Южный фронт. В районе Воронежа Семен Константинович участвовал в разгроме белоказачьих корпусов генералов Мамонтова и Шкуро, изгнании войск Деникина из Донбасса. Заметна роль Тимошенко и после того, как в ноябре 1919 г. 1-й Конный корпус был преобразован в 1-ю Конную ар-

мию. Именно его конники в результате ожесточенных боев первыми ворвались вечером 8 января 1920 г. в Ростов-на-Дону, изгнав оттуда Добровольческую армию белых.

Не откажешь даже в некоторой художественности той картине боя, которую дал в своих воспоминаниях маршал И.Х. Баграмян: «Полки на виду у противника быстро перестраивались для атаки. Перед фронтом промелькнула черная бурка начдива Тимошенко. Еще минута — и, взметая вместе с землей снежную пыль, понеслась навстречу врагу грозная в своем порыве красная конница. Сверкнули тысячи сабель, пики наперевес. Ветер свистит в ушах. Кажется, вот-вот две лавины разобьются друг о друга. Между противниками оставалось каких-нибудь 200—150 метров, когда в один момент с обеих сторон вырвалось тысячеголосое "ура" и перекрыло конский топот и ружейную трескотню, доносившуюся с флангов...

Передние ряды столкнулись. Заскрежетал металл скрестившихся сабель. Взмыленные кони подымались на дыбы, насакивали друг на друга. Все смешалось. Завязалась жестокая рубка...

Начдив был в этот день неутомим. Он лично водил полки в атаки и контратаки, а если натиск конников не завершался успехом, прикрывал их отход огнем пулеметов и артиллерии. После огневых ударов полки 6-й дивизии вновь переходили в атаку в конном строю, глубоко вклиниваясь в боевые порядки противника. В одной из атак С.К. Тимошенко со штабным эскадром ворвался на огневые позиции вражеской артиллерии. Расчеты растерялись и стали просить пощады.

— Повернуть орудия и стрелять по белогвардейской нечисти! — скомандовал начдив.

Повинуясь властному приказу, белые торопливо исполнили волю Тимошенко и ударили по своим. Это ошеломило врага. Еще нажим — и противник начал отход»¹.

¹ Баграмян И.Х. Великого народа сыновья. М., 1984. С. 210—212.

Высокое боевое мастерство Семен Константинович продемонстрировал и в дальнейших боях. За заслуги перед революцией в боях против конницы Шкуро и Мамонтова, при освобождении Донбасса и Ростова, он был награжден орденом Красного Знамени. Ему довелось также принять участие в войне с Польшей 1920 г. и в изгнании из Крыма генерала Врангеля.

Межвоенный период — 20—30-е гг. — стал для Тимошенко периодом становления как военачальника оперативно-стратегического уровня. В феврале 1925 г., недолго побыв «для особо важных поручений при инспекторе кавалерии РККА», он возглавил 3-й кавалерийский корпус.

Учиться особо ему не довелось, военачальник заканчивал в основном курсы разного уровня — Высшие академические курсы при Военной академии им. М.В. Фрунзе в 1922 г. и в 1927 г., курсы единачальников при Военно-политической академии в 1930 г. Знания пополнял самостоятельной учебой.

М.Н. Тухачевский, аттестуя в 1925 г. командира 3-го кавалерийского корпуса, отзывался о нем как одном «из основных, из лучших командиров конницы. Обладая высокими качествами рубаки, в то же время непрерывно изучает военное дело и вопросы военной техники. Прекрасно понимает роль конницы».

Не менее высокую оценку в 1932 г. Семен Константинович заработал у командующего войсками Белорусского военного округа И.П. Уборевича: «Исключительно опытный организатор боевой подготовки конницы. Овладевает успешно вопросами механизации и артиллерии... Весьма дисциплинирован... Достоин выдвижения вне очереди по должности помкомвойск (помощника командующего войсками округа. — Ю.Р.) или инспектора кавалерии РККА»¹.

¹ Маршалы Советского Союза. Личные дела рассказывают. М., 1996. С. 67.

Талант Тимошенко был замечен высшим руководством. С августа 1933 г. он — заместитель командующего Белорусским, а затем Киевским военными округами, с июня 1937 г. по май 1940 г. командовал Северо-Кавказским, Харьковским и Киевским особым военными округами. В период Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. Семен Константинович, сумев во главе Северо-Западного фронта внести в поначалу неудачный ход военных действий необходимый перелом, обратил на себя внимание Сталина.

В мае 1940 г. став наркомом обороны, Тимошенко, возможно, как никто другой, сознавал слабости Красной Армии, явственно проявившиеся в Финской кампании. Требовалось неотложно выводить войска на качественно новый уровень. Объем и сложность задач диктовали образ действий. «Чем ближе надвигалась угроза войны, тем напряженнее работало руководство Наркомата обороны, — свидетельствовал позднее маршал Жуков. — Руководящий состав наркомата и Генштаба, особенно маршал С.К. Тимошенко, в то время работали по 18—19 часов в сутки, часто оставаясь в рабочих кабинетах до утра»¹.

Многие видные военачальники, отдавая должное личным качествам Тимошенко, трезво оценивают его возможности по руководству военным ведомством. Называя Семена Константиновича высокоодаренным военачальником, генерал армии С.П. Иванов, например, считал, что «его теоретическая подготовленность и практический опыт в значительной степени уступали всесторонней эрудиции М.Н. Тухачевского, А.И. Егорова, И.П. Уборевича и других представителей этой славной плеяды советских полководцев». «При всем уважении к С.К. Тимошенко следует сказать, — добавлял мемуарист, — что он, обладая превосходными волевыми качествами, безупречной лич-

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 365—366.

ной храбростью и здравым практическим умом, не был подготовлен в теоретическом и профессиональном плане для исполнения высокой должности наркома обороны»¹.

При всем при том наркомом предпринималось все возможное, чтобы встретить военную опасность во всеоружии. 13 июня 1941 г. Тимошенко в присутствии Жукова позвонил Сталину и настойчиво попросил разрешения привести войска приграничных округов в боевую готовность, а первые эшелоны войск развернуть по планам прикрытия. Вождь ответил отказом, мотивировав его опасностью спровоцировать немцев на нападение. Он, вероятно, надеялся, что все обойдется, и концентрация войск вермахта у нашей западной границы означает подготовку к войне не против СССР, а против Англии, как советского вождя успешно убеждал Гитлер.

А ведь и так уже было упущено слишком много времени, слишком сильно комсостав был ослаблен репрессиями 30-х гг. В результате Красная Армия вступала в войну недостаточно подготовленной и находясь на положении мирного времени.

23 июня 1941 г. была создана Ставка Главного Командования под председательством наркома обороны. Но «при существовавшем порядке, — справедливо писал Жуков, — так или иначе, без Сталина нарком С.К. Тимошенко самостоятельно не мог принимать принципиальных решений». Поэтому когда 19 июля Сталин стал наркомом обороны, а 8 августа — еще и Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами, Семен Константинович встретил это с пониманием. Он получил назначение на должность главкома Западного направления (будучи одновременно командующим Западным фронтом). Именно на этом участке советско-германского фронта сложилась наиболее тяжелая обстановка.

¹ *Иванов С.П.* Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990. С. 29, 105.

Силами механизированных корпусов при поддержке авиации Тимошенко организовал несколько мощных контрударов по вражеским войскам, в июле остановив их в районе Смоленска. Развернувшееся сражение приобрело ожесточенный характер, учитывая, что противник вдвое превосходил войска Западного фронта в живой силе, артиллерии, авиации и вчетверо — по танкам. Несмотря на то что в ходе контрударов не удалось разгромить смоленскую группировку противника, была решена крупная стратегическая задача — сорвано наступление группы армий «Центр» на Москву.

Однако Сталин остался недоволен. Сказывались питаемые еще довоенными настроениями надежды быстро повернуть врага вспять и воевать на его территории. Маршала вызвали в Ставку, где в присутствии членов Политбюро Верховный заявил: «Тимошенко на посту командующего Западным фронтом не справился с поставленной задачей в районе Смоленска. Мы решили освободить его...».

Судя по всему, недовольство вождя питали и «компетентные органы». Еще 17 июля члену Ставки Г.М. Маленкову поступила подписанная начальником военной контрразведки НКВД А.Н. Михеевым справка на Тимошенко. В ней говорилось, что, по показаниям некоторых участников «антисоветского военного заговора», Семен Константинович имел служебную и личную близость с рядом «заговорщиков».

Когда Сталин спросил Жукова, как следует решить судьбу Тимошенко, тот ответил, что маршал сделал под Смоленском все, что можно было сделать на его месте. И потому снимать его с должности командующего было бы несправедливо и нецелесообразно. Убежденность Жукова поколебала Верховного. Тимошенко остался в строю, хотя в сентябре и вынужден был сменить место службы, став главнокомандующим войсками Юго-Западного стратегического направления.

Под его руководством в ноябре 1941 г. было осуществлено первое в истории Великой Отечественной войны широкомасштабное контрнаступление советских войск под Ростовом-на-Дону. Полководческий талант Семёна Константиновича проявился здесь во всем блеске. Проанализировав действия противника, он пришел к выводу, что тот в ближайшее время попытается овладеть Ростовом, дабы открыть дорогу на Кавказ, и выдвинул замысел, предусматривавший масштабное контрнаступление. Полководцу удалось увлечь своим замыслом Верховного Главнокомандующего и получить от него «добро». Осуществлять операцию должен был Южный фронт во главе с генералом Я.Т. Черевиченко.

Обстановка на фронте не благоприятствовала реализации плана: 5 ноября немецкая группа армий «Юг» возобновила наступление. Больше того, 20 ноября танковая армия Клейста даже захватила Ростов. Но, как вспоминал маршал Баграмян, «главком Юго-Западного направления показал, что никакие события на фронте не заставят его отступить от задуманного наступления». По его требованию намеченное контрнаступление было спланировано и подготовлено. 23 ноября войска Южного фронта пошли вперед. Ростов был под оккупацией чуть больше недели: уже к середине дня 29 ноября над городом вновь взвился красный флаг.

«Будем за ваше здоровье сегодня пить», — пообещал довольный Сталин, узнавший по телефону от Тимошенко о взятии «ворот» Северного Кавказа. В тот же день было положено начало замечательной традиции: Верховный Главнокомандующий своим особым приказом поздравил войска, отличившиеся при освобождении крупного города. Потом таких поздравлений в адрес командующих будет много, но то, направленное на имя Тимошенко, было первым в истории войны.

К сожалению, маршал в дальнейшем переоценил свои полководческие способности, в частности, к предвидению

вероятных действий противника. На заседании Ставки в конце марта 1942 г., где намечались мероприятия Советских Вооруженных Сил на весну и лето, Семен Константинович поддержал недалновидное мнение Верховного Главнокомандующего о необходимости наступления на широком фронте. Опираясь на сталинское указание, полководец 10 апреля утвердил план действий войск Юго-Западного направления, в котором «в соответствии с требованиями Ставки Верховного Главнокомандования, для упреждения противника в развертывании наступательных операций и сохранения инициативы в руках наших войск» перед Юго-Западным направлением ставилась следующая задача: в апреле—мае овладеть Харьковом и последующим ударом в направлении Днепропетровск, Синельниково лишить противника важнейших переправ на Днестре.

Конкретный план наступления Тимошенко доложил в Кремле лично Сталину и получил одобрение. План был смелый, но, как оказалось, его авторы не в полной мере учли невыгодное для советской стороны общее соотношение сил. Имея равенство по танкам, противник превосходил в численности живой силы в 1,1, в орудиях и минометах — в 1,3, в самолетах — в 1,6 раза.

12 мая 1942 г. наступление войск Юго-Западного фронта началось. В первый же день они продвинулись на глубину в 15 километров. Но через три дня обстановка резко изменилась: со стороны Краматорска противник нанес удар под основание занимаемого советскими войсками Барвенковского выступа — плацдарма на правом берегу Северского Донца в районе города Барвенково. Сначала Тимошенко посчитал эту опасность преувеличенной и оснований для прекращения наступления войск фронта не увидел. Лишь 18 мая, когда войска фронта были уже частично окружены, Семен Константинович стал принимать меры к их выводу, но было уже поздно.

20 июля его вызвали в Ставку. Шесть часов отчитывался он о своих действиях. Хорошо еще, что оргвыводы

ограничились снятием с должности, ибо поражение под Харьковом вызвало всплеск нового интереса к маршалу со стороны особистов. «В беседе с Хрущевым (член военного совета фронта. — *Ю.Р.*) у нас сложилось подозрение о возможности измены Тимошенко... — телеграфировал в Москву начальник особого отдела НКВД Юго-Западного фронта старший майор госбезопасности Н.Н. Селивановский. — Я решил выслать оперативную группу из ответственных работников для организации за ним наблюдения и предотвращения возможной измены»¹. Но, к счастью, и на этот раз Сталин пощадил полководца, возможно, памятуя о том, что он лично санкционировал ту неудачную операцию.

После этого Тимошенко лишь однажды выступил в роли командующего войсками фронта. В ходе проведенной им на Северо-Западном фронте зимой 1943 г. наступательной операции был ликвидирован плацдарм в районе города Демянска, захваченный немцами еще в конце 1941 г. Но в глазах Сталина престиж полководца эта операция не восстановила. До конца войны командовать фронтами ему уже не довелось.

«Тимошенко в некоторых сочинениях оценивают совершенно неправильно, — высказывал свое мнение Г.К. Жуков, — изображают его чуть ли не как человека безвольного и заискивающего перед Сталиным. Это неправда. Тимошенко — старый и опытный военный, человек настойчивый, волевой и образованный и в тактическом, и в оперативном отношении. Во всяком случае, наркомом он был куда лучшим, чем Ворошилов, и за тот короткий период, пока им был, кое-что успел повернуть в армии к лучшему. Случилось так, что после харьковской катастрофы ему больше не поручалось командовать фронтами, хотя в роли командующего фронтом он мог быть много сильнее не-

¹ Военно-исторический журнал, 1993, № 12. С. 10.

которых других командующих, таких, например, как Еременко. Но Сталин был на него сердит и после Харькова и вообще, и это сказалось на его судьбе на протяжении всей войны. Он был человеком твердым, и как раз он никогда не занимался заискиванием перед Сталиным, если бы он этим занимался, вполне возможно, что он получил бы фронт»¹.

С марта 1943 г. начинается новый этап деятельности маршала Тимошенко — в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования. Почти 500 дней из 1418 дней, что длилась Великая Отечественная война, он исполнял эти обязанности, и исполнял достойно.

Так, во многом благодаря четкости взаимодействия Северо-Кавказского фронта и Черноморского флота, организованного маршалом, нашим войскам удалось разгромить гитлеровцев на Кубани и Таманском полуострове. По отзывам командующего Северо-Кавказским фронтом генерала И.Е. Петрова, представитель Ставки хорошо помог ему при планировании и осуществлении весьма сложной Новороссийско-Таманской операции. Войска вермахта были разгромлены на так называемой «Голубой линии», а затем и на Таманском полуострове, после чего наши части смогли форсировать Керченский пролив и овладеть плацдармами в Крыму.

Весной следующего, 1944 г. Тимошенко как представитель Ставки координировал действия войск 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. «Тогда мы с ним встретились как старые друзья, — вспоминал Иван Христофорович Баграмян. — Он пригласил меня, как командующего 1-м Прибалтийским фронтом, в свою штаб-квартиру, располагавшуюся близ КП генерала армии М.М. Попова, тогдашнего командующего войсками 2-го Прибалтийского фронта, с тем, чтобы посоветоваться по ряду проблем, вставших тогда перед нами в Прибалтике. Он был, как обычно, ис-

¹ *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения... С. 386—387.

полнен оптимизма и уверенности в скорой блистательной победе над врагом. Помню, что Семен Константинович дал немало ценных советов обоим своим «подшефным» командующим генералам М.М. Попову и И.И. Масленникову. Запомнилось мне, как он, встретив меня отеческими объятиями, говорил:

— Рад, от всей души рад за тебя, Иван Христофорович... Молодежь должна сменять нас, стариков.

Когда я сказал этому "старику", которому не исполнилось еще и 50 лет, что я всего на два года моложе его, он был искренне удивлен¹.

Старик не старик, но, конечно, Семен Константинович вынужден был постепенно уступить место тем полководцам, чье дарование, в отличие от его собственного, раскрылось уже в ходе Великой Отечественной. Век кавалерии, принесший ему первый полководческий триумф, невозвратно ушел в прошлое, хотя богатый опыт маршала был востребован, как видим, и войной моторов.

С июня 1944 г. Тимошенко успешно координировал действия 2, 3 и 4-го Украинских фронтов при проведении операций на южном крыле советско-германского фронта. Именно здесь была осуществлена успешная Яско-Кишиневская операция, которая стала подлинным образцом стремительного окружения противника и столь же быстрого его разгрома в условиях горно-лесистого театра военных действий.

Это вынужден был признать и Сталин, после Харькова весьма сдержанно относившийся к Тимошенко. В октябре 1944 г. Семен Константинович одним из первых был удостоен высшего полководческого ордена «Победа». И все-таки есть ощущение, что его полководческий потенциал в годы войны так и не был выбран до «донца».

¹ Баграмян И.Х. Великого народа сыновья... С. 255.

Б.М. Шапошников:
**«ДОЛЖНОСТЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА БЫЛА
БЫ ДЛЯ МЕНЯ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЕЙ»**

Если, как говорилось выше, первый советский маршал К.Е. Ворошилов относился к типу людей, могущих сколь угодно долго заниматься каким-то делом, но так и не стать настоящим профессионалом, то Б.М. Шапошников, которому довелось послужить рядом с многолетним наркомом обороны в качестве начальника Генштаба, являл собой полную противоположность. Борис Михайлович стал едва ли последним представителем, боюсь, навсегда исчезнувшей в XX веке породы военачальников, которые сами (подчеркнем особо — сами) занимались научным обобщением боевого опыта и самостоятельной подготовкой теоретических трудов.

Большинству его преемников на посту руководителя «мозга армии», как с легкой руки Шапошникова стали называть Генеральный штаб, хватало сил лишь выступать в качестве высокого лица, под чьей «общей редакцией» выходил тот или иной коллективный труд, да ставить подпись под «теоретическими» статьями, подготовленными усилиями собственного секретариата с помощью военных ученых. Обычно в таких случаях отговариваются неимоверной занятостью. Но и Шапошников не располагал избытком свободного времени. Солидное базовое образование и широчайшая эрудиция, развитый вследствие постоянного занятия наукой интеллект, неизбывное стремление проникнуть в подлинный, скрытый от поверхностного взгляда смысл перемен, происходящих в военном деле, редкая работоспособность — вот что, скорее всего, позволило Борису Михайловичу оказаться на две головы выше большинства своих преемников.

Очень рано определилась склонность Шапошникова к интеллектуальной деятельности, с каковой в первую оче-

редь связана служба в больших штабах. Уроженец Златоуста, он в 1903 г. по 1-му разряду окончил Алексеевское военное училище в Москве и начал офицерскую службу в 1-м Туркестанском пехотном батальоне. Уже через четыре года выдержал испытания при поступлении в Академию Генерального штаба, в годы учебы проявил «отличные успехи в науках» и по выпуску был произведен в штабс-капитаны.

О его дальнейшем служебном пути мы имеем возможность судить по тексту письма, направленного Шапошниковым весной 1918 г. начальнику штаба только что созданного Приволжского военного округа. За несколько месяцев до этого, будучи по болезни демобилизованным из старой армии и ходатайствуя о принятии его на службу в Рабочекрестьянскую армию, он писал: «Как бывший полковник Генерального штаба, я живо интересуюсь вопросом о создании новой армии, и как специалист, желал бы принести посильную помощь в этом серьезном деле».

Здесь же Борис Михайлович дал сжатый обзор предыдущей службы: «Произведенный в 1903 году в офицеры из Московского военного училища, я в 1910 году окончил академию, а затем, откомандовав два года ротой, начал в 1912 году службу Генерального штаба в должности адъютанта штаба 14-й кавалерийской дивизии. Пробыв шесть месяцев войны в этой же должности, я последовательно занимал должности помощника старшего адъютанта штаба 12-й армии, и. д. (исполняющим должность. — Ю.Р.) штаб-офицера для поручений при управлении генералквартирмейстера штаба Северо-Западного фронта и с ноября 1915 года получил сначала штаб отдельной казачьей бригады, а затем и штаб 2-й Туркестанской казачьей дивизии. Пробыв в этой должности около двух лет, я в конце сентября 1917 года был назначен командиром 16-го гренадерского Мингрельского полка, а в начале декабря того же года был выбран на должность начальника Кавказской

гренадерской дивизии, на какой находился до 16 января 1918 года, а затем по болезненному состоянию был эвакуирован и с 16 марта с. г. по демобилизации уволен в бессрочный отпуск.

Будучи уроженцем Урала, я бы хотел начать свою службу в этом районе, а потому позволю себе просить Вас о ходатайстве в назначении меня на службу в Приволжский военный округ. Как бывший офицер Генерального штаба, я бы желал получить должность Генерального штаба во вверенном Вам штабе или же в штабе войсковых соединений округа по Вашему усмотрению. Как начавший уже и строевой ценз по командованию полком, я мог бы занять и строевую должность, но должность Генерального штаба была бы для меня предпочтительней»¹.

Через три дня последовал положительный ответ. В мае 1918 г. Шапошников был назначен в Оперативное управление Высшего военного совета на должность помощника начальника. В октябре, следующего, 1919 г. он стал начальником Оперативного управления Полевого штаба РВС Республики. Он познакомился с М.В. Фрунзе, с которым вновь встретился в конце 1920 г. на Южном фронте при разработке планов операций против Врангеля (любопытно, что «черный барон», а в 1907—1910 гг. поручик лейб-гвардии Конного полка был сокурсником Шапошникова по Академии Генштаба). Высоко ценили начальника Оперативного управления и такие опытные генштабисты, как главком С.С. Каменев, начальник Полевого штаба РВСР П.П. Лебедев.

Должность начальника Оперативного управления — одна из самых хлопотных, требующих максимального напряжения сил. Практически все операции Красной

¹ Цит. по: *Василевский А.* Маршал Советского Союза Борис Шапошников // Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Вып. 2. М., 1979. С. 9.

Армии были разработаны лично или при самом активном участии Бориса Михайловича. Недаром отмечалось в приказе РВСР от 14 октября 1921 г., в соответствии с которым военачальник был награжден орденом Красного Знамени: «В течение своей деятельности на высокоответственной должности начальника Оперативного управления Полевого штаба РВС Республики т. Шапошников являлся непосредственным активным сотрудником всей оперативной работы во всех ее подробностях... Занимая указанную должность... т. Шапошников с присущей ему инициативой... работал с полным самоотвержением и днем и ночью».

Ставший в 1924 г. начальником Штаба РККА Фрунзе, лично знавший о блестящих оперативных способностях Шапошникова, взял его своим помощником. Главное, чем пришлось заниматься двум талантливым военачальникам и всему аппарату Штаба, — проведение масштабной военной реформы. Преобразования затронули устройство армии и ее организационно-штатную структуру, систему комплектования и подготовку командных кадров, уставную регламентацию жизни войск и систему снабжения. Борис Михайлович же взялся за обобщение практики генеральных штабов различных стран с тем, чтобы выработать необходимые рекомендации для учреждения подобного органа в Красной Армии.

Результатом многолетней работы стал выход в 1927—1929 гг. трехтомного труда «Мозг армии», ставшего событием в развитии военно-стратегической мысли в СССР. Книга знакомила с основными взглядами автора на характер современной войны и ее масштабы, давала представление о требованиях, предъявляемых войной к органам оперативного управления и их работникам, четко определяла место Генерального штаба в системе стратегического руководства войсками, его структуру, порядок организации его работы.

Службу в высших штабах (в 1928—1931 гг. он возглавлял Штаб РККА) и теоретические изыскания Шапошников более десяти лет сочетал с командной деятельностью. Начиная с 1925 г., он командовал войсками Ленинградского (дважды), Московского и Приволжского военных округов, несколько лет руководил Военной академией имени М.В. Фрунзе. И все же главной сферой деятельности, в которой его талант проявился в наибольшей степени, была штабная сфера. В мае 1937 г. после повторного двухгодичного командования войсками ЛВО командарм 1-го ранга Шапошников был назначен начальником Генерального штаба РККА и заместителем народного комиссара обороны СССР.

Политический фон, на котором началась его деятельность на посту руководителя Генштаба, благоприятным не назовешь. Страна все глубже погружалась в пучину репрессий, которая все более энергично затягивала и Вооруженные Силы. Назначение Бориса Михайловича на должность последовало накануне суда над группой высших командиров — Тухачевским, Уборевичем и еще шестью военачальниками. При этом испытанием его лояльности властям предержавшим стало привлечение Шапошникова к проведению суда в качестве члена Специального военного присутствия. Не следует забывать, что на посту руководителя Генштаба он сменил маршала Егорова, который через непродолжительное время также был репрессирован. Остается добавить, что и на самого Бориса Михайловича некоторые обвиняемые под давлением следствия дали показания о его антисоветской деятельности. Власть заставила будущего маршала идти словно по минному полю: один неверный шаг, малейшее подозрение в критическом взгляде на политический режим — и конец. Все это не могло не отражаться на его психологическом и физическом (без того нездоровом) состоянии.

Тем не менее он, как всегда, с головой ушел в работу. Маршал А.М. Василевский вспоминал, как Шапошников, приглашая его в 1937 г. на работу в Генштаб, не стал скрывать: работать придется до изнеможения. Эти слова в первую очередь выражали его собственное отношение к труду, его полнейшую самоотверженность в интересах дела.

Признаваясь, что немногие люди оказали на него такое сильное влияние и дали ему так много, как Борис Михайлович. Его ученик и преемник по руководству Генштабом Маршал Советского Союза А.М. Василевский писал: «Б.М. Шапошников обладал всеми необходимыми качествами для работы в Генеральном штабе: отличным знанием военного дела, большой эрудицией, огромным трудолюбием и высоким чувством ответственности. Опыт крупной оперативно-штабной работы в годы Первой мировой и гражданской войн, высокое доверие со стороны Центрального Комитета партии и Советского правительства позволили Б.М. Шапошникову превратить Генеральный штаб в подлинный центр руководства военным планированием, боевой и оперативной подготовкой Красной Армии...

Борис Михайлович, — подчеркивал Василевский, — был известен не только нашим Вооруженным Силам и стране, но и в армиях зарубежных стран как крупный военный теоретик, отличный организатор, мастер оперативной штабной работы. Он внес заметный вклад в подготовку большой плеяды опытных советских военачальников»¹.

Возглавив Генштаб, Шапошников настойчиво добивался улучшения штабной службы в армии во всех ее звеньях. Через вновь образованный в марте 1938 г. Главный военный совет (в его состав входили и высшие политические руководители, включая Сталина) Борис Михайлович провел решения, направленные на реорганизацию в РККА оперативно-штабной службы. Их суть сводилась к

¹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. В 2 кн. Кн. 1. М., 1988. С. 103.

тому, чтобы повысить внимание командиров всех степеней к организации штабной службы, добиться того, чтобы штаб в целом, так же как командир соединения, части, нес полную ответственность за организацию и исход боя. Всю оперативно-стратегическую подготовку руководящего состава РККА стремились строить с учетом опыта боевых действий в войнах и военных конфликтах (в Испании, на Хасане, на Халхин-Голе), а также опыта иностранных армий, в первую очередь Германии, Италии и Японии.

По оценке А.М. Василевского, его учитель в течение своей службы, особенно на посту начальника Генерального штаба, «последовательно решал вопросы, связанные с централизацией в руководстве Вооруженными Силами, боролся за осуществление четкой регламентации штабной службы на всех уровнях... Б.М. Шапошников был последовательным сторонником объединения управления Вооруженными Силами в Генеральном штабе. В этих вопросах он выступал не только как военачальник, предлагающий реализовать какую-либо частную идею в боевой подготовке или в организационной структуре того или иного войскового организма, а как государственный деятель, проявляющий заботу о необходимом пересмотре взглядов на всю структуру рабочего аппарата верховного командования и его роль в руководстве жизнью и боевой деятельностью Вооруженных Сил в целом»¹.

Огромное влияние на формирование коллектива Генерального штаба и профессиональных качеств каждого из его работников оказывал личный пример начальника. Шапошникова отличали черты истинного военного интеллигента старой закалки — широкая эрудиция и научный подход к решению любой проблемы, дисциплинированность и предельная ответственность за порученное дело,

¹ *Василевский А.* Маршал Советского Союза Борис Шапошников. С. 38.

вежливость в отношениях с подчиненными, скромность, большой такт.

Его понимание офицерской чести подчас приводило в удивление Сталина. Однажды, когда Верховный Главнокомандующий узнал, что Борис Михайлович объявил двум начальникам штабов фронтов за предоставление недостоверной информации «всего лишь» выговор, он искренно возмутился: разве так наказывают? И был весьма удивлен пояснением выпускника Императорской Николаевской академии Шапошникова: «Это очень тяжелое наказание. Получивший выговор от начальника Генерального штаба должен подавать в отставку».

В Красной Армии, где предпочтение нередко отдавалось «матерному» стилю управления, такое сочетание взыскательности и уважения человеческого достоинства прививалось с трудом.

...Международная обстановка между тем складывалась так, что работы у Генштаба прибавилось еще больше. Слаженная работа руководимого Шапошниковым коллектива способствовала разгрому японских милитаристов на Халхин-Голе, успешному осуществлению похода в Западную Украину и Западную Белоруссию. Особенно большую работу Генеральный штаб проделал в предвидении войны с Финляндией и в ходе нее. Шапошников предложил такой план боевых действий, который предполагал их успешное проведение в сжатые сроки. Однако Сталин предпочел план, разработанный командованием Ленинградского военного округа с участием заместителей наркома обороны командарм 1-го ранга Г.И. Кулика и армейского комиссара 1-го ранга Л.З. Мехлиса. В соответствии с ним основные войска ЛВО сводились в 7-ю армию (командующий — командарм 2-го ранга К.А. Мерецков), на которую возлагалась задача по прорыву линии Маннергейма на Карельском перешейке и разгрому главных сил финской армии.

Однако попытка в две недели разгромить упорного и стойкого противника не удалась. В конце декабря 1939 г. операция была приостановлена, и Главный военный совет вернулся к предложениям Шапошникова. Созданный по предложению Генерального штаба Северо-Западный фронт во главе с командармом 1-го ранга С.К. Тимошенко 11 февраля 1940 г. перешел в наступление, прорвал линию Маннергейма и стал успешно продвигаться вперед. В конце концов Финляндия запросила мира.

Но и перед советским руководством война, несмотря на победу, поставила много вопросов, обнажив слабую готовность Вооруженных Сил. В мае 1940 г. наркомат обороны вместо Ворошилова возглавил ставший Маршалом Советского Союза Тимошенко. Б.М. Шапошников, 7 мая 1940 г. также получивший высшее воинское звание, в августе был вынужден «за компанию» оставить свой пост.

Лично к Борису Михайловичу претензий нет, заметил Сталин в личной беседе с военачальником, его прогноз относительно Финляндии полностью оправдался. Но нас не поймут, продолжал советский лидер, если ограничиться заменой лишь наркома обороны. Кроме того, мир должен знать, что уроки конфликта с Финляндией полностью учтены, это важно для того, чтобы произвести на врагов должное впечатление. Шапошникову был предложен пост заместителя наркома обороны.

Несколько слов о характере взаимоотношений Шапошникова с вождем. А.М. Василевский писал по этому поводу: «Когда состоялись мои первые поездки вместе с Борисом Михайловичем в Кремль, первые встречи с членами Политбюро ЦК ВКП(б) и лично со Сталиным, я имел возможность убедиться, что Шапошников пользовался там особым уважением. Сталин называл его только по имени и отчеству. Только ему одному разрешал курить в своем рабочем кабинете, а в разговоре с ним никогда не повышал голоса, если и не разделял высказываемой им точки зрения

на обсуждаемый вопрос. Но это чисто внешняя сторона их отношений. Главное же заключается в том, что предложения Шапошникова, всегда глубоко продуманные и глубоко аргументированные, как правило, не встречали особых возражений»¹.

«Как правило...» Честный Василевский, писавший свои мемуары в годы фактической реабилитации Сталина, не мог, конечно, напрямую сказать, что вождь не прислушался к Шапошникову не только при принятии плана войны с Финляндией. Не согласился он и с глубоко аргументированным оперативным планом стратегического развертывания Вооруженных Сил, разработанным Генштабом.

Борис Михайлович, говоря о предполагаемом направлении главного удара противника с запада, считал, что «основным наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является первый вариант ее действий — с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан». Соответственно, в плане предлагалось развернуть наши главные силы в полосе от побережья Балтийского моря до Полесья, то есть на участке Северо-Западного и Западного фронтов. Второй вариант действий противника — сосредоточение основных сил к югу от Полесья — также считался возможным, но менее вероятным. Обеспечить южное направление должны были согласно плану также два фронта, но с меньшим количеством сил и средств².

Однако Сталин после того, как в сентябре 1940 г. ему доложили план стратегического развертывания, заставил переделать документ в соответствии с личным убеждением. Возможно, участвуй в докладе сам автор главных

¹ *Василевский А.* Маршал Советского Союза Борис Шапошников. С. 49—50.

² Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 215.

идей плана — Шапошников, он нашел бы дополнительные аргументы. Но в момент доклада начальником Генштаба был уже К.А. Мерецков. Так или иначе, но наиболее опасным стратегическим направлением было признано юго-западное — Украина, а не западное — Белоруссия, на котором гитлеровское командование в действительности сосредоточило и с началом боев ввело в действие самые мощные сухопутные и воздушные группировки. Это обстоятельство, по справедливому мнению Г.К. Жукова, в первую очередь негативно отразилось на ходе оборонительных действий в начальном периоде войны.

Не было особой идиллии в отношении вождя к Шапошникову и в дальнейшем. Выше уже не раз говорилось о том пагубном скептицизме, с которым в начале войны Сталин, ставший Верховным Главнокомандующим, относился к деятельности Генерального штаба. По его указанию в первый же день, 22 июня, из центрального аппарата в помощь командующим фронтами была направлена группа ответственных работников, включая начальника Генштаба генерала армии Жукова, его первого заместителя генерал-лейтенанта Ватутина, а также маршала Шапошникова. Генштаб был, по существу, оголен, и, как признавался А.М. Василевский, в тот момент заместитель начальника Оперативного управления, невольно создавалось впечатление, что «мозг армии» в самый ответственный момент оказался предоставленным самому себе. Все решения принимались наверху помимо Генштаба, и он был лишь передаточной инстанцией.

Это положение сохранялось довольно долго и после повторного назначения Шапошникова, датированного 30 июля 1941 г., начальником Генштаба. Как пишет генерал армии С.П. Иванов со слов А.М. Василевского, «в тот период Генеральный штаб не в состоянии был в достаточной мере влиять на выработку крупных решений. Б.М. Шапошников, по его словам, был жестоко травмиро-

ван репрессиями, которым подверглись все его соратники... Само отношение Сталина к Генштабу было скептическим, он называл его канцелярией»¹.

Лишь постепенно и далеко не сразу этот важнейший орган управления обрел присущую ему роль, став рабочим (а по сути — интеллектуальным) органом Ставки. Оперативно-стратегическая подготовка Бориса Михайловича была в тот период более совершенной, чем у Георгия Константиновича Жукова, которого он сменил в должности. Но нельзя отрицать, что характер у последнего был куда круче, и Шапошников, конечно, в большей степени устраивал Верховного, нежели неуступчивый Жуков.

Возвращение Шапошникова к руководству Генеральным штабом сам Жуков оценил кратко и исчерпывающе: «Зная дело Генштаба до тонкостей, он быстро провел ряд организационных мероприятий, способствовавших улучшению работы этого главного рабочего органа Ставки. Большое личное трудолюбие и умение Б.М. Шапошникова работать с людьми оказали заметное влияние на рост общего искусства управления войсками в действующей армии и особенно со стороны Генштаба»².

Хорошо знавший Шапошникова и считавший себя его учеником Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян составил «самый лаконичный перечень» того, что было сделано Борисом Михайловичем в первые же дни его пребывания на посту начальника Генштаба: восстановление бесперебойной связи с войсками, упорядочение системы управления действиями фронтов и армий с целью придания им целеустремленности и исключения их разрозненности, скорейшее подтягивание резервов из глубины страны, уточнение боевого состава войск дей-

¹ *Иванов С.П.* Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 250.

² *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 112.

ствующей армии после жестоких ударов врага и многое другое¹.

Характеризуя работу Бориса Михайловича в этот период, можно выделить несколько ее важнейших результатов. При его прямом участии разрабатывались операции большого масштаба, назовем главную из них — Московскую наступательную операцию, и в это дело маршал вкладывал весь свой полководческий талант и выдающиеся организаторские способности. Далее — он возглавил очень сложный процесс улучшения стратегического руководства войсками. Было срочно разработано и введено в действие положение, которое регламентировало работу фронтовых управлений и управлений Генерального штаба. В штабную службу были внесены планомерность и четкий порядок, что было особенно важно в противоречивой обстановке первых месяцев войны. Боевые донесения и оперативные сводки штабы фронтов теперь передавали в Генштаб не позднее 2 часов ночи ежедневно, а спешные, особо важные — лично дежурному заместителю начальника Генштаба. Таким образом, удалось обеспечить поток систематической и оперативной информации о положении на фронтах, что было крайне важно для планирования и организации боевых действий в Ставке ВГК и Генеральном штабе.

И наконец, Борис Михайлович много сделал для того, чтобы мало-помалу преодолеть недоверие Сталина к высшим штабам. Будь на месте Шапошникова кто-то другой, менее мудрый и уравновешенный, менее знающий и не столь глубоко мыслящий, переломить ложное мнение Верховного о Генштабе как о «канцелярии», было бы значительно труднее, а может, и вовсе бесперспективно. Начальник Генштаба ежедневно, а иногда и по нескольку раз в сутки бывал у Верховного Главнокомандующего с докладами. Проходили они тяжело. Раздраженный обстановкой

¹ Баграмян И.Х. Великого народа сыновья. С. 180—181.

на фронтах, постоянным отступлением войск Красной Армии Сталин высказывал резкое недовольство деятельностью Генштаба, часто не желал считаться с объективным характером трудностей, с которыми сталкивались генштабисты. Главным рычагом, необходимым для улучшения дела, он считал замену руководителей, но такое отношение к кадрам в первые месяцы войны редко давало положительные результаты. В таких условиях Генштаб не мог заработать в полную меру сил, да и сама система обслуживания им Ставки еще только вырабатывалась.

Всем стилем своей деятельности Шапошников преодолевал сталинские предубеждения. Докладывая подготовленную подчиненными и тщательно продуманную им самим информацию, он высказывал аргументированные предложения, на основе которых Ставка затем отдавала директивы. Сталин стал с большим вниманием прислушивался к рекомендациям и мнению Бориса Михайловича. Постепенно Верховный все больше стал придерживаться правила — принимать всякое ответственное решение лишь после предварительного доклада начальника Генштаба.

Но это — повторимся — не гарантировало непременно согласия Сталина с мнением Шапошникова. Вот самый наглядный пример. В январе 1942 г. Ставка ВГК (читай — Сталин) директивно указала провести наступательные операции, по существу, на протяжении всего советско-германского фронта. Учитывая, что для достижения столь масштабной цели не было ни сил, ни средств, Генштаб выступил за переход к активной стратегической обороне, чтобы измотать врага, а затем перейти в наступление. Однако Сталин к этому мнению не прислушался.

Мобилизовав весь свой авторитет в глазах Верховного, Борис Михайлович продолжал делать все возможное, чтобы Генштаб обрел свое истинное место в военной организации воюющей страны. Напряженный, по сути, кру-

глосуточный труд привел к резкому обострению болезни. «Сердце сжималось всякий раз, — вспоминал генерал армии С.М. Штеменко, — когда мы видели своего начальника: он непривычно ссутулился, покашливал, но никогда не жаловался. А его умение сохранять выдержку, обходительность просто поражало»¹.

11 мая 1942 г. по личной просьбе Борис Михайлович был освобожден от должности начальника Генерального штаба. На смену учителю пришел ученик — будущий маршал Василевский, по общему признанию, один из наиболее достойных представителей «шапошниковской школы».

Став заместителем наркома обороны, Шапошников курировал деятельность военных академий, разработку новых боевых уставов и наставлений, составление истории Великой Отечественной войны. В июне 1943 г. он возглавил Военную академию Генерального штаба.

Полтора месяца не дожидаясь победы, скончавшись в марте 1945 г. В час его погребения у Кремлевской стены прозвучал траурный салют в двадцать четыре залпа из ста двадцати четырех орудий. Его имя было присвоено Высшим стрелково-тактическим курсам «Выстрел». В истории нашей армии он навечно остался как создатель современной школы генштабистов.

Г.И. Кулик:

«Я НЕ СОБИРАЛСЯ ВОЕВАТЬ В 1941 ГОДУ»

«Г.И. Кулик, — вспоминал главный маршал артиллерии Н.Н. Воронов, в годы Великой Отечественной войны начальник артиллерии Красной Армии, — был человеком малоорганизованным, много мнившим о себе, считавшим все свои действия непогрешимыми. Часто было трудно по-

¹ *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2 кн. Кн. 1. М., 1985. С. 50.

нять, чего он хочет, чего добивается. Лучшим методом работы он считал держать в страхе подчиненных. Любимым его изречением при постановке задач было: "Тюрьма или ордена"»¹.

Кое-кто из современных авторов пытается оспаривать эту верную, на наш взгляд, оценку, считает необоснованным причисление Григория Ивановича к полуграмотным «первоконникам», рисует его компетентным руководителем, техническим новатором. Что ж, посмотрим, о чем говорят факты.

Армейскую службу Кулик начинал в 1912 г. в артиллерийских частях, и этот случайный выбор рода войск, сделанный безымянным начальником при распределении новобранцев, во многом определил карьеру Кулика в Красной Армии. До Октября 1917 г. он прошел путь всего от рядового до старшего фейерверкера (унтер-офицера), а весной 1918 г. сразу занял, можно сказать, генеральскую должность, став начальником артиллерии 5-й Украинской армии, которой командовал К.Е. Ворошилов. Именно к нему, действовавшему со своей армией в районе Луганска, привел Кулик лично им сформированный на родной Полтавщине красногвардейский отряд, успевший повоевать с немцами и гайдамаками.

С тех пор они шли бок о бок. При обороне Царицына Ворошилов, командовавший 10-й армией, назначил Кулика начальником артиллерии. К слову, Григория Ивановича с тех пор хорошо знал и И.В. Сталин. Вспоминая о своей деятельности, он писал в автобиографии, датированной 1939 г.: «С этой армией я, как начальник артиллерии, под руководством товарища Сталина участвовал в обороне Царицына против белых и их разгрома»².

¹ Воронов Н.Н. На службе военной. М., 1969. С. 166.

² Григорий Иванович Кулик (автобиография) // Военно-исторический журнал, 1990, № 3. С. 18.

Под руководством Ворошилова Кулик участвовал в разгроме мятежа, поднятого в мае 1919 г. командиром 6-й дивизии Н.А. Григорьевым на территории Херсонской и Екатеринославской губерний. Получил за это орден Красного Знамени. Вторым орденом он был награжден за действия уже в качестве начальника артиллерии 1-й Конной армии.

Вместе два первоконника служили по окончании Гражданской войны в Северо-Кавказском военном округе. Позднее оба перебрались в Москву. В 1925 г. Климент Ефремович стал народным комиссаром по военным и морским делам, Кулик, в свою очередь — начальником управления в Главном артиллерийском управлении РККА. В 1930 г. недолго командовал Московской пролетарской дивизией, откуда был направлен на учебу в Военную академию им. М.В. Фрунзе. Затем пять лет состоял в должности командира-комиссара 3-го стрелкового корпуса, после чего в мае 1937 г. был назначен начальником Артиллерийского управления РККА.

Несмотря на подозрительные родственные связи — его жена происходила из дворян, тесть и братья жены были в свое время расстреляны за шпионаж, репрессии тридцатых гг. Григория Ивановича не коснулись. Более того, он стал Маршалом Советского Союза (7 мая 1940 г.), заместителем наркома обороны, получил звание Героя Советского Союза. Так был оценен его вклад в победу над Финляндией.

Вклад, объективно говоря, оказался небольшим. Репутация Кулика стала хромать на обе ноги уже на этапе планирования кампании. План операции вначале готовили командующий войсками Ленинградского военного округа К.А. Мерецков и начальник артиллерии РККА Н.Н. Воронов, доложившие в Москву, что для проведения наступательной операции потребуется не менее двух-трех месяцев. Прибывшие же в штаб ЛВО заместители наркома обороны Кулик и начальник Политуправления РККА Л.З. Мехлис раскритиковали это мнение, настояв на сроке в

10—12 дней. Хорошо известно, чем обернулось такое шапкозакидательство: война продлилась более четырех месяцев и сопровождалась огромными потерями.

Но на волне эйфории от победы Сталин не поспешил на награды. Кулик стал не только маршалом и Героем, его избрали членом ЦК ВКП(б). Компетентности это, однако, не прибавило.

Есть много свидетельств того, насколько Григорий Иванович безнадежно отстал от требований современной войны. На совещании высшего руководящего состава Красной Армии в декабре 1940 г. даже Сталин осудил отсталость его взглядов на использование бронетанковой техники: Кулик предложил не торопиться с формированием танковых и механизированных корпусов, а танки небольшими частями — поротно и побатальонно — использовать только для непосредственной поддержки пехоты. Нарком обороны маршал С.К. Тимошенко бросил едкую реплику: «Руководящий состав армии хорошо понимает необходимость быстрейшей механизации войск. Один Кулик все еще путается в этих вопросах»¹.

Тем не менее Григорий Иванович до самой войны сохранял доверие Сталина и оставался основным докладчиком ему по вопросам артиллерии. Недостаточная профессиональная подготовка заместителя наркома лишила нашу армию некоторых образцов артиллерийского вооружения, показавшего высокие боевые качества. Именно по «авторитетному» предложению Кулика накануне войны были сняты с производства 45-мм и 76,2-мм пушки, выпуск которых с большим трудом пришлось налаживать уже в ходе войны. Не была принята на вооружение отличная 152-мм гаубица. Не сумел оценить маршал и такое мощное реактивное оружие, как БМ-13 («катюша»).

¹ См.: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 295.

В самый канун войны начальником ГАУ вместо Кулика был назначен генерал-полковник артиллерии Н.Д. Яковлев. Григорию Ивановичу готовился новый, более высокий пост. Но положенная передача дел не состоялась. В ночь с субботы на воскресенье 22 июня маршал проводил совещание по вопросу испытаний взрывателей к артиллерийским снарядам.

«Г.И. Кулик вел совещание с заметной нервозностью, — вспоминал Н.Д. Яковлев, — но высказывался крайне самоуверенно, вероятно, надеясь, что авторитет его суждений обязан подкрепляться высоким служебным положением и званием маршала... Слушая путаное выступление Г.И. Кулика, я с горечью вспоминал слышанное однажды: что он все же пользуется определенным доверием в правительстве, и прежде всего у И.В. Сталина, который почему-то считал Г.И. Кулика военачальником, способным на решение даже оперативных вопросов. И думалось: неужели никто из подчиненных... не нашел в себе смелости... раскрыть глаза руководству на полную некомпетентность Г.И. Кулика на занимаемом им высоком посту?»¹

Подобную наивность нового начальника ГАУ можно объяснить только полным отсутствием какого-либо аппаратного опыта, в чем Яковлев, до того строевой командир, в мемуарах признавался сам. Уличить сталинского фаворита в непрофессионализме тогда решился бы только самоубийца.

...Рассвет разорвал телефонный звонок из Кремля: война! Кулик не смог скрыть от подчиненных смуты, сказав буквально следующее: «Я не собирался воевать в 1941 году. Я готовился к войне в 1942 году».

В первый же день войны Сталин приказал маршалам Шапошникову и Кулику выехать на Западный фронт, чтобы помочь растерявшемуся командованию разобраться в

¹ Яковлев Н.Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1981. С. 59.

обстановке и организовать контрнаступление. На месте московские эмиссары разделились: Шапошников остался в штабе фронта, а Кулик убыл в 10-ю армию. И — бесследно пропал. Оказалось, что он вместе с группой командиров оказался в тылу у немцев и перешел на нелегальное положение. Пришлось пробиваться на восток, ко все ускользавшей линии фронта. В конце концов из окружения выйти удалось.

Но злоключения маршала не закончились. Не успел минуть месяц с начала Великой Отечественной войны, как на стол секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова легло письмо начальника 3-го управления Наркомата обороны СССР — военной контрразведки — майора госбезопасности А.Н. Михеева. Документ уличал Кулика в давних связях с враждебной большевикам партией социалистов-революционеров. Кроме того, «явно шпионским» было найдено семейное окружение маршала. К «гнилым» родственным связям добавились обвинения во вредительстве. «По агентурным и официальным данным устанавливается, — говорилось в документе, — что Кулик Г.И., будучи начальником Главного артиллерийского управления КА, проводил вредительскую деятельность, направленную на срыв обеспечения Красной Армии всеми видами вооружения»¹. В вину маршалу ставилось снятие с производства ряда необходимых для армии артиллерийских систем и боеприпасов к ним, торможение принятия на вооружение новых образцов наземной и зенитной артиллерии, стрелкового и минометного вооружения. Крайне плохо обстояло дело со снабжением армии боеприпасами, особенно бронебойными и зенитными снарядами. Чтобы удовлетворить заявки фронтов, ГАУ уже в первые недели войны вынуждено было обращаться к запасам внутренних военных округов.

¹ См.: Военно-исторический журнал, 1993, № 12. С. 17.

Что говорить, порядка в Главном артиллерийском управлении Красной Армии и впрямь не доставало. Но не потому, что там засели некие заговорщики. Причины были куда банальнее: на смену многим сгинувшим в вихре репрессий талантливым военачальникам пришли сталинские выдвиженцы, многие из которых не отличались военными способностями, но демонстрировали личную преданность вождю. Таким был и Кулик. Свою низкую компетентность, неорганизованность, неумение работать со специалистами ГАУ и оборонных заводов он скрывал за заносчивостью и показной строгостью. До поры до времени на него работал авторитет героя Гражданской войны и Финской кампании.

Но только до поры... Перечисляя прегрешения маршала, майор госбезопасности Михеев подводил секретаря ЦК к выводу, что в их основе лежит вредительская, заговорщическая деятельность Кулика, и предлагал арестовать его. Тогда маршалу удалось избежать серьезных неприятностей. Он был направлен в войска, возглавив на Ленинградском фронте 54-ю армию. Но это длилось недолго.

9 ноября 1941 г., наделенный высоким статусом уполномоченного Ставки ВГК на Керченском направлении, Кулик лично от Сталина получил приказ срочно выехать на Таманский полуостров и в Керчь. С какой целью? Этот вопрос не случаен. Маршал считал: чтобы, организовав имеющиеся там войска, не допустить выхода противника на Северный Кавказ. Верховный Главнокомандующий, как оказалось позднее, имел в виду удержание Керчи любой ценой.

Ознакомившись с обстановкой на Таманском полуострове, маршал установил, что там не было ни единой воинской части, могущей прикрыть его от возможного наступления немцев, отсутствовали какие бы то ни было оборонительные сооружения, за исключением одиночных окопов. Посадив в оборону несколько наспех сколоченных частей, Григорий Иванович переправился в Крым. Как позднее он

докладывал Сталину, командование наших войск истинной обстановки не знало, будучи уверено, что Керчь обороняется надежно. Личное же общение с командирами частей показало, что пехоты мало, и та собрана главным образом из тыловиков, резервов никаких нет. При малейшем нажиме противника следовал отход.

Оценка обстановки и соотношения сил привели Кулика к выводу, что больше двух дней армия оборонять город и пристани не сможет. В этих условиях маршал посчитал необходимым не оставлять на Керченском полуострове остатки войск (в этот момент в его распоряжении насчитывалось около 12 тысяч бойцов и командиров, более 200 орудий, более 200 автомашин), а перебросить их на Таманский полуостров для организации там устойчивой обороны. В противном случае враг, разбив наши части, смог бы на плечах отступающих безнаказанно переправиться через Керченский пролив, и путь на Северный Кавказ ему был бы открыт.

Отдав командующему войсками Крыма вице-адмиралу Г.И. Левченко и начальнику штаба генерал-майору П.И. Батову необходимые приказания, Кулик возвратился на Тамань, поскольку считал главной задачей организацию обороны именно там. В тот же день, 13 ноября, он донес начальнику Генерального штаба маршалу Шапошникову о решении эвакуировать войска. Ответ же получил только 16-го, при этом ему было предписано во что бы то ни стало удержать плацдарм на западном берегу Керченского пролива. Но поезд, как говорится, ушел: остатки 51-й армии переправились на Таманский полуостров еще минувшей ночью.

Сталин потребовал от Григория Ивановича объяснений. Маршал, в деталях описав ситуацию на Керченском и Таманском полуостровах, подробно перечислив все меры, которые он предпринял, чтобы не допустить прорыва немцев через Тамань на Кавказ, упирал на то, что именно в этом и состояла задача, поставленная Сталиным. «Эту задачу я и

выполнил», — подчеркивал он. Судя по всему, страстные доводы Кулика не убедили Верховного Главнокомандующего. 6 февраля 1942 г. постановлением Государственного Комитета Оборона Кулик был передан в руки Специального присутствия Верховного суда СССР. В вину ему вменялось то, что он «в нарушение приказа Ставки и своего воинского долга санкционировал сдачу Керчи противнику и своим паникерским поведением в Керчи только усилил пораженческие настроения и деморализацию в среде командования крымских войск»¹.

К слову, в 1957 г., проведя необходимую проверку, заместитель министра обороны СССР маршал И.С. Конев и Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко сообщили в ЦК КПСС, что к 11—15 ноября 1941 г. силы противника на этом фронте количественно превосходили наши войска в несколько раз. В сложившихся условиях командование войсками керченского направления и Кулик «с наличными и притом ослабленными силами и средствами удержать город Керчь и изменить ход боевых действий в нашу пользу не могли»².

Но в 1942 г. Специальное присутствие рассуждало по-иному. Кулик был приговорен к лишению воинского звания Маршал Советского Союза, «Золотой Звезды» Героя Советского Союза и других государственных наград. Пострадал он и по партийной линии: Пленум ЦК ВКП(б) вывел его из состава ЦК. Кроме того, он лишился и поста заместителя наркома обороны.

И все же он отделался сравнительно легко. Григорию Ивановичу сохранили не только жизнь и свободу, но даже и высокое воинское звание, понизив лишь до генерал-майора. Почти год находясь в распоряжении наркома обо-

¹ Дело маршала Г.И. Кулика (январь — март 1942 г.) // Известия ЦК КПСС, 1991, № 8. С. 204.

² Дело маршала Г.И. Кулика... С. 220.

роны, он выполнял отдельные поручения на фронтах. Кажется, во вчерашнего маршала вновь поверили. В апреле 1943 г. он вступил в должность командующего 4-й гвардейской армией с одновременным присвоением звания генерал-лейтенанта. Но действовал новоиспеченный командующий неудачно.

«С горьким чувством вспоминаю я этого человека, — писал маршал А.М. Василевский. — В начале войны он неудачно выполнял задания Ставки на Западном направлении, потом так же плохо командовал одной из армий под Ленинградом. В силу своих отрицательных личных качеств он не пользовался уважением в войсках и не умел организованно руководить действиями войск»¹.

Уже в сентябре 1943 г. Кулика отозвали с фронта. Пауза неопределенности затянулась до января следующего года, когда Григорий Иванович вернулся к уже знакомой по 1941 г. работе — он был назначен заместителем начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии. Президиум Верховного Совета СССР вернул ему отобранные ранее по суду два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, другие награды.

Война все вернее шла к своему завершению. В ходе нее выдвинулась целая плеяда полководцев новой формации, среди которых Кулику, как и большинству его сверстников и товарищей по Гражданской войне и по Первой конной армии — К.Е. Ворошилову, С.М. Буденному, И.Р. Апанасенко, И.В. Тюленеву, Е.А. Щаденко, места уже не находилось.

Вероятно, следовало бы смириться с этим обстоятельством, понять, что с багажом 20-х гг. в современной войне делать нечего. Но Григорий Иванович, что называется, закусил удила. Он всюду жаловался, что его незаслуженно затирают, сетовал на тех сослуживцев, которые, оставшись

¹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Кн. 2. С. 40.

в высших эшелонах власти, забыли о своем однополчанине. Как и следовало ожидать, эти разговоры не остались без последствий.

Если в 1944 г., представляя Кулика к награде, его непосредственный начальник генерал-полковник И.В. Смородинов характеризовал подчиненного как «опытного и всесторонне подготовленного генерала», то уже на следующий год он в докладе заместителю народного комиссара обороны генералу армии Н.А. Булганину придерживался другого мнения. «...Изучая внимательно на протяжении года работу и личное поведение т. Кулика, — писал И.В. Смородинов, — прихожу к выводу о необходимости немедленно снять его как несоответствующего должности...».

12 апреля 1945 г. Григорий Иванович был снят с должности. Через неделю его вызвал к себе многолетний заместитель председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов — фигура, зловещая даже на фоне сталинских опричников, и обвинил бывшего маршала в том, что он ведет недостойные члена партии разговоры: восхваляет офицеров царской армии и, наоборот, ставит под сомнение необходимость политического воспитания советских офицеров, критикует расстановку руководящих кадров в Вооруженных Силах СССР. Решением партколлегии КПК Кулик был исключен из партии. Последовали новое снижение в воинском звании до генерал-майора и назначение в Приволжский военный округ заместителем командующего войсками.

Случайно или по чьей-то коварной задумке в руководстве ПриВО оказались военачальники, считавшие себя обиженными. Командующим здесь был генерал-полковник В.Н. Гордов, знавший лучшие времена: в 1942 г. он некоторое время командовал Сталинградским фронтом, считался одним из перспективных военачальников того поколения, к которому принадлежали маршалы Г.К. Жуков, А.М. Василевский, И.Х. Баграмян, К.К. Рокоссовский, получил

звание Героя. Но военная судьба понемногу вынесла его на обочину.

В лице Кулика Гордов и начальник штаба округа генерал-майор Ф.Т. Рыбальченко получили не только благодарного слушателя, но и столь же активного в жалобах на судьбу собеседника. Их разговоры оказались отнюдь не безобидными для них самих, поскольку прослушивание телефонных разговоров, бесед в служебных кабинетах и в квартирах представляло собой один из важнейших источников информации для органов безопасности.

Много «любопытного» министр госбезопасности В.С. Абакумов узнал, например, из записи разговора, состоявшегося 28 декабря 1946 г. у Гордова с Рыбальченко на московской квартире генерал-полковника (в столицу командующий ПриВО прибыл для сдачи дел).

«Рыбальченко: Вот жизнь настала, — ложись и умирай! Не дай бог еще неурожай будет.

Гордов: А откуда урожай — нужно же посеять для этого.

Р.: Озимый хлеб пропал, конечно. Вот Сталин ехал поездом, неужели он в окно не смотрел? Как все жизнью недовольны, прямо все в открытую говорят, в поездах, везде прямо говорят.

Г.: Эх! Сейчас все построено на взятках, подхалимстве. А меня обставили в два счета, потому что я подхалимажем не занимался.

Р.: Да, все построено на взятках. А посмотрите, что делается кругом, — голод невероятный, все недовольны. "Что газеты — это сплошной обман", вот так все говорят. Министров сколько насажали, аппараты раздули. Как раньше было — поп, урядник, староста, на каждом мужике 77 человек сидело — так и сейчас! Теперь о выборах опять трепотня началась.

Г.: Ты где будешь выбирать?

Р.: А я ни... (следует нецензурное выражение. — Ю.Р.) выбирать не буду. Никуда не пойду. Такое положение может быть только в нашей стране, только у нас могут так к людям относиться. За границей с безработными лучше обращаются, чем у нас с генералами!

Г.: Раньше один человек управлял, и все было, а сейчас столько министров, и — никакого толку.

Р.: Нет самого необходимого. Буквально нищими стали. Живет только правительство, а широкие массы нищенствуют. Я вот удивляюсь, неужели Сталин не видит, как люди живут?

Г.: Он все видит, все знает.

Р.: Или он так запутался, что не знает, как выпутаться? Выполнен 1-й год пятилетки, рапортуют, — ну что пыль в глаза пускать?! Ехали мы как-то на машине и встретились с красным обозом: едет на кляче баба, впереди красная тряпка болтается, на возу у нее два мешка. Сзади нее еще одна баба везет два мешка. Это красный обоз называется! Мы прямо со смеху умирали. До чего дошло! Красный обоз план выполняет!.. А вот Жуков смирился, несет службу.

Г.: Формально службу несет, а душевно ему не нравится.

Р.: Я все-таки думаю, что не пройдет и десятка лет, как нам набьют морду. Ох, и будет! Если вообще что-нибудь уцелеет.

Г.: Безусловно.

Р.: О том, что война будет, все говорят.

Г.: И ничего нигде не решено.

Р.: Ничего. Ни организационные вопросы, никакие...

Г.: За что братья, Филипп? Ну что делать... (следует нецензурное выражение. — Ю.Р.), что делать?

Р.: Ремеслом каким что ли заняться? Надо, по-моему, начинать с писанины, бомбардировать хозяина (Сталина. — Ю.Р.).

Г.: Что с писанины — не пропустят же.

Р.: Сволочи... (следует нецензурное выражение. — Ю.Р.)

Г.: Ты понимаешь, как бы выехать куда-нибудь за границу?

Р.: Охо-хо! Только подумай! Нет, мне все-таки кажется, что долго такого положения не просуществует, какой-то порядок будет.

Г.: Дай бог!

Р.: Эта политика к чему-нибудь приведет. В колхозах подбирают хлеб под метелку. Ничего не оставляют, даже посевного материала.

Г.: Почему, интересно, русские катятся по такой плоскости?

Р.: Потому что мы развернули такую политику, что никто не хочет работать. Надо прямо сказать, что все колхозники ненавидят Сталина и ждут его конца.

Г.: Где же правда?

Р.: Думают, Сталин кончится, и колхозы кончатся...

Г.: Да, здорово меня обидели. Какое-то тяжелое состояние у меня сейчас. Ну... (следует нецензурное выражение. — Ю.Р.) с ними!

Р.: Но к Сталину тебе нужно сходить.

Г.: Сказать, что я расчета не беру, пусть меня вызовет сам Сталин. Пойду сегодня и скажу. Ведь худшего уже быть не может. Посадить они меня не посадят.

Р.: Конечно, нет»¹.

До чего же наивными были собеседники. Судя по всему, они даже не подозревали, что их разговоры, нередко продолжавшиеся в застолье, прослушиваются. А если подозревали, то не придали этому значения, и совершенно напрасно.

¹ Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 643.

В июне 1946 г. Кулик был уволен в запас, а через полгода был арестован по обвинению в антисоветской деятельности. Под стражу были заключены также Гордов и Рыбальченко. Судебного процесса пришлось ждать три с половиной года, до августа 1950 г. Арестованных генералов помещали в карцер, им угрожали, их избивали, вынуждая признаться в преступлениях, которых они не совершали.

Суд долго ждали, но прошел он очень скоротечно, за два дня 24—25 августа 1950 г. Бывший маршал из последних сил пытался отвести вздорные обвинения в террористических намерениях и изменнических планах, настаивая, что все его разговоры были не более чем раздраженной «болтовней». Ни один из подсудимых свою вину в совершении преступлений не признал. От Кулика судьи услышали твердое: «Мои показания, данные на предварительном следствии... являются ложными и полученными от меня незаконными методами следствия, от которых я полностью отказываюсь».

Тем не менее все трое подсудимых были признаны виновными. Военная коллегия приговорила их к расстрелу, и в тот же день приговор был приведен в исполнение. Согласно справке Главной военной прокуратуры казненные были похоронены в Куйбышеве.

После XX съезда КПСС Г.И. Кулик в числе многих других военачальников, испытавших тяжелую сталинскую длань, был реабилитирован.

Г.К. Жуков:

«ПОЛКОВОДЕЦ НЕ ДОЛЖЕН БОЯТЬСЯ РИСКА»

Как-то солдаты, познакомившись с водителем Г.К. Жукова, попросили его поинтересоваться у маршала, скоро ли победа? Шофер, дожидаясь команды на выезд, так и эдак прикидывал, когда лучше спросить, как точнее сформулировать свой вопрос. Но только он при появлении началь-

ства набрал в легкие воздух, как маршал, устало устроившись на сиденье, произнес:

— Когда же она закончится, эта война?..

И в самом деле, наверное, не у одного автора есть ощущение, что война для маршала Жукова длилась гораздо дольше, чем для других ее участников. Ощущение несколько странное, ибо полыхала Великая Отечественная, казалось бы, для всех одинаково — 1418 дней и ночей. Но это если измерять сутками. А если событиями? Не потому ли и возникает это ощущение, что Жуков имел прямое отношение буквально ко всему, хоть сколько-нибудь значительному на той войне.

Он появился на свет в самом центре России и представлял ее самое многочисленное сословие — крестьян. Адрес его малой родины — деревня Стрелковка Калужской губернии. На всю жизнь Георгий Константинович сохранил чисто крестьянскую основательность и умение стойко встречать любые испытания судьбы.

Службу начал в императорской армии рядовым, а на фронт попал младшим унтер-офицером драгунского Новгородского полка. О боевых качествах, проявленных в Первую мировую войну, говорят полученные молодым драгуном два Георгиевских креста. В Красную Армию он вступил добровольно в октябре 1918 г. Красноармеец, командир взвода, эскадрона — так, в общем-то, неспешно шел Георгий по ступенькам служебной лестницы в годы Гражданской войны, но поднимался основательно, все время наращивая боевой опыт. Много воевал, в 1919 г. на Южном фронте получил тяжелое ранение. За один из удачных боев против участников Антоновского восстания на Тамбовщине в 1921 г. удостоился ордена Красного Знамени.

В июле 1923 г., то есть в неполные 27 лет, Жуков стал командиром полка в 7-й Самарской кавалерийской дивизии. Вывел часть в передовые. В 1930 г. в этой же дивизии он стал командиром бригады. 30-е годы стали временем

бурного роста Жукова как всесторонне подготовленного военачальника с ярко выраженной индивидуальностью.

Вот как аттестовал подчиненного командир дивизии К.К. Рокоссовский: «Сильной воли. Решительный. Обладает богатой инициативой и умело применяет ее на деле. Дисциплинирован. Требователен и в своих требованиях настойчив. По характеру немного суховат и недостаточно чуток. Обладает значительной долей упрямства. Болезненно самолюбив. В военном отношении подготовлен хорошо. Имеет большой практический командирский опыт. Военное дело любит и постоянно совершенствуется. Заметно наличие способностей к дальнейшему росту. Авторитетен»¹.

Уже в 1931 г. Жукова как отличного командира-методиста перевели в Москву помощником инспектора кавалерии РККА. А через два года по личному ходатайству командующего Белорусским военным округом И.П. Уборевича он был поставлен во главе 4-й кавалерийской дивизии. Отставившее соединение вывел в передовые, получив высшую и довольно редкую в то время государственную награду — орден Ленина. Служебный рост Георгия Константиновича продолжился: он стал командиром кавалерийского корпуса, заместителем командующего БВО по кавалерии.

Шел 1938 год, в армии вовсю бушевали репрессии. Провокационная возня началась и вокруг Жукова. От ареста его спас неожиданный вызов в Москву и назначение командиром 57-го особого корпуса, дислоцированного на территории Монголии, а затем командующим 1-й армейской группой. В районе реки Халхин-Гол в августе — сентябре 1939 г. ведомые им войска разгромили главные силы 6-й японской армии. «Я до сих пор люблю эту операцию», — много позднее говорил Георгий Константинович писателю К.М. Симонову, и в устах человека, закончивше-

¹ Цит. по: Военно-исторический журнал, 1990, № 5. С. 22.

го в Берлине куда более масштабную войну с фашистской Германией, это звучало особенно выразительно.

В июне 1940 г. генерал армии Жуков стал командующим войсками Киевского особого военного округа, а уже в январе 1941 г. — начальником Генерального штаба РККА. На этом посту он острее многих других чувствовал приближение войны с Германией. Знал, что ее уже не предотвратить, что она будет страшно тяжелой, и с горечью убеждался, как много времени, необходимого для подготовки к отражению агрессии, было упущено. В первой половине февраля 1941 г. ему пришлось докладывать наркому обороны маршалу С.К. Тимошенко о недостатках в организации и боевой готовности войск Красной Армии, о состоянии мобилизационных запасов. Вывод руководителя Генштаба был неутешителен: оборона страны находилась в неудовлетворительном состоянии, особенно учитывая опасность большого количества немецких войск в Восточной Пруссии, Польше и на Балканах, и требовались срочные меры по выправлению положения.

Жуков искал для этого любые пути. К 15 мая 1941 г. по его указанию были подготовлены «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза». «Считаю необходимым, — говорилось в документе, — ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие войск»¹.

Историки по-разному оценивают это предложение начальника Генштаба о нанесении упреждающего удара по изготовившейся к нападению фашистской орде. Готова ли была Красная Армия? Принесло бы это успех или нет?

¹ 1941 год. В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 216.

В любом случае, когда нарком обороны Тимошенко и Жуков прибыли с проектом директивы к Сталину, тот ответил категорическим отказом. «Вы что, хотите столкнуть нас с Германией?» — заявил вождь и порекомендовал впредь такие записки «для прокурора» не писать.

Дальше была война... Ее начало наши войска встретили, увы, на положении мирного времени. Всякие попытки руководства Наркоматом обороны заранее отмобилизовать и привести войска приграничных округов в боевую готовность наталкивались на жесткий отказ Сталина. Именно вождь в первую очередь повинен в огромных жертвах, понесенных Красной Армией и списанных на «внезапность нападения». Но свою долю ответственности несет и Жуков. Как начальник Генштаба, он был обязан заранее предусмотреть порядок оповещения о переводе войск на оперативную готовность № 1 и определить условные сигналы. А поскольку этого сделано не было, то последние мирные, самые дорогие часы (директива № 1 наркома обороны, предупреждавшая о возможности германской агрессии, была подписана поздно вечером 21 июня 1941 г.) ушли не на практическую изготровку к нападению врага, а на длительные и трудоемкие процедуры подготовки текста директивы, ее шифрования и расшифровки на местах.

Сухопутные командиры не очень любят сравнения с Военно-Морским Флотом, но факты говорят сами за себя: благодаря мерам, заблаговременно принятым наркомом ВМФ адмиралом Н.Г. Кузнецовым и Главным морским штабом, сигнал на немедленный переход на оперативную готовность № 1 был передан по телефону в штабы флотов в течение нескольких минут, понят там, как надо, и без промедления принят к исполнению. Для передачи же директивы наркома обороны № 1 в войска западных округов Генштабу потребовалось несколько часов. Времени не хватило, так что к моменту нашествия текст директивы не был известен даже в штабах некоторых армий.

Под воздействием крайне неудачного, катастрофического начала войны недоверие Сталина к профессиональным военным лишь усилилось. Жукову не раз приходилось чувствовать всю силу его несправедливого гнева.

Через месяц после начала войны в ходе очередного доклада начальник Генштаба внес, бесспорно, тяжелое, но диктовавшееся обстановкой предложение оставить Киев, чтобы уберечь от окружения силы Юго-Западного фронта, а затем высказал мысль о возможности нанесения контрудара по ельнинскому выступу немцев на западном направлении. Лишь только прозвучало это предложение, как Верховный Главнокомандующий крайне нервно отреагировал:

— Какие там еще контрудары, что за чепуха? Опыт показал, что наши войска не умеют наступать...

На слова Жукова: "Если вы считаете, что я, как начальник Генерального штаба, способен только чепуху молоть, тогда мне здесь делать нечего", последовало:

— Вы не горячитесь. А впрочем... Мы без Ленина обошлись, а без вас тем более обойдемся...»¹.

Генерал был снят с поста начальника Генштаба и направлен командующим Резервным фронтом. Но уже его первые шаги по ликвидации ельнинского выступа, а чуть позднее по стабилизации обороны Ленинграда показали Верховному, что без Жукова ему не обойтись. Это были первые положительные подвижки в их отношениях, но полное доверие установилось лишь тогда, когда удалось отстоять Москву.

Оборона столицы сопровождалась драматическими коллизиями. 10 октября 1941 г. Георгий Константинович получил назначение командующим Западным фронтом, который ему предстояло сформировать, увы, заново. Москву обороняли до того фронты И.С. Конева, А.И. Еременко и

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 121—122.

С.М. Буденного — соответственно Западный, Брянский и Резервный, насчитывавшие в общей сложности 1250 тысяч человек, 990 танков, 7600 орудий, 677 самолетов. Сил было достаточно, чтобы при условии их умелого использования сдерживать врага до подхода из глубины страны новых соединений. Однако случилась катастрофа: войска, прикрывавшие столицу, попали в окружение западнее Вязьмы.

От трех фронтов в распоряжение Жукова попало всего несколько частей. Лишь через неделю удалось довести численность войск до 90 тысяч бойцов и командиров. Из резерва Ставки и с соседних фронтов на вновь образованную Можайскую линию обороны прибывало пополнение. Войска концентрировались на важнейших направлениях: волоколамском (16-я армия К.К. Рокоссовского) и Можайском (5-я армия Д.Д. Лелюшенко, а после его ранения — Л.А. Говорова). Часть сил врага сковывали окруженные в районе Вязьмы войска пяти советских армий.

С 15 ноября группа армий «Центр» предприняла второе и, как оказалось, последнее генеральное наступление на Москву. Две недели яростные бои шли в полном смысле у ворот столицы, в результате которых наступательный потенциал группы немецких армий оказался исчерпанным. Командовавший ею генерал-фельдмаршал фон Бок приказал переходить к обороне. Жуков, не имея полной информации, тем не менее, сумел тонко уловить этот момент в результате напряженного анализа обстановки. Он пришел к выводу, что настала пора безотлагательно начать контрнаступление, о чем 29 ноября и проинформировал Верховного Главнокомандующего.

В результате начавшегося 5 декабря контрнаступления под Москвой противник был отброшен на расстояние от 100 до 300 км, потеряв при этом более полумиллиона человек. Впервые за войну стратегическая инициатива перешла к Красной Армии. Это была и первая столь масштабная личная победа Жукова. Недаром он неизменно говорил

именно о Московской битве как наиболее для него памятной и дорогой.

Здесь проходил проверку, оттачивался тот исключительно эффективный стиль работы, который был присущ Георгию Константиновичу на протяжении всей его военной карьеры. «Маршал Советского Союза Г.К. Жуков немногоречив; лишнего слова, не имеющего отношения к рассматриваемому вопросу, он не скажет, — вспоминал его многолетний сослуживец генерал-лейтенант Н.А. Антипенко. — Краткость и сжатость формулировок, чисто военная отточенность языка, предельно четкая и ясная постановка задач, способность верно оценить возможности и готовность подчиненного выполнить поставленную задачу — это те особенности, какие я уловил в характере Жукова за время работы с ним... Глубокая внутренняя и внешняя собранность, подтянутость, высокая требовательность, прямолинейность и принципиальность во взглядах и во взаимоотношениях с людьми, железная воля и способность подлаживаться под чьи бы то ни было настроения и мнения — это те черты его личности, которые вызывают глубокое уважение к Жукову. Не говорю уже о его выдающемся полководческом таланте»¹.

Победа под Москвой убедила и Сталина, что командующий Западным фронтом наделен выдающимися военными способностями. Выражением доверия вождя стало назначение Жукова в августе 1942 г. первым заместителем наркома обороны и заместителем (к слову, единственным) Верховного Главнокомандующего. Случилось это в один из самых напряженных моментов войны. Гитлеровская армия, прорвав в конце августа 1942 г. оборону советских войск на Дону и выйдя севернее Сталинграда к Волге, создала серьезную угрозу всему южному крылу стратегического фронта Красной Армии. В этой драматической обстановке

¹ Антипенко Н.А. На главном направлении. М., 1971. С. 228—229.

Жуков вместе с начальником Генштаба Василевским выдвинули смелый план мощного контрнаступления советских войск. Замысел состоял в том, чтобы нанести по румынским и итальянским войскам, прикрывавшим фланги основной сталинградской группировки немцев, мощные удары, которые привели бы не только к ее окружению, но и к полной ликвидации.

Верховный Главнокомандующий не сразу смог уловить всю полноту замысла двух полководцев. Как позднее вспоминал А.М. Василевский, «от нас потребовалась настойчивость, и надо сказать, что и здесь сыграл основную роль характер Г.К. Жукова».

Результаты проведенного в районе Сталинграда контрнаступления широко известны. Советскому военному искусству эта операция принесла всемирную славу, а лично Жукову — звание Маршала Советского Союза. В истории Великой Отечественной войны это был первый случай присвоения столь высокого звания.

Одно лишь краткое перечисление стратегических операций Красной Армии, в разработке и осуществлении которых Георгий Константинович принимал активное участие в качестве заместителя Верховного Главнокомандующего и представителя Ставки ВГК, говорит само за себя. С августа 1942 г. по ноябрь 1944 г. в 15 случаях на него возлагалась координация действий фронтов. При этом маршал, получив право отдавать приказы и распоряжения их командующим, нес полную ответственность за исход операций. В ходе Сталинградской битвы он координировал действия войск Донского и Юго-Западного фронтов, летом 1943 г. — действия Западного, Брянского, Центрального, а затем Воронежского и Степного фронтов в Курской битве. С июля по ноябрь 1944 г. эта функция лежала на нем при освобождении Белоруссии силами 1-го и 2-го Белорусских фронтов. Встав в ноябре 1944 г. во главе войск 1-го Белорусского фронта, Жуков, действуя бок о бок с

командованием других фронтов, блестяще осуществил Висло-Одерскую операцию, а затем и битву за Берлин.

Именно для того, чтобы отмечать успехи в таком вот стратегическом управлении войсками, и был учрежден высший полководческий орден «Победа». Есть высшая справедливость в том, что первым кавалером это ордена стал именно Жуков.

1 марта 1944 г. ему пришлось неожиданно, после гибели генерала армии Н.Ф. Ватутина, принять командование войсками 1-го Украинского фронта. До начала запланированной Проскуровско-Черновицкой наступательной операции, имевшей целью разгром (во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта) основных сил группы армий «Юг», оставались считанные дни. Вероятно, любой другой военачальник в этих условиях попросил бы отсрочки и был бы прав: слишком велика ответственность за обеспечение успеха наступления. Георгий Константинович решил иначе. Он знал вдумчивость и обстоятельность Ватутина, готовившего фронт к операции, и доверял мерам, предпринятым им накануне своей гибели. Кроме того, маршал и сам был хорошо информирован о положении в войсках, поскольку некоторое время осуществлял координацию действий обоих Украинских фронтов. Трех дней хватило ему, чтобы не только досконально разобраться в обстановке, но и крепко взять нити управления в свои руки.

4 марта, как того и требовала директива Ставки ВГК, войска фронта пошли вперед. Они перерезали железнодорожную линию Львов — Одесса — главную коммуникацию противника — и вклинились между 1-й и 4-й немецкими танковыми армиями. Дабы отвести угрозу окружения, фашистское командование бросило против 1-го Украинского фронта 15 свежих дивизий, из них 9 танковых. Тщетно. К 17 апреля 1944 г. солидная часть войск противника была окружена, а весь его стратегический фронт на юге рассе-

чен надвое. Войска Жукова освободили почти 60 украинских городов, в том числе Винницу, Проскуров, Черновцы, вышли к предгорьям Карпат. Тогда-то и был подписан указ от 10 апреля 1944 г. о награждении Георгия Константиновича высшей полководческой наградой.

Вторично ордена «Победа» он был удостоен менее чем через год. 12 ноября 1944 г. маршал, оставаясь на посту заместителя Верховного, был назначен командующим войсками 1-го Белорусского фронта, которому в предстоящей зимне-весенней кампании 1945 г. предстояло наступать на главном, варшавско-берлинском направлении. Кампания открылась Висло-Одерской операцией. Стремительно наступая, войска 1-го Белорусского фронта форсировали Одер и уже к 3 февраля захватили плацдармы на западном берегу реки в районе Кюстрина. Маршал привел войска к порогу Берлина, до которого оставалось менее 70 км.

Чем объяснить его столь впечатляющие успехи в этой и многих других операциях? Над этим и по сей день ломают головы крупнейшие военные мыслители. Ясно одно: какого-то однозначного ответа просто не существует. Главное состояло в том, что Жуков придерживался не неких отвлеченных теоретических принципов, а каждый раз умело применялся к конкретно складывающейся обстановке.

При проведении той же Висло-Одерской операции командующий 1-м Белорусским фронтом, учитывая, что противник растянул войска по фронту, пришел к обоснованному выводу о возможности быстрого взлома его тактической зоны обороны. На участках прорыва, составлявших 13 % общей ширины полосы наступления, было сосредоточено 54 % стрелковых дивизий, 53 % артиллерии и минометов, 91,3 % танков и самоходных артиллерийских установок, которыми располагал 1-й Белорусский фронт. Такая концентрация сил и средств позволила достичь быстрого прорыва вражеской обороны на Висле, после чего веское слово сказали умело использованные Жуковым бро-

нетанковые и механизированные войска. Имевшиеся в его распоряжении две танковые армии были введены в сражение на второй (1-я гвардейская) и третий день операции (2-я гвардейская), то есть лишь после того, как оборона противника была почти полностью прорвана. Это позволило сохранить силы подвижных групп для длительных и напряженных действий в оперативной глубине обороны. Танковые же корпуса и отдельные танковые бригады использовались в первом оперативном эшелоне в качестве армейских подвижных групп для непосредственной поддержки пехоты.

Благодаря такой тактике использования бронетанковых войск в Висло-Одерской операции были достигнуты необычайно высокие темпы наступления. В глубине вражеской обороны танковые армии покрывали в сутки до 45—50, а в отдельные дни даже до 70—100 км.

В следующей, Берлинской, операции маршал, вопреки, казалось бы, многократно подтвержденным канонам военного искусства, поступил как раз наоборот. Танковые армии он ввел в сражение еще до прорыва всей тактической зоны обороны. Критики Георгия Константиновича не могли взять в толк, что это был единственно правильный вариант действий. От Зееловских высот до Берлина немцы устроили сплошную глубокоэшелонированную оборону, которую, не введи маршал в сражение танки, пришлось бы прорывать пехоте. Можно лишь представить, с какими жертвами это было сопряжено и насколько затянулся бы прорыв наших войск к фашистской столице.

То, насколько Жуков был самым решительным противником всякого шаблона, ярко показывают его действия и в промежутке между этими двумя операциями — Висло-Одерской и Берлинской. Казалось, с выходом к Одеру можно было переходить к непосредственной борьбе за фашистскую столицу, тем более что разведка докладывала о наличии у врага на подступах к городу сравнительно

малых сил. Позднее некоторые военачальники, в первую очередь маршал В.И. Чуйков, настаивали, что так и надо было действовать. В этом случае Берлин, по их мнению, был бы взят уже в феврале, а не в мае.

Порядок действий Жукова выдает его напряженную, не прекращавшуюся ни на минуту аналитическую работу над замыслом предстоящей операции. Вначале он и сам полагал немедленное наступление на Берлин возможным. Более того — внес соответствующее предложение в Ставку, получил одобрение. Но Жуков не был бы великим полководцем, если бы, раз приняв решение, бездумно настаивал на его реализации. Нет, маршал внимательно следил за изменением обстановки и по ряду признаков уловил назревавшую угрозу контрудара противника со стороны Восточной Померании. Игнорирование столь серьезной опасности могло бы иметь далеко идущие негативные последствия. Невзирая на возможное недовольство Сталина, командующий 1-м Белорусским фронтом предложил Ставке новый план действий. Последний состоял в том, что, прежде чем наступать на Берлин, необходимо совместно с войсками соседнего 2-го Белорусского фронта разбить немецкую группу армий «Висла», нависшую «карнизом» над правым крылом наступающих советских войск и грозившую с севера. И полководец сумел настоять на своем.

Кроме глубокого, гибкого ума, полководца отличали редкая сила воли, непреклонная решимость выполнить поставленную задачу, твердость управления. Как писал маршал И.Х. Баграмян, Жуков обладал «умением смело отстаивать свое мнение и идти к намеченной цели прямым путем, а не робкими зигзагами»¹.

Здесь сам собой напрашивается ставший уже хрестоматийным пример из истории обороны Москвы. 18 ноября 1941 г. командующий 16-й армией генерал К.К. Рокоссов-

¹ Баграмян И.Х. Великого народа сыновья. С. 23.

ский обратился к командующему Западным фронтом за разрешением отвести войска за Истринское водохранилище, чтобы там организовать оборону на выгодном естественном рубеже. Получив отказ, Рокоссовский добился такого разрешения непосредственно у начальника Генерального штаба маршала Б.М. Шапошникова.

Ответом Жукова на это была телеграмма командарму-16: «Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать. Генерал армии Жуков».

Позднее Георгий Константинович соглашался, что отвод 16-й армии за Истру, действительно, облегчал ее войскам выполнение боевой задачи. Однако при этом оголялся правый фланг соседней 5-й армии, что открывало противнику кратчайший путь к советской столице. Так что общая ситуация на Западном фронте диктовала ему именно такие жесткие действия, продиктованные категорическим требованием стоять насмерть.

И вообще, несмотря на то, что под Москвой создалось очень сложное и опасное положение и некоторые «стратегии», вроде В.М. Молотова, даже грозили Жукову расстрелом, его действия были лишены нервозности и отличались спокойной уверенностью и трезвым расчетом. «Это военачальник не просто большого таланта, он был наделен огромным мужеством, самообладанием, могучей волей, — говорил о нем маршал А.М. Василевский. — Жуков не боялся ответственности... В самые трудные, критические моменты войны я не видел Жукова растерянным и подавленным. Напротив, в такие моменты он был особенно деятелен, сосредоточен, целеустремлен. Для него не было непреодолимых преград, воля его ломала все, что стояло на пути. Этот человек был рожден побеждать»¹.

¹ Песков В.М. Война и люди. Изд. 2. М., 1979. С. 54.

Небезынтересны взгляды самого маршала Жукова на полководческое искусство. «Чтобы называться полководцем, — говорил он, — надо при всех других положительных личных качествах обладать еще стратегическим талантом и — что не менее важно — бесстрашием брать на себя ответственность за разработанное и принятое решение, отстаивать это решение, чего бы тебе это ни стоило. Полководец не должен бояться риска. Если бы военное искусство заключалось в том, чтобы избегать риска, то лавровые венки, вероятно, украшали бы весьма посредственные таланты...

Мудрость и мужество полководца, — добавлял он, — это прежде всего мужество и здравый смысл при принятии решений. Полководец, который заглядывает в уставы, чтобы найти там решение стоящей перед ним задачи, так же мало заслуживает доверия, как врач, который при определении диагноза стал бы заглядывать в справочник»¹.

Чтобы высказаться столь веско и убедительно, надо было не только взять, но с достоинством пронести через всю войну колоссальную тяжесть ответственности за судьбу страны. Тяжесть неимоверную, но оказавшуюся по плечу Жукову. По оценкам многих военных историков, после Суворова полководца такого масштаба наше Отечество не знало.

Слава Жукова была всенародной, если не всемирной. От имени Советского Союза он подписал Акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, ему было доверено принять Парад Победы 24 июня 1945 г.

Но едва замолкли звуки салютов в честь побед доблестных войск на Жукова как на маршала обрушился сталинский гнев. Специально для разбора «дела» Георгия Константиновича в июне 1946 г. было созвано заседание Глав-

¹ Светлишин Н.А. Крутые ступени судьбы. Жизнь и ратные подвиги маршала Г.К. Жукова. Хабаровск, 1992. С. 273—274.

ного военного совета. Опираясь на выбитые в бериевских застенках показания Главного маршала авиации А.А. Новикова и нескольких генералов из фронтового окружения Жукова, его пытались обвинить в подготовке — ни много ни мало — военного переворота. На руку высокопоставленным провокаторам, среди которых выделялся первый заместитель Сталина по Военному министерству маршал Н.А. Булганин, играла уклончивая позиция некоторых боевых маршалов и генералов. Только благодаря твердости Маршалов Советского Союза Рокоссовского, Василевского, маршала бронетанковых войск Рыбалко, решительно отвергших версию о заговорщических намерениях Георгия Константиновича, вождь не решился на его арест и ограничился высылкой во второстепенный Одесский военный округ.

А через непродолжительное время Жуков, продолжавший оставаться кандидатом в члены ЦК ВКП(б), был приглашен в Москву на Пленум. Что произошло дальше, рассказывает он сам: «Пленум приступил к обсуждению персональных дел отдельных членов ЦК. Семь человек, выведенных из состава ЦК, один за другим покинули зал заседаний. И тут я услышал свою фамилию. Каких-то новых фактов, доказывающих мою вину, не было приведено. Поэтому, когда мне было предложено выступить, я отказался от слова. Оправдываться мне было не в чем. Состоялось голосование, и меня вывели из состава ЦК.

Как только руки голосовавших опустились, я поднялся со своего места и строевым шагом вышел из зала...»¹.

Вот это характер! Раньше благоговейную тишину этого зала нарушали лишь неисчислимые здравицы в честь вождя да площадная брань в адрес «врагов народа», а тут — печатный шаг старого солдата, сознающего свою правоту. Словно вызов послушно-агрессивному большинству. Как

¹ Светлишин Н.А. Крутые ступени судьбы... С. 229—230.

знать, согнул бы маршал перед диктатором всегда прямую спину, покаялся бы в несуществующих грехах — может, беду и пронесло бы стороной. Но Жуков был из другой породы. И потому не сетовал на судьбу, логично ожидая новых неприятностей.

Лишь после смерти Сталина Георгий Константинович был отозван из Свердловска, где пребывал на должности командующего войсками Уральского военного округа, в Москву на пост первого заместителя министра обороны. То, что он сделал в те первые месяцы, вошло в анналы истории: маршал обеспечил арест, казалось, всемогущего Берии.

Но это был пусть очень важный, но все же эпизод в его жизни. Главное же содержание составляли дела армейские. Впервые после окончания войны Жуков мог развернуться во всю ширь таланта военачальника. Что, заметим, было особенно важно для Вооруженных Сил, если учесть, что министром в то время был явный непрофессионал в маршальских погонах — Булганин.

Под руководством Жукова в сентябре 1954 г. на Тоцком полигоне было осуществлено первое (и единственное) в истории Советской Армии учение с практическим применением ядерного оружия. Во многом ему Россия обязана сегодня своей независимостью в производстве военной техники: Георгий Константинович вместе с руководителями оборонного комплекса В.А. Малышевым, Б.Л. Ванниковым и другими в 1954 г. поставил перед ЦК КПСС вопрос о необходимости создания второй базы ракетостроения на Урале и в Сибири. Поставил и сумел обосновать. На тех производственных мощностях наша промышленность создает сегодня межконтинентальные баллистические ракеты «Тополь-М» и ракеты-носители космических спутников.

Жуков стал одним из отцов-основателей космической гавани Байконур. Вместе с другими военными руководителями 4 февраля 1955 г. он подписал докладную записку,

в соответствии с которой именно это район был избран в качестве полигона для отработки первой межконтинентальной баллистической ракеты конструкции С.П. Королева Р-7 с дальностью полета 8 тыс. км и крылатых ракет «Буря» и «Буран» с дальностью полета 7,5—8 тыс. км.

Веское слово Жуков, ставший к тому времени министром обороны, сказал и при выборе места строительства боевых стартовых станций, предложив районы Воркуты и Архангельска. Он еще успел застать начало строительства объекта «Ангара», ныне известного как космодром Плесецк¹.

Иногда приходится слышать, что маршал был хорош только для войны, а вот в мирное время ему, мол, было трудно найти себя. Но разве факты, приведенные выше, не опровергают подобное досужее мнение?

Середина 50-х гг. стала звездным часом для Жукова-политика. В 1955 г. он был выдвинут на пост министра обороны, а в декабре 1956 г. в связи с 60-летием со дня рождения удостоен четвертой звезды Героя Советского Союза.

Важную роль маршал сыграл в десталинизации общества, в возвращении честного имени сотням тысяч бывших военнопленных, попавших после войны в лагеря. Решающее значение имела его позиция в июне 1957 г., когда Г.М. Маленков, В.М. Молотов, Л.М. Каганович попытались выступить против линии на преодоление последствий культа личности Сталина. На заседании Президиума ЦК КПСС им удалось даже провести решение об освобождении Н.С. Хрущева от должности первого секретаря. Но появление на заседании министра обороны спутало все их карты. Жуков добился, чтобы вопрос был перенесен на обсуждение Пленума ЦК, а затем в считанные дни с помощью военно-транспортной авиации сумел собрать в столице большое

¹ См.: Независимое военное обозрение, 1997, № 1.

число членов Центрального комитета. Ход Пленума был совершенно иным, нежели заседания Президиума ЦК: ультра-сталинисты оказались здесь в меньшинстве.

Черной неблагодарностью заплатил маршалу за свое политическое спасение первый секретарь ЦК КПСС. Через три месяца, отправив Жукова вграничную командировку, за его спиной Хрущев провел решение Президиума ЦК об освобождении его от всех партийных и государственных постов. Никита Сергеевич и его присные обвиняли маршала в пресловутом бонапартизме¹. Но на самом деле «водораздел» проходил совсем по другой линии — партийная элита почувствовала, что при такой личности во главе Министерства обороны, как Жуков, подлинном герое войны, авторитетном военном руководителе, человеке независимом, не склонном к компромиссам и политиканству, использовать армию в качестве орудия захвата и (или) удержания власти сложно. Если партийная верхушка рассматривала армию как орудие борьбы за власть, как «орган подавления» любых действий, враждебных политическому режиму, то Жуков — как орудие защиты Отечества от внешней опасности. Столкнулись, таким образом, интересы государства, за которые ратовал Жуков, и интересы партийной элиты, которые отстаивал Президиум ЦК.

Об участии опального маршала — горькие строки Иосифа Бродского:

Воин, пред коим многие пали
Стены, хоть меч был вражьих тупей,
Блеском маневра о Ганнибале
Напомнивший средь волжских степей.
Кончивший дни свои глухо, в опале,
Как Велизарий или Помпей.

¹ Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 182—184.

Немилость властей предержавших обидела, до глубины души оскорбила Жукова. Но он был не из слабодушных. Отстраненный от дел официальных, он нашел себе достойное занятие. Последним подвигом Георгия Константиновича стала его книга «Воспоминания и размышления». Бывшие коллеги по Президиуму ЦК, боясь правды, пытались припугнуть его, заставить прекратить литературную работу. На заседании Политбюро 3 марта 1968 г. в ответ на упрек Л.И. Брежнева о том, что, мол, слишком свободным стал доступ мемуаристов, пишущих о войне, к архивным документам (прозрачный намек на Жукова), министр обороны А.А. Гречко ответил буквально следующее: «...С архивами мы разберемся и наведем порядок. О мемуарах Жукова мы сейчас пишем свое заключение. Там много ненужного и вредного»¹.

Но Жуков не поддавался давлению врагов и «доброжелателей». Преодолевая болезнь, лист за листом продвигал рукопись к завершению. Ох и отыгрались на ней, сокращая дни маршала, «специалисты» из ЦК и Главного политуправления СА и ВМФ, бесконечно корректируя написанное. Они добились включения в рукопись анекдотического — иначе и не скажешь — эпизода о том, что, будучи в апреле 1943 г. в Новороссийске, представитель Ставки маршал Жуков испытал острую потребность «посоветоваться» с полковником Брежневым. Встреча якобы не состоялась единственно из-за служебного рвения начальника политотдела 18-й армии, убывшего в тот момент на Малую землю. Без этого эпизода, подсказали маршалу, его воспоминания свет не увидят. «Умные люди поймут», — горько усмехнулся Жуков, ставя подпись под текстом со злополучным эпизодом.

¹ Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. М., 1998. С. 307.

Народ понял, тут же откликнувшись злым к власти анекдотом:

— Товарищ Жуков, вы подготовили план штурма Берлина?

— Так точно, товарищ Сталин.

— А с полковником Брежневым посоветовались?

Есть ли картина, способная более выразительно продемонстрировать истинное отношение политических геронтократов к национальному герою?

В нашем утверждении, что Жуков был чаще всего неугоден властям предержавшим, думается, нет преувеличения, хотя Георгий Константинович и был удостоен большего числа наград, чем многие из его коллег. Но эти награды, в том числе четыре «Золотые Звезды» Героя Советского Союза и два ордена «Победа», были им заслужены, и даже высокопоставленные завистники не могли этого не признать. Тем не менее полководец оставался неудобным для правителей страны вплоть до самой кончины.

В новой России долг памяти Жукову возвращается. Учреждены орден и медаль его имени, за выдающиеся достижения в области военной науки и разработки оружия и военной техники вручается Государственная премия, также носящая имя полководца. А у памятника, вставшего в центре Москвы на Манежной площади к 50-летию Великой Победы, всегда живые цветы.

А.М. Василевский:

**«ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСУТ И РУКОВОДЯЩИЕ
ЛИЦА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА»**

Кто усомнится в том, каким мужественным человеком был маршал Василевский. А и у него подчас наворачивались на глаза слезы.

В августе 1943 г. Александр Михайлович находился в армии генерала В.В. Глаголева в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования. Шло сражение за Донбасс, шло непросто, и потребовался личный выезд в боевые порядки. В штаб армии вернулись на рассвете, когда время обязательного ежедневного доклада в Москву уже прошло. Представителя Ставки ждала телеграмма Сталина: «Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесение об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки... Вы мало дисциплинированы и забываете часто о своем долге перед Ставкой. Последний раз предупреждаю Вас: если Вы хоть раз еще позволите себе забыть о своем долге перед Ставкой, будете отстранены от должности начальника Генерального штаба и будете отозваны с фронта»¹.

Телеграмма, как вспоминал Василевский, потрясла его. Это был первый выговор за всю многолетнюю службу! И от кого — Верховного Главнокомандующего. Тогда-то и появились невольные слезы обиды: его, маршала, считали, словно нерадивого школьника. А ведь казалось, что Верховный уважал и ценил Александра Михайловича, прислушивался к его мнению, даже лично контролировал его отдых. И вот такой оборот...

Через полчаса после отправки злополучной телеграммы Сталин, видимо, и сам почувствовал неловкость ситуации. Он позвонил первому заместителю начальника Генштаба генералу А.И. Антонову и приказал:

— Задержите то, что я вам продиктовал. Телеграмму Василевскому не отправлять.

— Уже отправлена, товарищ Сталин.

Теперь порицание получил собеседник Верховного:

¹ Русский архив. Великая Отечественная. Ставка Верховного Главнокомандования. Документы и материалы. 1943 год. Т. 16—5 (3). М., 1999. С. 193.

— Не всегда нужно торопиться, товарищ Антонов...

Себя бы следовало упрекнуть Верховному... А Василевский — что ж, он, конечно, переживал после выговора, но дело для него всегда было важнее чувств и эмоций. А недостатка в делах, самых важных, неотложных, ответственных, он никогда не испытывал.

В свое время Александр Михайлович, будучи сыном священника, окончил Костромскую духовную семинарию. Но затем круто повернул свою жизнь, поступив в Алексеевское военное училище в Москве. В июне 1915 г., завершив учебу, младшим офицером пехотной роты ушел на фронт. Вскоре стал командиром роты, немало повоевал на Юго-Западном и Румынском фронтах. В мае — июле 1916 г. поручику Василевскому довелось непосредственно участвовать в знаменитом Брусиловском прорыве.

В Красной Армии, куда Александр Михайлович был призван в апреле 1919 г., он прошел все ступени командирского становления: был помощником командира взвода, командиром роты, батальона. В должности помощника командира полка 11-й Петроградской дивизии в 1920 г. участвовал в войне с Польшей. Потом на протяжении восьми лет командовал стрелковым полком, пройдя отличную школу работы с людьми.

И все время учился. «Много получил я в результате чтения трудов видных русских военачальников и организаторов военного дела, знакомства с их биографиями, — вспоминал полководец. — Я серьезно изучал сочинения А.В. Суворова, М.И. Кутузова, Д.А. Милютина, М.Д. Скобелева. Я твердо усвоил некоторые истины, вычитанные в трудах названных выше авторов... Кое-какие тезисы я решил сделать твердым правилом на все время военной службы. “Поклоняться знамени”. “Служить Отечеству”. “Блюсти честь мундира”. “Близко общаться с подчиненными”. “Ставить службу выше личных дел”. “Не бояться самостоятельности”. “Действовать целеустремленно”... Для

меня было важно стать хорошим командиром, и любые советы на сей счет я принимал как откровение»¹.

Опыт Гражданской войны, полученные знания он стремился как можно больше использовать в обучении и воспитании подчиненных. Учил их тому, что требовала современная война с учетом нараставшего технического оснащения армии и появления новых родов войск.

«Хорошо дисциплинирован и воински воспитан. Спокойный, положительный и глубоко вдумчивый человек. В служебной деятельности проявляет достаточную настойчивость и разумную инициативу. Обладает большой работоспособностью и выдержкой. Пользуется вполне заслуженным авторитетом. Военная подготовка хорошая. Хорошо знает тактику, стрелковое дело и хозяйство части... Должности командира полка вполне соответствует. Заслуживает продвижения в очередном порядке на должность начальника штаба дивизии», — так характеризовал Василевского его прямой начальник в аттестации за 1928 г.

На опытного, хорошо подготовленного командира полка обратили пристальное внимание. В мае 1931 г. он был переведен в Москву в только что сформированное Управление боевой подготовки РККА. А в 1936 г. попал на учебу во вновь основанную Академию Генерального штаба. Часть слушателей первого набора специальная комиссия Наркомата обороны наметила самостоятельно, без заявления с их стороны о желании учиться, в их числе оказался и Василевский.

О таком повороте в биографии он не пожалел. Много внимания уделял изучению основ стратегии, оперативно-го искусства, тактики общевойскового боя, современного вооружения. Именно в пору учебы в академии особенно активно стал расширяться оперативно-стратегический

¹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Кн. 1. С. 18.

кругозор будущего полководца, так блестяще проявленный им в годы войны.

Правда, Александр Михайлович проучился всего год, а затем, учитывая острый дефицит кадров, буквально выкошенных репрессиями, был в октябре 1937 г. назначен начальником отдела в Генеральный штаб. В мае 1940 г. получил повышение, став заместителем начальника Оперативного управления. Служба в Генштабе стала еще одной полезнейшей школой, определившей характер и стиль его последующей штабной и командной деятельности. Эта школа, как справедливо писал генерал армии С.П. Иванов, вошла в историю нашей армии как «шапошниковская», и заключалась она в практической работе непосредственно под руководством начальника Генерального штаба (май 1937 г. — август 1940 г., июль 1941 г. — май 1942 г.) маршала Б.М. Шапошникова. Василевский не только полностью усвоил его стиль, отличавшийся широтой взглядов и смелостью решений, прозорливостью и обстоятельностью, но в дальнейшем, когда сам стал руководителем Генштаба, обогатил его, принимая участие в разработке планов крупнейших стратегических операций и в их осуществлении непосредственно в войсках.

«Немногие люди оказали на меня такое сильное влияние и дали мне так много, как он, — с благодарностью отзывался Александр Михайлович о своем учителе. И добавлял: — На каждого из нас, кому выпало счастье работать и общаться с ним, он производил постоянное и неоценимое воздействие. И я всегда испытывал чувство гордости, когда Сталин, рассматривая тот или иной вопрос, говорил обо мне:

— А ну послушаем, что скажет нам шапошниковская школа!»¹

¹ *Василевский А.* Маршал Советского Союза Борис Шапошников. С. 5, 85.

Принципиально важно, что одним из фундаментальных принципов той самой школы была предельная объективность в оценке обстановки на фронте, отказ от какой бы то ни было лакировки в докладах Верховному Главнокомандующему, хотя склонность Сталина к резкой перемене настроения и его не всегда мотивированный гнев были в Генштабе хорошо известны. Василевский не изменял объективности ни в годину войны, ни после неё, хотя на правах победителя, казалось, можно было бы и «расслабиться». Так, размышляя о причинах крайне неудачного хода войны в её первые месяцы, он не стал возлагать ответственность на одного Верховного: «Эта ответственность лежит и на других. Пусть в меньшей мере, но ее несут нарком обороны и руководящие лица Генерального штаба того времени (то есть и сам Василевский в том числе. — Ю.Р.). Они в силу своего высокого положения и ответственности за состояние Вооруженных Сил не должны были во всем соглашаться со Сталиным и более твердо отстаивать свое мнение»¹.

На протяжении почти всей войны служебная деятельность Василевского была связана главным образом с Генштабом. Но это вовсе не значит, что он был кабинетным затворником. Его по праву можно назвать уникальным военачальником, счастливо сочетавшим качества блестящего полководца (в полном смысле этого слова — как водящего войска в бой) и выдающегося штабного работника, глубокого военного мыслителя и масштабного организатора.

Будучи с 1 августа 1941 г. начальником Оперативного управления, заместителем, первым заместителем начальника ГШ, а с июня 1942 г. и до февраля 1945 г. — начальником Генерального штаба, Александр Михайлович из 34 месяцев войны лишь 12 работал непосредственно в

¹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Кн. 2. С. 296.

Москве, а 22 — на фронтах, выполняя поручения Ставки Верховного Главнокомандования.

Как начальник Генштаба он возглавлял планирование и подготовку всех крупнейших стратегических операций наших Вооруженных Сил, решал кардинальные вопросы обеспечения фронтов людьми, техникой, вооружением.

Как представитель Ставки Верховного Главнокомандования успешно координировал действия фронтов и видов Вооруженных Сил в Сталинградской и Курской битвах, при освобождении Донбасса, Крыма, Белоруссии, Прибалтики.

«Познакомившись со стилем и методами его работы непосредственно во фронтовых условиях, — писал маршал И.Х. Баграмян, — я убедился в его умении необыкновенно быстро ориентироваться в обстановке, глубоко анализировать решения, принятые фронтовым и армейским командованием, умело исправлять недостатки, а также выслушивать и принимать аргументированные соображения подчиненных. Александру Михайловичу были присущи большой такт, высокая культура и вместе с тем волевые качества, необходимые полководцу»¹.

Последнее заслуживает особого разговора. Еще в 1928 г. в аттестацию командира полка Василевского была вписана очень точная характеристика: «Выдержанный, с подчиненными тактичен». Бывают люди: спокойные от природы, невозмутимые, может, даже толстокожие. Не таким оказался Василевский. «Скажу откровенно, что не всегда легко было оставаться спокойным и не позволить себе повысить голоса, — писал он в мемуарах. — Но... сожмешь, бывало, до боли кулаки и смолчишь, удержишься от ругани и окрика. Умение вести себя в отношении подчиненных с достоинством — неперемнное качество советского

¹ Баграмян И.Х. Великого народа сыновья. С. 51.

военачальника»¹. Неустанная работа над собой — вот истоки открытости, душевной доброты, большого такта маршала Василевского.

За подчиненных, коль был уверен в них на сто процентов, Александр Михайлович стоял горой. Когда в июле 1942 г. командующим Воронежским фронтом назначили его первого заместителя генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватугина, на освободившееся место по рекомендации Василевского был выдвинут генерал-лейтенант А.И. Антонов. Но Сталин, даже согласившись на это назначение в декабре 1942 г., не сразу поверил и по достоинству оценил Антонова. И тому несколько месяцев пришлось утверждаться в глазах Верховного, выполняя ответственные задания в войсках. Василевский же, считая, что лучшей кандидатуры не найти, тащил на себе двойную ношу, работал и за себя, и за своего заместителя, пока Алексей Иннокентьевич проходил своеобразный испытательный срок.

Как-то, находясь в особо хорошем расположении духа, Сталин сказал: «Товарищ Василевский, вы вот такой массой войск руководите, и у вас это неплохо получается, а сами, наверное, и мухи никогда не обидели». Да, мягкость, деликатность Василевского были особого рода, они не мешали ему настойчиво и последовательно проводить в жизнь задуманное. И иногда по такому острию ножа проходил, что у самого дух захватывало.

Как известно, к середине декабря 1942 г. эпицентр Сталинградской битвы переместился в район Котельникова, где ослабленные соединения Сталинградского фронта вели тяжелое противоборство с мощным танковым клином Манштейна — Гота, пытавшимся деблокировать 6-ю армию Паулюса. Положение, по собственному признанию маршала, складывалось грозное, дело решали сутки-двое. Василевский позвонил Сталину и настойчиво попросил

¹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Кн. 2. С. 281—282.

придать фронту 2-ю гвардейскую армию генерала Р.Я. Малиновского. Верховный сходу и категорически отказал: армия предназначалась для наращивания удара в направлении Ростова-на-Дону с тем, чтобы отрезать не только окруженные под Сталинградом войска, но и всю кавказскую группировку немцев. Полководец еще и был обвинен в том, что он «вымогает» резервы Ставки на свои операционные направления.

Александр Михайлович хорошо понимал всю заманчивость плана Ставки, но критическая ситуация в районе Котельникова требовала переадресования армии Малиновского. Он аргументированно настаивал, но добился лишь обещания подумать.

Как события развивались дальше, маршал рассказал писателю К.М. Симонову: «В ожидании этого ответа я на свой страх и риск приказал Малиновскому начать движение частей армии в новый район, из которого она должна была действовать против Манштейна... Это приказание было дано поздно вечером, а ответа от Сталина еще не было».

Рисковал, ой как рисковал Александр Михайлович! Всю ночь в Ставке обсуждали его предложение, и положительный для него результат вовсе не был предрешен. Г.К. Жуков, например, считал, что даже если Паулюс вырвется из кольца, ущерб будет меньше, нежели тот, что последует в случае отказа от удара 2-й гвардейской армии на Ростов.

Бессонную ночь в непрекращающемся анализе обстановки провел и Василевский. Дважды за войну автомобиль, в котором находился Александр Михайлович, подрывался на mine, полководец на собственном горьком опыте познал, что такое авиакатастрофа. Но, наверное, и тогда не ощущал он такой боли и тревоги, как в ожидании ответа из Ставки. Вдруг не прислушаются к его мнению, откажут?

«А я ходил из угла в угол и ожидал, что мне ответят, потому что фактически я уже двинул армию, — вспоминал

Василевский. — Наконец в 5 часов утра Сталин позвонил мне и сказал злобно, раздраженно всего четыре слова:

— Черт с вами, берите!

И бросил трубку»¹.

Выходит, за деликатностью и тактом Василевского было нечто такое, перед чем спасовал даже всемогущий вождь. Думается, то была твердая убежденность маршала в своей правоте. Она всегда отличала Александра Михайловича, поскольку базировалась на тщательном, нередко мучительном продумывании всех деталей предстоявшей операции.

Весной 1944 г. на него была возложена координация действий 3-го и 4-го Украинских фронтов при подготовке операции по освобождению Правобережной Украины и Крыма. В конце марта по указанию Сталина к нему в штаб 4-го Украинского фронта для окончательного согласования плана Крымской операции приехал маршал К.Е. Ворошилов. Как и Александр Михайлович, он был представителем Ставки, но в Отдельной Приморской армии генерала А.И. Еременко, действовавшей на керченском направлении.

После ознакомления с составом сил и средств 4-го Украинского фронта Ворошилов высказал большое сомнение в реальности плана. Мол, у противника такие мощные укрепления под Керчью, а тут еще Сиваш, Перекоп. Словом, ничего не выйдет, если не попросить у Ставки дополнительную армию, артиллерию и другие средства усиления.

Мнение старого кавалериста заставило заколебаться даже командующего 4-м Украинским фронтом генерала Ф.И. Толбухина и начальника штаба генерала С.С. Бирюзова. Василевский был удивлен. Ведь не так давно они вместе с командующим фронтом произвели все расчеты и пришли к выводу, что сил для успешного проведения операции вполне достаточно, о чем и доложили в Став-

¹ *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. С. 460.

ку. Тогда никаких возражений не было, а теперь, когда все уже утверждено Ставкой и нет оснований для пересмотра плана операции, вдруг следуют возражения. Отчего? В ответ Толбухин не слишком уверенно заметил, что получить подкрепления всегда неплохо.

Вот тут и сказался характер Василевского: в меру мягкий, но не податливый. Александр Михайлович заявил: раз так, то он сейчас же намерен связаться со Сталиным, доложить обо всем и просить, чтобы ему самому во главе 4-го Украинского фронта доверили провести Крымскую операцию.

На фоне убежденности представителя Ставки доводы оппонентов как-то сразу поухли. Толбухин признал, что поторопился с выводами, не подумал хорошенько. Ворошилов в свою очередь заверил, что вмешиваться в действия 4-го Украинского фронта не станет, но к донесению в Ставку, которое должен был составить Василевский, свои замечания даст. А потом и от замечаний отказался.

К месту вспоминается ответ Василевского на мягкий упрек одного военачальника: «А что касается моей “расчетливости” и “осторожности”... то, по моему мнению, в них нет ничего плохого, если соблюдено чувство меры. Думаю, что каждый военачальник, будь то командир части или дивизии, командующий армией или фронтом, должен быть в меру расчетливым и осторожным. У него такая работа, что он несет ответственность за жизнь тысяч и десятков тысяч воинов, и его долг — каждое свое решение взвешивать, продумывать, искать наиболее оптимальные пути к выполнению боевой задачи»¹.

Операция по освобождению Крыма прошла, как и задумывал Василевский, успешно. Всего за 35 дней наши войска взломали мощную вражескую оборону и разгромили почти 200-тысячную группировку противника. Хотя

¹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Кн. 2. С. 140.

для самого маршала эта победа чуть было не приобрела трагический оттенок. На второй день после освобождения Севастополя в поездке по разрушенному городу его автомашина наскочила на мину. Весь передок вместе с мотором разворотило и отбросило в сторону. Просто каким-то чудом маршал и его шофер остались живы.

Сменив павшего на поле сражения генерала армии И.Д. Черняховского, Василевский зимой — весной 1945 г. во главе 3-го Белорусского фронта успешно руководил наступлением в Восточной Пруссии. Одновременно он координировал боевые действия своего 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов (командующий — генерал армии И.Х. Баграмян) по ликвидации восточно-прусской группировки врага и взятию Кенигсберга. Маршал с честью выдержал труднейший полководческий экзамен и во всю мощь проявил талант военного стратега. Цитадель прусского милитаризма рухнула за трое суток.

Вершиной полководческого искусства Василевского стала подготовка и проведение им в сентябре 1945 г. во главе войск Дальнего Востока Маньчжурской стратегической наступательной операции.

Обращая внимание на особенности полководческого почерка маршала в этой операции, генерал армии С.П. Иванов писал: «Мне посчастливилось в этот период, будучи начальником штаба Главного командования советских войск на Дальнем Востоке, работать под непосредственным руководством Александра Михайловича Василевского. Я еще ближе узнал его и как замечательного человека, и как крупного военачальника. В ходе Маньчжурской операции, план которой разрабатывался под руководством А.М. Василевского, с новой силой раскрылись присущие ему черты полководца советской школы. Тщательность подготовки, учет всех факторов, определявших развитие событий на театре военных действий, решительные и согласованные удары всех развернутых здесь фронтов, оше-

ломившие противника с первых же минут наступления своей внезапностью и сокрушительной силой, — вот что отличало эту операцию.

Как главнокомандующий, Маршал Советского Союза А.М. Василевский оперативно руководил деятельностью командований фронтов по управлению войсками, обеспечивал четкое взаимодействие всех видов вооруженных сил. Совместными усилиями сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морского флота, прикрывавшихся войсками ПВО, удалось в короткий срок разгромить противостоящие группировки японской армии, и прежде всего ее главную ударную силу — Квантунскую армию, освободить северо-восточную часть Китая, Южный Сахалин, очистить от противника Курильские острова и изгнать японских оккупантов из Северной Кореи¹.

...Вместе со всей армией прошел Александр Михайлович всю войну. Не будет преувеличением сказать, что его приход к руководству Генеральным штабом в самые тяжелые дни 1941—1942 гг. оказался не просто удачным, но и счастливым для Вооруженных Сил. Прервалась затянувшаяся с 1940 г. череда смены начальников Генштаба, последний превратился в подлинный «мозг армии», основное звено стратегического планирования и руководства, а не просто в безликий «рабочий орган» Ставки. И произошло это во многом благодаря деловым и личным качествам Василевского, сумевшего найти верную ноту во взаимоотношениях со Сталиным, делом доказать ему, как важно опираться на высококвалифицированный аппарат Генштаба во избежание грубейших ошибок, допущенных Верховным в первый год войны, когда он предпочитал единолично принимать решения.

Осень 1942 г. стала для главковерха, как вспоминал Александр Михайлович, поворотной вехой в глубокой

¹ Военно-исторический журнал, 1985, № 9. С. 60.

перестройке стиля управления. В труднейшей обстановке, сложившейся на Нижнем Дону и в районе Сталинграда, он ясно, как никогда раньше, понял, что гибкое и квалифицированное руководство военными действиями невозможно без постоянной опоры на аппарат Генштаба, на коллективный опыт военачальников¹. От него с той поры можно было нередко услышать: «Черт возьми, что же вы не сказали!».

Без преувеличения Сталин полностью доверял Василевскому. Но вот некоторые его кадровые решения трудно объяснить. Практически всю войну Александр Михайлович оставался вне Ставки ВГК. Это явный нонсенс: начальник Генерального штаба — и вне высшего государственного органа по стратегическому руководству Вооруженными Силами. А вот уже на заключительном этапе войны, убывая 20 февраля 1945 г. в Восточную Пруссию на должность командующего войсками 3-го Белорусского фронта, Василевский получил от А.Н. Поскребышева пакет с постановлением ГКО о его включении в обновленный состав Ставки. На недоуменный вопрос маршала, чем вызвано это постановление, сталинский секретарь лишь с улыбкой ответил, что знает об этом не больше его самого.

В марте 1946 г. Василевский вновь стал начальником Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. В этот период армия и флот численно сокращались, переходя на штаты мирного времени, осуществлялась передислокация соединений, и ко всем этим мероприятиям Генштаб имел прямое отношение. В марте 1949 г. Василевский был назначен министром Вооруженных Сил СССР (военным министром) и находился в этой должности до марта 1953 г. Со смертью Сталина в руководстве страной были произведены крупные изменения, министром обороны СССР стал маршал Н.А. Булганин, а Василевский был переведен на пост его первого заместителя. В августе 1957 г. уже при

¹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Кн. 2. С. 228.

Г.К. Жукове как главе военного ведомства он занял менее ответственный пост заместителя министра по науке, а в декабре того же года и вовсе уволен в отставку по болезни. Правда, в январе 1959 г. маршал вновь был возвращен на действительную службу: разбрасываться столь опытными кадрами, конечно, было не по-хозяйски.

...А еще раз влага набежала на глаза Василевского, когда он, главнокомандующий Советскими Вооруженными Силами на Дальнем Востоке, после капитуляции Японии осматривал Порт-Артур. В сопровождении генералов и офицеров маршал, сам бывший кадровым офицером русской императорской армии, пришел на старое кладбище поклониться праху солдат и матросов, погибших в Русско-японскую войну 1904—1905 гг. Присматривавший за кладбищем давно состарившийся полковник русской армии недоверчиво всматривался в незнакомую форму и знаки различия прибывших. Военный оркестр заиграл траурный марш. При его звуках кладбищенский сторож буквально зашелся в рыдания: после долгих десятилетий он слышал родную русскую речь и теперь мог быть спокоен за дорогие могилы. Глядя на рыдающего старика, не сдержался и Александр Михайлович. Одни чувства обуревали старого царского полковника и пятидесятилетнего Маршала Советского Союза, чьей полководческой волей сорок лет спустя нога русского солдата вновь ступила на легендарную землю Порт-Артура.

И.В. Сталин:

**«БЫЛИ У НАС МОМЕНТЫ ОТЧАЯННОГО
ПОЛОЖЕНИЯ В 1941—1942 ГОДАХ»**

«Гениальный полководец Великой Отечественной войны» — так маршал К.Е. Ворошилов в 1949 г. назвал свою статью, написанную к 70-летию И.В. Сталина. В те годы не нашлось бы, наверное, человека, который взялся пу-

блично оспаривать это утверждение. Бывшее аксиомой, подкрепленное тем фактом, что Иосиф Виссарионович — единственный, кто обладал званием Генералиссимуса Советского Союза, оно, однако, после его смерти и, особенно, с XX съезда КПСС, развенчавшего «культ личности», стало предметом острых споров.

Не стихли они и сегодня. Многие люди, в первую очередь карьерные военные, не признают, что военный гений, как утверждалось в былые годы, мог проявиться у того, кто не обладал профессиональным образованием, не служил в армии и стал Маршалом Советского Союза, не имея до того ни единого воинского звания.

Сталин в самом деле не был кадровым военным, хотя маршальские погоны носил с удовольствием, любил, когда об этом вспоминали, особенно в сравнении с лидерами стран-союзниц (наша печать так и писала: «маршал Сталин, президент Рузвельт и премьер-министр Черчилль»).

В биографии вождя много неясных страниц, начиная с даты его рождения. Официально фигурировало 9 (21) декабря 1879 г. Но, если судить по метрической книге Успенского собора г. Гори, Иосиф Джугашвили появился на свет на год раньше — 6 (18) декабря 1878 г.¹

Он закончил духовное училище, но сану священника предпочел судьбу профессионального революционера, большевика. Еще накануне Октябрьского вооруженного переворота 1917 г. вошел в состав руководящего органа РКП(б) — ее Центрального комитета, а затем довольно быстро стал одной из ключевых фигур в большевистском руководстве. В 1917—1922 гг. Сталин — нарком по делам национальностей, с 1919 г. одновременно нарком государственного контроля, Рабоче-крестьянской инспекции. С апреля 1922 г. — Генеральный секретарь ЦК партии. Более 30 лет — с 1919 г. по 1953 г. он был чле-

¹ См.: *Островский А.В.* Кто стоял за спиной Сталина? М., 2004. С. 83.

ном Политбюро, Президиума ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС.

Его участие в Гражданской войне носило специфический характер: будучи членом РВС республики и нескольких фронтов (Южного, Западного, Юго-Западного), а также руководителем продовольственного дела юга России, он выполнял в основном политико-административные функции, к управлению войсками отношения не имевшие. Хотя, надо сказать, Сталин нередко вмешивался в оперативную деятельность военного командования.

Позднее, установив режим единоличной власти, он сконцентрировал в своих руках и нити военного управления. Под его руководством, используя достижения бурно развивающейся в СССР индустрии, был значительно поднят уровень технического оснащения Вооруженных Сил. «В середине 30-х гг. Красная Армия как с точки зрения организационной, так и количественной, бесспорно, была сильнейшей в мире, — считает военный историк В.А. Анфилов. — В ней насчитывалось около 1,5 млн солдат и офицеров, до 5 тыс. танков и свыше 6 тыс. самолетов. Сейчас смешными кажутся слова широко известной тогда песни: "В целом мире нигде нету силы такой, чтобы нашу страну сокрушила...", но они отражали действительное положение Советского Союза в то время»¹.

И вот этот мощный, всесокрушающий «бронепоезд» Сталин и его окружение, в первую очередь нарком внутренних дел Н.И. Ежов, нарком обороны К.Е. Ворошилов и начальник Политуправления РККА Л.З. Мехлис, сами пустили под откос, развязав в Вооруженных Силах в 1937—1938 гг. широкомасштабные репрессии.

Что побудило вождя обрушить невиданный в истории удар по командному и политическому составу собственной армии, да еще в предвидении войны? Если коротко, то —

¹ *Анфилов В.А.* Дорога к трагедии сорок первого года. М., 1997. С. 25.

опасения, что крупные военачальники, все более определявшие лицо армии, — М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров, И.П. Уборевич, И.Э. Якир и их более молодые последователи откажут ему в поддержке в условиях крайнего обострения внутривластной обстановки. Сталин опасался именно их — широко образованных, самостоятельно мыслящих. Не зря с тех времен бытует история о том, как маршал Семен Буденный, озадаченный размахом репрессий, пришел к своему давнему соратнику, такому же лихо-рубаке Оке Городовикову с вопросом: что делать? «Не бойсь, Сема, — был ответ. — Нас не возьмут. Посмотри вокруг — берут-то шибко умных».

Решимость вождя подпитывало острое соперничество в армейской верхушке между интеллектуальной элитой Вооруженных Сил и малообразованным окружением Ворошилова. Лагерь «кавалеристов» когда спокойно, а когда и злорадно-заинтересованно следил, как выкашивался слой «шибко умных», пока по своим внутренним законам водоворот репрессий не стал затягивать и их самих.

Документально установлено, что Сталин ежедневно получал протоколы допросов арестованных, часто вызывал наркома внутренних дел Ежова и его заместителя М.П. Фриновского, непосредственно участвовавшего в фальсификации обвинения, для доклада. Так что популярны у сталинистов версии, будто генеральный секретарь ничего о репрессиях не знал и потому не имел возможности во что-либо вмешаться, не имеют под собой ни малейшей почвы. Все шло по заранее намеченной колее при соблюдении бюрократических процедур, что придавало происходящему особенный цинизм. Например, через два дня после ареста Тухачевского Политбюро по указанию Сталина поставило на голосование членов ЦК предложение об исключении Михаила Николаевича из партии и «передаче» его дела в Наркомвнудел, будто маршал в это

время находился не в ежовских застенках, а где-нибудь на курорте.

Как ни покажется странным, но советский лидер пытался повернуть в свою пользу общественное мнение на Западе, убедить в безусловной вине Тухачевского и его товарищей по несчастью. Британская газета «Ньюс хроникл» писала, что Сталин был очень оскорблен сравнениями московских приговоров с гитлеровскими казнями в 1934 г. По его мнению, в Германии расправы совершались без суда и без каких-либо разъяснений властей на этот счет, а в Москве все было сделано в соответствии с правосудием.

К слову, острое недоверие к высшим военным, которое родилось у вождя в этот период, долго довлело над ним, накладывая негативный отпечаток на взаимоотношения с военачальниками и в ходе Великой Отечественной войны.

Сталин, конечно, не был полководцем в изначальном смысле этого слова. Правильнее называть его военачальником, высшим военным деятелем и оценивать его вклад в победу над фашистской Германией с учетом именно этого обстоятельства. В годы войны он занимал шесть высших постов в государстве — Генерального секретаря ЦК ВКП(б), председателя Совета народных комиссаров СССР, председателя Государственного Комитета Обороны, председателя Ставки ВГК, Верховного Главнокомандующего Советскими Вооруженными Силами, наркома обороны СССР. Учитывая менталитет советского народа и крайнюю степень централизации государственной власти, принятие им на себя важнейших государственных обязанностей положительно сказалось на отражении фашистской агрессии.

Как политический руководитель он, бесспорно, имел немало достоинств. А.М. Василевский, чаще других полководцев встречавшийся с И.В. Сталиным, считал его, особенно со второй половины Великой Отечественной войны, «самой сильной и колоритной фигурой стратеги-

ческого командования»¹. Маршал отмечал в Верховном Главнокомандующем огромный природный ум, удивительно большие познания, способность аналитически мыслить, жесткую требовательность. С таким выводом выражали солидарность многие государственные и военные деятели.

Как крупный и опытный управленец, Верховный хорошо представлял себе обстановку на фронтах, твердо помнил состав и дислокацию резервов. Благодаря феноменальной памяти знал не только командующих войсками фронтов и армий, но и многих командиров соединений. На равных обсуждал профессиональные проблемы с военачальниками и дипломатами, руководителями оборонных отраслей и генеральными конструкторами. Журнал посещений его кремлевского кабинета пестрит фамилиями В.М. Молотова, А.М. Василевского, Г.К. Жукова, А.И. Антонова, А.В. Хрулева, А.С. Яковлева, А.Н. Туполева, десятков других лиц.

Окружающие обращали внимание на умение вождя быстро вникать в суть сложных военно-политических вопросов и подчинять интересам политики решение экономических и стратегических проблем. Во время визита в Москву в августе 1942 г. У. Черчилль продемонстрировал ему план «Торч» по высадке союзников в Северной Африке. И не мог сдержать удивления, насколько «русский диктатор быстро и полностью овладел проблемой, которая до этого была новой для него. Очень немногие из живущих людей, — вспоминал британский премьер, — могли бы в несколько минут понять соображения, над которыми мы так настойчиво бились на протяжении ряда месяцев. Он все это оценил молниеносно»².

¹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Кн. 2. С. 227.

² *Черчилль У.* Вторая мировая война. Пер. с англ. Кн. 2. Т. 3—4. М., 1991. С. 515.

Но вот выполнение Сталиным функций Верховного Главнокомандующего было весьма противоречивым. На его деятельности, особенно в первый период войны, отрицательно сказывались отсутствие систематизированных военных знаний и боевого опыта, недостаточное доверие профессиональным военным и гипертрофированная вера в собственную непогрешимость. Это потом, когда в мае 1945 г. гремели победные салюты, он признавал: «Были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города... потому что не было другого выхода»¹, а в ту самую годину отступлений и крушения фронтов вождь готов был поверить в существование военного заговора, отказывал в доверии даже таким военачальникам, как Г.К. Жуков, и отчаянно тасовал командующих в лихорадочных попытках остановить катастрофическое развитие событий.

Крупнейшим недостатком в подготовке к войне стало отсутствие к ее началу готовой системы стратегического управления Вооруженными Силами. В спешке, испытав несколько реорганизаций, были сформированы Государственный Комитет Обороны и Ставка Верховного Главного Командования, не сразу определилась кандидатура Верховного Главнокомандующего. Права и обязанности высших должностных лиц государства и руководителей Наркомата обороны, Генштаба не были четко регламентированы. Гражданские лица, вроде В.М. Молотова, опираясь на свое положение в государственной иерархии, считали нормальным вмешиваться в оперативное управление войсками.

Со своей стороны, Сталин по привычке к самовластию не придерживался никакой субординации и не считался с давно отработанной в военной среде системой выработки и исполнения приказов и директив. Многие решения

¹ Правда, 1945, 25 мая.

принимались им единолично и из-за слабой оперативно-стратегической подготовки были весьма неудачными.

Таковой оказалась уже первая директива военным советам фронтов от 22 июня 1941 г., требовавшая вопреки реально складывавшейся обстановке нанести контрудары по вторгшемуся на советскую землю противнику. В условиях потери управляемости, значительном превосходстве противника наши войска не могли подготовить такие контрудары и терпели крупные поражения, неся огромные потери. Подобные примеры можно множить и множить.

Некоторые решения Сталина, вспоминал адмирал Н.Г. Кузнецов, просто озадачивали. Так, выслушав доклад о необходимости установки на кораблях мощного зенитного вооружения, вождь заявил, что «воевать будем не у берегов Америки», и отверг предложения наркома ВМФ. «Зная, — писал Николай Герасимович, — что от самолетов можно потонуть и в 1000 км от своих берегов, и в каких-нибудь 50 км, и в базах, я не мог признать правильными рассуждения "великого вождя". К сожалению, по нашим вопросам подобных примеров было много»¹.

Намечая, например, высадку десанта в Керчи, Верховный не посчитал необходимым предварительно обсудить план операции с флотским руководством, определить потребность в материальных средствах, наметить реальные сроки готовности. Такого рода действия адмирал объяснял пренебрежением Сталина к мнению профессионалов при его собственной явно недостаточной компетенции.

Заслуживают внимания и более широкие обобщения Н.Г. Кузнецова относительно организации руководства наркоматами, а точнее — отсутствия четкой системы в такой организации. «Мне всегда казалось, — писал адмирал, — что у Сталина не было системы в деле руководства,

¹ Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. Из записок адмирала. М., 1995. С. 33.

что помогало бы ему все охватывать и как бы равномерно следить за всем». Поэтому, замечал бывший нарком ВМФ, руководство шло в основном «распорядительным порядком», из кабинета вождя; принимаемые решения диктовались не заранее продуманной долгосрочной программой, а в основном складывающейся в тот или иной момент обстановкой. Так было в Финскую капанию, так руководство осуществлялось и в первый период Великой Отечественной войны.

Критически оценивая вождя, Н.Г. Кузнецов в то же время сохранял неизменно присущую ему объективность. Словно отвечая на нападки бывших сталинских сподвижников, готовых после марта 1953 г. повесить на бывшего кумира всех «собак», он писал: «Слишком просто и легко объяснить все лишь культом личности Сталина. Многие из нас повинны, хотя бы в том, что молчали там, где положение требовало высказать свое мнение. За такую пассивность многие расплачивались сами, когда доходила до них очередь»¹.

Вождь нередко превращал политику в самоцель и не всегда учитывал при этом военно-стратегические соображения. Скажем, в 1942 г. по следам успешной Московской битвы он, вопреки точке зрения Г.К. Жукова и мнению Генерального штаба, настоял на плане стратегического наступления на всем протяжении советско-германского фронта, хотя сил и средств у Красной Армии для этого не было. Подобный авантюризм обернулся тяжелыми поражениями в районе Любани, в Крыму и под Харьковом и утратой завоеванной было стратегической инициативы.

По поводу способностей вождя к стратегическому руководству войсками существует немало точек зрения, в том числе и противоречащих друг другу. Кое-кто из считаю-

¹ Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. С. 37, 45, 56; он же: Накануне. М., 1969. С. 224.

щих себя серьезными историками недалеко ушел от Ворошилова с его признанием за Сталиным военного гения. Как представляется, компетентнее и объективнее других высказался на этот счет маршал Г.К. Жуков, причем не в мемуарах, которые подверглись изрядной «переработке» в идеологических инстанциях, а в своей речи на Пленуме ЦК КПСС в 1956 г., свободной от мертвящего давления сталинского культа. И хотя речь так и осталась произнесенной, от этого ее содержательность ничуть не умаляется.

«...С первых минут возникновения войны в верховном руководстве страной в лице Сталина проявилась полная растерянность в управлении обороной страны, используя которую противник прочно захватил инициативу в свои руки и диктовал свою волю на всех стратегических направлениях, — считал Жуков. — ...У нас не было полноценного Верховного командования. Был Сталин, без которого по существовавшим тогда порядкам никто не мог принять самостоятельного решения, и надо сказать правдиво, — в начале войны Сталин очень плохо разбирался в оперативно-тактических вопросах... Генеральный штаб, Наркомат обороны с самого начала были дезорганизованы Сталиным и лишены его доверия»¹.

На второй день войны, вспоминал Георгий Константинович, вождь направил в помощь командованию воюющими фронтами все руководство Генерального штаба, включая его начальника. На резонное предупреждение, что подобная практика лишь приведет к дезорганизации управления войсками, Сталин отрезал: «Что вы понимаете в руководстве войсками, обойдемся без вас». В результате он, «не зная в деталях положение на фронтах и будучи недостаточно грамотным в оперативных вопросах, давал

¹ «Чего стоят полководческие качества Сталина». Произнесенная речь маршала Г.К. Жукова // Источник, 1995, № 2. С. 147—148.

*Плакат с изображением И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова.
Худ. Г. Клуцис. 1935 г.*

Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов объезжает строй войск

Маршал Советского Союза С.М. Буденный у своего портрета

*Маршал Советского Союза
С.К. Тимошенко*

*Маршал Советского Союза
Б.М. Шапошников*

*Маршал
Советского Союза
М.Н. Тухачевский*

*Маршал
Советского Союза
А.И. Егоров*

*Маршал
Советского Союза
В.К. Блюхер*

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков

*Маршал Советского Союза
Г.И. Кулик*

*Маршал Советского Союза
А.М. Василевский*

*И.С. Конеv в звании
генерал-полковника*

*Л.А. Говоров в звании
генерала армии*

*Портрет Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского.
Худ. К.Д. Китайка. 1948 г.*

*Р.Я. Малиновский в звании
генерала армии*

*Маршал
Советского Союза
Ф.И. Толбухин*

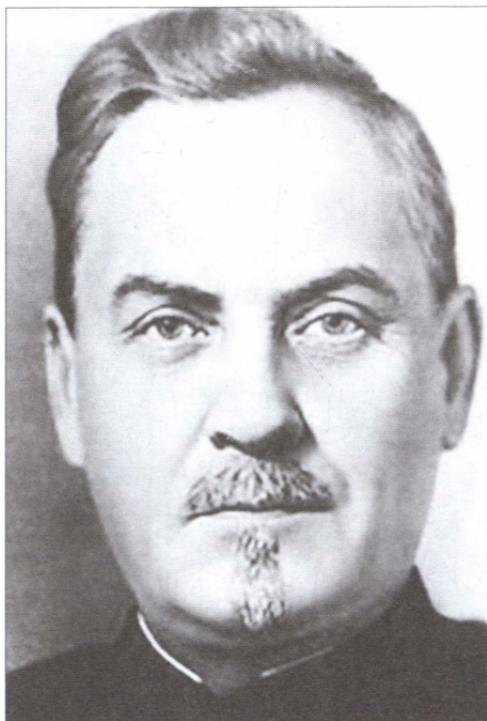
*Маршал
Советского Союза
К.А. Мерецков*

*В.Д. Соколовский
в звании генерал-
лейтенанта*

*Маршал Советского Союза
и Генеральный комиссар
госбезопасности Л.П. Берия*

*Маршал Советского Союза
Н.А. Булганин*

*Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов, Н.И. Калинин
и члены правительства*

*Маршалы Советского Союза (слева направо) К.Е. Ворошилов,
С.М. Буденный, С.К. Тимошенко, Г.И. Кулик, Б.М. Шапошников.
Москва, 1940 г.*

*Командарм 2-го ранга И.С. Конев
на учебных стрельбах*

*Генерал армии К.А. Мерецков
с красноармейцами*

Образ советского маршала в английском еженедельнике «Тайм»

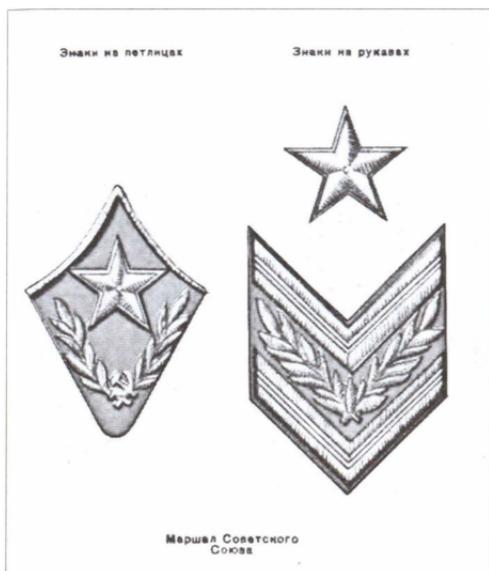
И.В. Сталин и Маршал Советского Союза К.Е. Ворошилов

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков на Параде Победы

*Маршалы Советского Союза несут награды И.В. Сталина
в день его похорон*

Знаки отличия Маршала Советского Союза, установленные Приказом НКО СССР № 176 от 3 декабря 1935 г.

Погоны Маршалов Советского Союза и генералов, установленные Приказом НКО СССР № 25 от 15 января 1943 г.

ПОГОНЫ МАРШАЛОВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И МАРШАЛОВ РОДОВ ВОЙСК
(Приказ НКО СССР № 51 4 февраля 1943 г.)

Маршал Советского Союза

Маршал артиллерии

Маршал авиации

Маршал бронетанковых войск

Погоны Маршалов Советского Союза и маршалов родов войск, установленные Приказом НКО СССР № 51 от 4 февраля 1943 г.

ПОГОНЫ ГЛАВНЫХ МАРШАЛОВ РОДОВ ВОЙСК
(Приказ НКО СССР № 306 27 октября 1943 г.)

Главный маршал артиллерии

Главный маршал авиации

Главный маршал бронетанковых войск

Главный маршал войск связи

Главный маршал инженерных войск

Погоны Главных маршалов родов войск, установленные Приказом НКО СССР № 306 от 27 октября 1943 г.

неквалифицированные указания, не говоря уже о некомпетентном планировании крупных контрмероприятий, которые по сложившейся обстановке надо было проводить».

На недооценку Сталиным значения и места Генштаба в первый период войны обращал внимание и маршал А.М. Василевский. Генеральный штаб представлял собой исключительно важное звено стратегического руководства, оперативный орган Верховного Главнокомандования, ни одна прежняя война не предъявляла к нему столь высоких требований. А главковерх подчас использовал его лишь в качестве простого технического передатчика в войска уже принятых им решений. Деликатно выраженный, но вполне ощутимый упрек слышен в словах Василевского: активное использование Оперативного управления, как и других структур Генштаба, «принесло бы значительную пользу и, быть может, избавило бы Верховное Главнокомандование от некоторых просчетов и ошибок в первые месяцы войны»¹.

По свидетельству маршала Г.К. Жукова, Сталин только через полтора года войны начал более или менее разбираться в тактических и оперативно-стратегических вопросах. Эту точку зрения разделял и маршал А.М. Василевский: «Завершился процесс роста И.В. Сталина как военачальника после Сталинградской и особенно после Курской битв, когда он поднялся до вершин стратегического руководства. Теперь Сталин стал мыслить категориями современной войны».

То есть профессиональная учеба Верховного Главнокомандующего продолжалась около двух лет. Невольно задумаешься, какую цену людских и материальных потерь пришлось за нее заплатить армии и народу.

Видели ли окружавшие вождя военачальники его недостаточную компетентность в военных делах? Не могли не

¹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Кн. 2. С. 220.

видеть, но, естественно, не смели говорить об этом вслух. Своими действиями они пытались максимально скорректировать указания Сталина, тактично научить его. Наибольшее влияние на его становление как Верховного Главнокомандующего оказали маршалы Б.М. Шапошников, А.М. Василевский, Г.К. Жуков и генерал армии А.И. Антонов. Рядом с ними, под их благотворным воздействием постигал Верховный тонкости оперативного искусства и стратегии.

В июле 1942 г. с назначением первого заместителя начальника Генштаба генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватутина командующим Воронежским фронтом Генеральный штаб лишился постоянного квалифицированного руководства, поскольку его начальник Василевский все время находился в разъездах. Чтобы исправить положение, Александр Михайлович просил Сталина назначить начальником Оперативного управления — заместителем начальника Генерального штаба генерал-лейтенанта А.И. Антонова. Однако Верховный, все еще недооценивая значение и роль «мозга армии», долго не соглашался на это. Обстановку на фронтах в отсутствие Василевского ему докладывал замещавший начальника Генштаба... политработник Ф.Е. Бокков, совершенно не подготовленный к такой ответственной миссии.

Даже дав в декабре 1942 г. согласие на назначение Антонова начальником Оперативного управления, Верховный стал доверять ему далеко не сразу. Но мало-помалу вождя подкупили глубокое знание генералом фронтовой обстановки, его ярко выраженные аналитические способности, твердость в отстаивании своего мнения, точность выводов и конкретность предложений. 6 апреля 1943 г. Антонов впервые подписал вместе с Верховным директиву Ставки. Потом до самого конца войны их две подписи чаще других стояли рядом под важнейшими документами. Алексей Иннокентьевич стал и самым частым посетителем кремлев-

ского кабинета вождя, именно его доклады предпочитал теперь заслушивать Сталин.

До прихода Антонова Оперативное управление сильно лихорадило. Это было тем более недопустимым, что оно выступало, по существу, ядром Генерального штаба, его мозговым центром. Алексею Иннокентьевичу удалось утвердить в деятельности аппарата Генштаба как рабочего органа Ставки необходимую четкость и организованность. Он сумел сделать то, что многим представлялось невыполнимым: упорядочить деятельность самого Верховного Главнокомандующего. Были установлены точные сроки обработки поступающей с фронта информации, определено время докладов руководителей важнейших структур Генерального штаба и Наркомата обороны, касающихся положения на фронтах, результатов разведки, вопросов тылового обеспечения, формирования резервов и т.п.

Вот один лишь факт такого рода. До Антонова доклады Сталину об обстановке на фронтах строились во многом произвольно, а вопросы докладывались различными и далеко не самыми квалифицированными лицами, вплоть до комиссара Генштаба. Алексей Иннокентьевич убедил Верховного в необходимости ввести эту работу в строго упорядоченное русло. Теперь обстановка докладывалась трижды в сутки: в течение дня, как правило, по телефону, а поздно вечером начальник Оперативного управления подводил итоги лично. Следя не по глобусу, как «вспоминал» Н.С. Хрущев, а строго по картам масштаба 1: 200000, подготовленным по каждому фронту с нанесенной обстановкой до дивизии, Сталин выслушивал подробные доклады о положении наших и вражеских войск, намерениях и действиях командующих. Помимо всего прочего, это была еще и превосходная школа высочайшей штабной культуры для Верховного. Не случайно Антонов — единственный из генералов — был удостоен высшего полководческого ордена «Победа».

Постепенно вождь благодаря своему практическому уму выработал подходящую линию поведения. Процесс планирования той или иной операции он начинал с отдачи самых общих указаний типа: «Надо не давать врагу передышки и гнать врага на запад». (Эти слова — не авторские фантазии, они буквально прозвучали на совещании в Ставке в январе 1942 г.) Вслед за тем Генштаб принимался за конкретную работу по разработке замысла и плана операции, порядка их реализации, вопросов взаимодействия, материально-технического обеспечения и т.п. К этому процессу подключались Жуков, Василевский, Антонов, командующие войсками фронтов и начальники штабов. Мышление талантливых военачальников питало конкретные решения вождя. При докладе подготовленных материалов Сталин, выслушав мнения всех, высказывал замечания по замыслу и деталям плана, срокам реализации, порядку руководства со стороны Ставки. Эти резюмирующие замечания давали основания представить его автором всей идеи. Такая линия поведения позволяла Иосифу Виссарионовичу наращивать репутацию полководца. В 1943 г. она была подкреплена присвоением воинского звания Маршала Советского Союза.

Максимальная централизация руководства в руках вождя имела не только плюсы, но и существенные минусы. От его слова зависело решение любого сколько-нибудь серьезного вопроса на фронте и в тылу, что изрядно вредило делу, сковывало инициативу руководящих кадров. Некомпетентное вмешательство в стратегические и оперативные вопросы затрудняло проведение в жизнь наиболее целесообразных решений и способов действий. Тот же Жуков за излишнюю настойчивость и стратегическую инициативу, проявленную в разговоре со Сталиным, уже в июле 1941 г. лишился поста начальника Генштаба.

Здесь невольно вспоминается меткое замечание конструктора оружейных систем С.П. Непобедимого. Ком-

ментируя сравнение немецких военачальников с Жуковым, сделанное некоторыми зарубежными историками и нелестное для маршала, наш известный оружейник спросил: «А попробовали бы его соперники повоевать под командованием Джугашвили!»

По мере накопления опыта войны ошибок и просчетов у Верховного стало заметно меньше. Сталин уже более взвешенно и здраво оценивал возможности Красной Армии и потенциал противника.

Примером сказанного может служить его реакция на просьбу главнокомандующего ВВС РККА А.А. Новикова перенести сроки начала контрнаступления под Сталинградом. Если раньше он, вероятнее всего, решил бы вопрос единолично, то теперь предпочел посоветоваться с подчиненным. В телеграмме, которую Верховный 12 ноября 1942 г. направил Жукову, координировавшему подготовку к операции, говорилось: «Если Новиков думает, что наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации»¹.

А в ходе подготовки Курской битвы Сталин, помня о неудачных попытках стратегического наступления в 1942 г., одобрил план, предусматривавший переход к преднамеренной обороне, хотя Советские Вооруженные Силы и обладали достаточным потенциалом для наступления. Обескровив врага в оборонительных боях, выбив его танки, Красная Армия перешла в контрнаступление и в короткий срок отбросила противника за Днепр.

Но окончательно избавиться от ошибок вождю было, как видно, не под силу. Сказывалось и то обстоятельство, что он судил об обстановке на фронте исключительно по докладам подчиненных. Сталин выезжал на фронт всего один раз, и то ненадолго. Было это 3 августа 1943 г., на-

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 332.

кануне Смоленской наступательной операции Западного фронта. Поездка проводилась в атмосфере абсолютной тайны, так что даже начальник Генштаба А.М. Василевский не был поставлен о ней в известность. Специальным поездом Сталин приехал в Гжатск, а оттуда автомобильный кортеж прибыл в район Юхнова. Сюда и были вызваны представитель Ставки маршал артиллерии Н.Н. Воронов, командующий фронтом генерал армии В.Д. Соколовский и член военного совета Н.А. Булганин.

По воспоминаниям Воронова, «Сталин прежде всего поинтересовался, далеко ли от места их встречи находится командный пункт фронта. Затем приказал познакомить его с обстановкой. Соколовский стал было излагать замысел операции, но Сталин его перебил: "Деталими заниматься не будем, Западному фронту нужно к весне 1944 года (явная ошибка мемуариста. — Ю.Р.) подойти к Смоленску, одновременно накопить силы и взять город". Эта фраза была повторена дважды, и на ней разговор был по существу закончен. Командующий попытался было пожаловаться на недостаток резервов и боевой техники, но в ответ услышал: "Все, что сможем, дадим, а не сможем — обходитесь тем, что имеете"»¹.

Еще одна поездка в действующую армию состоялась через два дня, 5 августа, но ее и выездом на фронт не назовешь, поскольку маршрут пролегал в глубокий тыл Калининского фронта. В деревне Хорошево Сталин, доставленный сюда поездом, беседовал с командующим генералом А.И. Еременко о той же Смоленской операции.

Окончательно избавиться от ошибок в управлении войсками вождю мешало и чувство абсолютного превосходства над другими людьми, в том числе военными профессионалами. Отступившее было в пору поражений, оно под влиянием побед Красной Армии возобладало вновь.

¹ Воронов Н.Н. На службе военной. С. 385.

Именно об этом с горечью поведал Г.К. Жуков: «По замыслу Сталина... планировалась и проводилась операция в Прибалтике в районе Либавы, которая безрезультатно повторялась несколько раз и, кроме тяжелых жертв, ничего не дала. За неудачи этой операции Сталин сменил трех командующих фронтами. Исключительно безграмотно проводились операции севернее Варшавы (правым крылом 1-го Белорусского фронта маршала К.К. Рокоссовского. — Ю.Р.), в результате которых погибли многие десятки тысяч наших людей. Сталину неоднократно докладывали о том, что по условиям местности там нельзя проводить операцию, однако такие доводы отвергались как “незрелые”, и операция многократно повторялась с одними и теми же результатами»¹. А ведь события, о которых вел речь полководец, имели место не в начале, а уже на заключительном этапе войны.

Свидетелем такой картины становился очень узкий круг посвященных лиц, народ же и армия под воздействием массовой пропаганды видели в Верховном Главнокомандующем фигуру не только безгрешную, но и великую во всех отношениях. Культ личности Сталина в годы войны укрепился неимоверно.

Здесь уместно поговорить о его отношении к славе, к собственным наградам. Безусловно, «звездоманией», подобно его преемникам на посту лидера партии, он заражен не был, став обладателем званий Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда и нескольких орденов. Не густо, учитывая беспредельные возможности вождя в этом отношении.

В литературе встречаются упоминания о том, что Сталин, например, выразил острое недовольство фактом его повторного награждения орденом «Победа» и отказался от церемонии вручения. И действительно, хотя Указ Президи-

¹ «Чего стоят полководческие качества Сталина». С. 152—153.

ума Верховного Совета СССР датирован 26 июня 1945 г., вождь получил орден, по сведениям наградного отдела Администрации Президента РФ, лишь 28 апреля 1950 г. В тот же день Н.М. Шверник вручил владельцу медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза и два ордена Ленина, которых Сталин был удостоен ранее.

Но о скромности ли свидетельствуют эти факты? Слабо верится, учитывая ту отмеченную многими страсть, с какой Сталин стремился обрести репутацию великого полководца, равного которому не было в нашей стране, если не во всем мире. Он не случайно в 1944 г. отказался от оправдавшей себя практики координации действий групп фронтов, а успешно осуществлявших эту функцию Жукова и Василевского поставил во главе конкретных фронтов. Война шла к победному завершению, и Верховный явно не собирался делить славу с кем-либо из подчиненных.

О том же, на наш взгляд, свидетельствует и учреждение специально для него воинского звания Генералиссимуса Советского Союза, звания, исключительно редкого в любой армии¹. К слову, произошло это 26 июня 1945 г., то есть в тот же день, когда вышел указ о награждении вождя вторым орденом «Победа», вызвавший столь острое его недовольство. Но от звания Генералиссимус, в отличие от ордена, который как бы уравнивал его с другими маршалами, Сталин и не подумал отказываться, ибо оно, наоборот, зримо отделяло его от всех остальных.

В этом контексте уместно вспомнить и о широко известном тосте Сталина на приеме в Кремле командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г.: «Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа...». Традиционно считается, что в этой речи вождь, признав ошибки возглавляемого им правительства в 1941—1942 гг. и

¹ См.: Родина, 2005, № 4. С. 88.

собственные ошибки, «повинился» перед советским народом и отдал должное, прежде всего, русскому народу. Однако характер правки, которую оратор внес в текст, давая разрешение на публикацию в «Правде», показывает, что Сталин явно постарался дистанцироваться от правительства. А фразы из речи о «терпении» русских, о том, что «иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой», людям, знающим обстановку того времени, могут показаться даже ироническими, издевательскими¹. Сталину, выступавшему всего через две недели после одержанной над Германией победы, не было никакого смысла в свой звездный час «виниться» перед кем бы то ни было. Верховный Главнокомандующий ограничился лишь тем, что поддержал традицию, заведенную им еще с 1930-х гг., и провозгласил здравицу, в очередной раз ритуально отметив заслуги русского народа перед Родиной.

Особый разговор — об отношении Верховного к маршальско-генеральскому корпусу, то есть к тем людям, без которых мало чего стоила бы и его собственная репутация. Многие маршалы и генералы обязаны своим служебным ростом сталинскому вниманию. Но горе было тем, кто в силу разных, в том числе и не зависящих от них самих, причин не оправдал доверия вождя. Войну он начал с расправы над большой группой военачальников, даже не успевших вступить в противоборство с фашистами, — генералами Г.М. Штерном, А.Д. Локтионовым, Я.В. Смушкевичем, П.В. Рычаговым, И.И. Проскуровым, с расстрела командного состава Западного фронта — генералов Д.Г. Павлова, В.Е. Климовских, А.А. Коробкова, А.Т. Гри-

¹ *Невежин В.А.* Сталин о войне. Застольные речи 1933—1945 гг. М., 2007. С. 266—268.

горьева, Н.А. Клича¹, с объявления генералов, погибших в бою и попавших в плен — В.И. Качалова, П.Г. Понеделина, Н.К. Кириллова, М.И. Потапова, предателями². Немало высших командиров несправедливо пострадало от сталинского гнева и в ходе войны. А победу над Германией Сталин и вовсе «отметил» заключением в тюрьму Главного маршала авиации А.А. Новикова, маршала авиации Г.А. Ворожейкина, маршала артиллерии Н.Д. Яковлева, генералов А.И. Шахурина, К.Ф. Телегина, судом над адмиралами Н.Г. Кузнецовым, Л.М. Галлером, В.А. Алафузовым, Г.А. Степановым, опалой маршала Г.К. Жукова.

Считая себя вправе произвольно решать, как распорядиться судьбой того или иного военачальника, вождь лишь перед единицами из них испытывал нечто похожее на чувство вины за нанесенные в прошлом обиды. Так, согласившись на арест К.А. Мерецкова, позднее, по его освобождении, относился к нему с подчеркнутой симпатией, словно пытался загладить свою вину.

По этому поводу адмирал Н.Г. Кузнецов высказывался следующим образом: «Отношение к людям у него было как к шахматным фигурам, и преимущественно пешкам. Он мог убрать любую фигуру с шахматной доски и поставить ее вновь, если игра требовала этого. В таких случаях он не был даже злопамятен, и репрессия, пронесшаяся над человеком по его же приказу, не служила препятствием для полного доверия к нему в последующем»³.

Сталинскую поддержку ощущали те выдвигенцы, кто смог оправдать доверие, — К.К. Рокоссовский, Л.А. Говоров, А.И. Еременко, И.Д. Черняховский, П.С. Рыбалко, П.А. Ротмистров, К.С. Москаленко, другие талантливые

¹ Рубцов Ю.В. «Ни паники, ни растерянности с их стороны не было» // Исторический архив, 2006, № 2.

² 1941 год. Кн. 2. С. 476—479.

³ Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. С. 58.

военачальники. «На протяжении войны я неизменно чувствовал его внимание, сказал бы, даже чрезмерную заботу, как мне казалось, далеко мной не заслуженные», — говорил в беседе с журналистом В.М. Песковым маршал А.М. Василевский.

В то же время, как вспоминал маршал Г.К. Жуков, «чем ближе был конец войны, тем больше Сталин интриговал между маршалами — командующими фронтами и своими заместителями, зачастую сталкивая их "лбами", сея рознь, зависть и подталкивая к славе на нездоровой основе»¹. Не отрицал правоты такого наблюдения и маршал И.С. Конев, что подтвердила, в частности, Берлинская операция.

В Сталине причудливо совмещались, казалось бы, диаметрально противоположные черты: всемерное радение о величии Советского Союза — и самонадеянность, поставившая страну на грань национальной катастрофы; внимание к кадрам — и редкая жестокость к людям-«винтикам»; стратегический ум — и мелкое тщеславие, стремление к еще одному пышному титулу вроде «величайшего полководца всех времен и народов». Об этой двойственной природе сталинской натуры, к глубокому сожалению, забывают те, кто и сегодня уверяет соотечественников, будто без вождя-диктатора наш народ был обречен на поражение в Великой Отечественной войне. Однако своим личным триумфом он обязан народу, по крайней мере, ничуть не меньше, чем народ ему.

И.С. Конев:

«ОКРУЖЕННЫЙ ПРОТИВНИК НЕ УЙДЕТ...»

Человек поля — так сам себя называл Иван Степанович Конев, гордясь присущим ему истинно командирским качеством — всепоглощающей любви к учениям на мест-

¹ *Светлишин Н.А.* Крутые ступени судьбы. С. 198.

ности, в самых сложных условиях рельефа и погоды. Будешь действовать по принципу: «Учиться тому, что нужно на войне», без скидок, без послаблений, считал он, тогда и реальный бой не поставит тебя в тупик.

По этой причине полководец всегда неизменно добрым словом вспоминал службу командиром полка, не раз отзывался о ней как об основной, центральной в армии. «Роль командира полка я хорошо понял в мирное время, когда командовал полком. Командовал по-настоящему, не стремясь поскорее уйти ни вверх, ни в сторону, наоборот, стараясь именно там, в полку, постигнуть все премудрости войсковой службы и жизни. С чувством удовлетворения вспоминаю, как много дала мне эта работа... — писал Иван Степанович. — Учила меня и Академия имени Фрунзе. Но все-таки самой главной для меня академией был полк. Полк сделал меня человеком поля. Именно в полку я страстно полюбил поле, учения, проводимые с максимальным приближением к боевой обстановке. Я относился к учениям со страстью и считал тогда, так же, как считаю сейчас, что без вдохновения нет учений. И это пригодилось мне на войне»¹.

И на войне эта страсть Конева, непреходящее стремление самому попробовать ткань будущего боя на ощупь не иссякла. «Зная его по работе на фронте, должен прежде всего сказать, что он любил много бывать в войсках, — вспоминал маршал А.М. Василевский. — Обычно, как только примет решение на проведение операции, тотчас же отправляется в армии, корпуса и дивизии и там, используя свой богатейший опыт, готовит войска к боевым действиям»².

А ведь начальные шаги И.С. Конева в армии вовсе не предвещали блистательной командирской, тем более —

¹ *Конев И.С.* Записки командующего фронтом. С. 515.

² *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Кн. 2. С. 279.

полководческой карьеры. Вступив в Красную Армию в августе 1918 г., он всю Гражданскую войну прошел комиссаром: сначала — уездного военного комиссариата Северного края, затем бронепоезда, бригады, дивизии. Не исключено, что со временем Красная Армия приобрела бы в его лице крупного политического работника, но то, что потеряла бы при этом уникального полководца, это точно.

Не отказать в наблюдательности наркому обороны К.Е. Ворошилову, а в дни описываемых событий — 1925 г. — командующему войсками Московского военного округа, заявившему при встрече с военным комиссаром и начальником политотдела 17-й стрелковой дивизии:

— Вы, товарищ Конев, по нашим наблюдениям, комиссар с командирской жилкой. Это счастливое сочетание...

И предложил ему перейти с политической на командную работу.

Эту «жилку» Иван Степанович, безусловно, ощущал сам, поэтому долго уговаривать себя не заставил. В июле 1926 г. он был назначен командиром-военкомом полка. Новому делу отдался со всей страстью. На следующий год в его аттестации отмечалось, что Конев — «инициативный, энергичный и решительный командир. Общий и военный кругозор достаточен».

Похожие характеристики прозвучали и в аттестации, подготовленной через десятилетие, когда за плечами остались командование стрелковой дивизией и учеба в Военной академии им. М.В. Фрунзе: «Командуя дивизией, имеет большие достижения, особенно на маневрах 1936 года. По характеру твердый и настойчивый».

Отсюда — и серьезный служебный рост. За пять предвоенных лет Конев прошел путь от командира 58-го особого стрелкового корпуса до командующего войсками Забайкальского и Северо-Кавказского военных округов.

Много позднее Иван Степанович предельно ясно изложил понимание того, как стать полноценным военачаль-

ником, способным командовать крупными соединениями и объединениями. Такого может создать только долгая военная школа, прохождение без перепрыгивания всех ее ступеней — основательное, связанное с устойчивой любовью к пребыванию в войсках, к действиям в поле, к непосредственному командованию. Без этого, по убеждению маршала, разносторонний человек с хорошим военным образованием, волевой и имеющий свой почерк действий на поле боя, не может родиться. Не покомандовав полком, дивизией, корпусом, трудно стать полноценным командующим фронтом¹.

Он знал, о чем говорил, поскольку сам прошел все эти ступени без исключения и всю войну командовал фронтами, которые неизменно действовали на важнейших стратегических направлениях. Победы Ивана Степановича на полях сражений побудили некоторых историков назвать его военным гением. Ведомые им войска отличились в Московской и Курской битвах, битве за Днепр, Кировоградской, Корсунь-Шевченковской, Уманско-Ботошанской, Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской, Берлинской и Пражской операциях. Один лишь этот список говорит о полководце лучше любой аттестации.

Конечно, неудачи не обошли стороной и его. В сентябре 1941 г. после Смоленского сражения Конев был назначен командующим войсками Западного фронта. 2 октября началось первое генеральное наступление фашистских войск на Москву. «Шли кровопролитнейшие бои, — вспоминал о тех днях генерал-лейтенант М.Ф. Лукин. — Под Смоленском тоже было жарко, но такого количества танков и авиации противник там не применял. Танки наступали волнами по 30—50 машин с самого рассвета и до темноты».

4 октября генерал Конев доложил И.В. Сталину об обстановке на своем фронте, о прорыве обороны на участке Резервного фронта в районе Спас-Деменска, а также об

¹ Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 519.

угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам 19-й, 16-й и 20-й армий Западного фронта. «Сталин выслушал меня, — вспоминал Конев, — однако не принял никакого решения. Связь оборвалась, и дальнейший разговор прекратился...». Тогда Иван Степанович позвонил начальнику Генштаба маршалу Б.М. Шапошникову и попросил доложить Ставке его просьбу об отводе войск, дабы уберечь их от окружения. Ответа из Москвы не было. А 7 октября, несмотря на то что наши войска стояли насмерть, противник сумел прорваться к Вязьме и окружить 19, 20, 24, 32-ю армии и группу генерала И.В. Болдина. По оценке нового командующего Западным фронтом Г.К. Жукова, это была настоящая катастрофа.

Разгневанный Сталин был готов отдать Конева под суд военного трибунала и уже прислал в штаб фронта комиссию во главе с В.М. Молотовым. Но Жуков сумел отговорить Верховного и настоял на назначении Конева своим заместителем, который руководил бы группой войск на отдаленном калининском направлении. Для Красной Армии был, таким образом, спасен талантливый военачальник.

Справедливости ради надо сказать, что Конев оставил Жукову крайне скудное «наследство» — не более двух полков. В обороне советских войск существовали «зияющие бреши, которые закрыть было нечем, так как никаких резервов в руках командования не оставалось. К исходу 7 октября все пути на Москву, по существу, были открыты»¹.

На новом месте генерал-полковник Конев не подвел. Активная оборона и контрудары войск правого крыла Западного фронта, организованные полководцем, сорвали намерения немцев окружить имевшиеся в районе Калинин силы, чтобы затем обойти Москву с севера. Во второй половине октября Ставка образовала здесь самостоятель-

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 208.

ный Калининский фронт, во главе которого был поставлен Иван Степанович.

Его полководческий почерк оттачивался шаг за шагом. Общеизвестны заслуги Конева в руководстве войсками в Курской битве. Действия соединений его Степного фронта позволили окончательно остановить наступление врага на южном фланге Курской дуги в полосе Воронежского фронта, а затем ускорить переход в решительное контрнаступление. Именно войска Степного фронта освободили Белгород, а затем Харьков, после чего на плечах командующего появились новенькие погоны генерала армии.

В каждом новом сражении все более отчетливо проявлялись оригинальность мышления, редкая интуиция, творческий подход Ивана Степановича к решению любой, даже кажущейся вполне стандартной, задачи. «Сталинградом на Днепре» вошла в историю Корсунь-Шевченковская операция, проведенная в январе—феврале 1944 г. силами двух фронтов — 1-го Украинского (командующий — генерал армии Н.Ф. Ватутин) и 2-го Украинского (командующий — генерал армии И.С. Конев).

«Операцию, — писал маршал И.Х. Баграмян, — готовили и осуществляли в сложнейших условиях необычно ранней весны и связанной с ней распутицы. Ивану Степановичу предстояло сосредоточить две общевойсковые, танковую и воздушную армии и немало средств усиления. Срок же на подготовку удара был отведен минимальный — всего пять суток. Ненастье почти полностью исключало возможность широко применять авиацию. Вдобавок раскисли грунтовые аэродромы.

Характерно, что Иван Степанович не жаловался на распутицу, он стремился превратить ее в свою союзницу. Во-первых, полагал он, Манштейн (командующий группой армий «Юг». — Ю.Р.) наверняка будет надеяться на передышку по случаю скверной сверх всякой меры погоды. Значит, необходимо форсировать подготовку к опера-

ции и вести ее в строжайшей скрытности: все перегруппировки совершать ночью, строго регулируя движение по скрупулезно определенным маршрутам и точному графику, оборудовать ложные районы сосредоточения танков и артиллерии, ложные огневые позиции, имитировать передвижение войск и техники на пассивных участках фронта. Во-вторых, Конев был убежден, что советские солдаты именно в самых неблагоприятных условиях проявят воинскую предприимчивость, инициативу, боевое творчество и боеспособность их будет выше, чем у врага, которого необычные условия всегда выбивали из колеи»¹. И командующий не ошибся в расчетах: огромная масса вражеских войск — около 80 тысяч человек — была окружена.

Фельдмаршал Э. Манштейн предпринимал энергичные усилия, чтобы вырвать окруженных из «котла». Необходимо сказать, что и в окружении группировка противника оставалась высокоманевренной, могла вести оборонительные и наступательные действия. В этой ситуации командующий фронтом должен был мгновенно реагировать на резкие и частые изменения обстановки, успевать наращивать усилия наступавших войск, заботиться о надежности внутреннего и внешнего фронтов окружения.

Немцы, пытаясь извне пробиться к окруженным, нанесли мощный танковый удар по 27-й армии фронта Ватутина. Войск здесь было немного, и существовала реальная угроза прорыва. Конев, еще накануне предвидя такой оборот дела, пошел на смелый шаг: перебросил 5-ю танковую армию на стык с соседом и даже частично в его полосу действий. В ночь на 12 февраля на КП фронта позвонил Верховный Главнокомандующий и сообщил, что, по сведениям Ставки, окруженная группировка прорвала фронт 27-й армии и уходит к своим. На вопрос: «Вы знаете обстановку у вашего соседа?» Иван Степанович ответил: «Не

¹ Баграмян И.Х. Великого народа сыновья. С. 272.

беспокойтесь, товарищ Сталин. Окруженный противник не уйдет... Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и чтобы загнать противника обратно в котел, в этот район выдвинуты 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова и 5-й гвардейский кавкорпус Селиванова». Верховный Главнокомандующий одобрил инициативу Конева и, более того, — возложил на него общее руководство всеми войсками на внутреннем фронте окружения, привлекавшимися для уничтожения противника.

Чтобы получить наиболее благоприятные возможности для руководства операцией, Иван Степанович вылетел на КП 4-й гвардейской армии. Пять дней шли ожесточеннейшие бои, достигнув кульминации в ночь на 17 февраля. С наступлением утра была массированно применена артиллерия. Танкисты генерала П.А. Ротмистрова громили неприятельские колонны, находившиеся на марше, а кавалеристы генерала А.С. Селиванова в лихих сабельных атаках уничтожали гитлеровцев, пытавшихся небольшими группами низинами просочиться через кольцо окружения.

В финале Корсунь-Шевченковской операции наиболее ярко проявилось умение Конева определить критический момент сражения. Подкрепленное настойчивостью и волей, оно и привело к победе. Итог оказался более чем впечатляющим: противник потерял свыше 55 тысяч солдат и офицеров убитыми, почти 20 тысяч пленными. Были созданы условия для полного освобождения Правобережной Украины. Соразмерной успеху оказалась и награда полководцу: 20 февраля 1944 г. Иван Степанович получил звание Маршала Советского Союза, кстати, первым из командующих фронтами в годы войны.

Увы, по заслугам оценив одного командующего, Сталин явно обидел другого — Н.Ф. Ватутина. Как недоверие к себе воспринял Николай Федорович решение Ставки отстранить войска 1-го Украинского фронта от уничтожения корсуньской группировки врага. Более того, ему и его вой-

скам было отказано даже в добром слове: когда 18 февраля был озвучен приказ Верховного Главнокомандующего и дан салют в честь победителей под Корсунь-Шевченковским, о войсках 1-го Украинского фронта даже не упомянули.

«Должен сказать, — писал по этому поводу маршал Жуков, — что И.В. Сталин был глубоко не прав, не отметив в своем приказе войска 1-го Украинского фронта, которые, как и воины 2-го Украинского фронта, не щадя жизни, героически бились с вражескими войсками там, куда направляло их командование фронта и Ставка. Независимо от того, кто и что докладывал И.В. Сталину, он должен был быть объективным в оценке действий обоих фронтов»¹.

Разрабатывая в июне 1944 г. план следующей, Львовско-Сандомирской операции, Конев предложил нанести два удара примерно равной силы на львовском и рава-русском направлениях. Несмотря на первоначальные резкие возражения со стороны Сталина, маршалу удалось отстоять свою позицию, а затем переплавить план в победу. На поле боя тонкий расчет Конева предстал во всей красе. Когда на рава-русском направлении войска 1-го Украинского фронта продвинулись гораздо дальше на запад, чем в районе Львова, он незамедлительно повернул часть сил, наступавших на Раву-Русскую, к юго-западу — в тыл оборонявшим Львов войскам противника. Такой маневр позволил куда быстрее, чем намечалось, разгромить противостоящую группировку врага. В дальнейшем наши войска, наступая на сандомирском направлении, форсировали Вислу и захватили важнейший плацдарм.

Львовско-Сандомирская операция — яркий, поучительный пример стратегической операции, проведенной силами одного фронта. Осуществляя ее, командующий 1-м Украинским фронтом проявил завидную прозорливость и выдержку. В июле—августе 1944 г. неодно-

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 3. С. 113.

кратно возникали такие острые моменты, когда требовалось привлечь максимально возможные силы, но Конев упорно отклонял все предложения и просьбы еще до подхода к Висле ввести в дело главный резерв — 5-ю гвардейскую армию. Он предугадывал, что ее крайняя надобность возникнет после форсирования реки. Предвидение Ивана Степановича оправдалось полностью. Переправившиеся через Вислу советские войска подверглись контрудару очень мощной группировки противника. Лишь участие в борьбе за Сандомирский плацдарм гвардейцев-танкистов позволило поредевшим в боях соединениям фронта сохранить Сандомирский плацдарм. По завершении этой блестящей операции на груди Конева засияла первая «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

«У нашего командующего удивительная память. И особый дар видеть поле сражения, — считал, например, генерал армии И.Е. Петров, бывший в конце войны начальником штаба 1-го Украинского фронта. — Есть шахматисты, которые могут играть, не глядя на доску: вся доска, расположение фигур у них в уме. Так и он может представить себе расстановку частей, не глядя на карту. И даже точно сказать, что против них стоит и на какой местности... Со стороны можно подумать, что наш маршал как азартный игрок второпях бросает на стол все свои козыри. А вдруг неприятель контрударом залатает прорыв, и танки окажутся, как изволят выражаться наши враги, в мешке. Так это, может быть, и выглядит, если смотреть со стороны. Но мы-то, штабники, видим кулисы, мы знаем, что происходит за сценой до того, как поднимется занавес. Тут Иван Степанович работает, как бухгалтер. Умело и точно все подсчитывает. Все как есть. И возможности транспорта, и снабжение, учитывает даже характер своих командиров и командиров противника. Только когда

все рассчитано, расставлено, подвезено, тогда и отдается приказ о наступлении»¹.

Особенно любопытно не просто анализировать особенности полководческого почерка Конева, но делать это в сравнении со стилем управления войсками маршалом Г.К. Жуковым. Обладая, по оценке А.М. Василевского, близкими по настойчивости и силе воли характерами, Жуков и Конев были не только боевыми товарищами, но и нередко соперничали друг с другом. Как, например, в Берлинской операции.

Именно силами их фронтов — 1-го Белорусского (Жуков) и 1-го Украинского (Конев) осуществлялось покорение немецкой столицы. На подступах к ней верховное командование вермахта сосредоточило крупнейшую группировку из четырех армий в составе не менее 90 дивизий — около 1 миллиона солдат и офицеров, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов, 10,4 тысячи артиллерийских орудий и минометов. С востока, на направлении действий советских войск, Берлин был прикрыт тремя мощными линиями обороны, первая из которых проходила по Зееловским высотам — естественному рубежу, имевшему крутые скаты и до предела насыщенному всевозможными долговременными инженерными сооружениями.

В конце марта для доклада о готовности к операции Жуков и Конев, только что получивший высший полководческий орден «Победа», были вызваны в Ставку. Естественно, им трудно было отрешиться от мысли, кто первый ворвется в Берлин. Нашим прославленным маршалам так же, как и простым смертным, не была чужда страсть к соперничеству. Тем более что к этому их побуждал сам Сталин.

По канонам военного искусства, ставя задачу подчиненным, начальник, помимо всего прочего, обязан назвать соседа справа и слева, а также указать линию разграничения,

¹ Красная звезда, 1995, 8 февраля.

чтобы каждый ясно представлял себе обстановку и выполнял только свой маневр, не допускал как неприкрытых стыков с соседями, так и перемешивания боевых порядков. Но, поставив задачу 1-му Белорусскому фронту охватить Берлин с севера, а 1-му Украинскому — с юга, дабы замкнуть кольцо окружения западнее столицы рейха, Сталин пренебрег этим требованием. Почему, с какой целью?

В мемуарах на этот вопрос попытался дать ответ маршал Конев: «Ведя эту линию карандашом, Сталин вдруг оборвал ее на городе Люббен (60 км юго-восточнее Берлина. — *Ю.П.*)... Разграничительная линия была оборвана примерно там, куда мы должны были выйти к третьему дню операции. Далее (очевидно, смотря по обстановке) молчаливо предполагалась возможность проявления инициативы со стороны командования фронтов... Были ли в этом обрыве разграничительной линии на Люббене негласный призыв к соревнованию фронтов? Допускаю такую возможность. Во всяком случае, не исключаю ее»¹.

Дальнейшие события лишь подтвердили правоту такого допущения. Поскольку 1-й Белорусский фронт не смог, как планировалось, уже в первый день (16 апреля) взломать главную полосу обороны противника, инициатива перешла к 1-му Украинскому. Противостоящая ему оборона немцев оказалась значительно слабее, поэтому войска здесь могли наступать быстрее. Конев в свойственном ему духе потребовал от подчиненных командующих 3-й и 4-й танковыми армиями генералов П.С. Рыбалко и Д.Д. Лелюшенко не ввязываться в затяжные бои, а решительно обходить вражеские опорные пункты: «Стремление только вперед. Наши войска должны быть в Берлине первыми, они это могут сделать и с честью выполнить приказ великого Сталина».

¹ Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 378.

К утру 19 апреля, перемолов основные силы обороняющихся на Зееловских высотах, уже и войска маршала Жукова получили возможность стремительно рвануться к фашистской столице. Соперничество командующих перешло в новую фазу, борьба развернулась уже не за выигранные дни, а буквально за часы¹.

20 апреля в 19 часов 40 минут Конев отдал командующим танковыми армиями следующий приказ: «Войска маршала Жукова [находятся] в 10 км от восточной окраины Берлина. Приказываю обязательно сегодня ночью ворваться в Берлин первыми. Исполнение донести». В тот же день, но в 21 час 50 минут похожий приказ командующему 2-й гвардейской танковой армии генералу С.И. Богданову отдал уже Жуков.

Как не понять желание всех — от маршала до рядового солдата — быстрее добить врага в его логове! Но нездоровый дух конкуренции заставил даже многоопытного Жукова ставить подчиненным нереальные задачи. Ибо не только танкисты Богданова, но и весь 1-й Белорусский фронт в целом встретил на ближайших подступах к Берлину столь мощное сопротивление, что о вступлении даже в пригород говорить было преждевременно. Противостояние войскам Конева было слабее, поэтому именно из штаба 1-го Украинского фронта в Москву ушла первая телеграмма о вожденном успехе, пусть пока и частичном. 22 апреля в 22 часа Сталину было доложено, что 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко передовыми бригадами ворвалась в южную часть Берлина, ведет бои за Тельтов-канал и в центре района Ланквиз.

Перед соединениями обоих фронтов — 3-й гвардейской танковой армией (1-й Украинский) и 47-й общевойсковой армией (1-й Белорусский) Москва поставила задачу

¹ См.: *Ржевский О.А.* Взять Берлин! // Новая и новейшая история, 1995, № 4. С. 162—163.

соединиться в районе Бранденбурга, замкнув тем самым с запада кольцо окружения Берлина. Первыми городка достигли опять-таки подчиненные Конева, о чем было тут же доложено в Ставку. Азарт, охвативший командующего 1-м Украинским фронтом и подчиненных ему генералов, оказался настолько велик, что стал приносить уже вред.

Желая утвердить свое первенство — а как иначе объяснить последовавшие события? — танкисты генерала Рыбалко, форсировав Шпрее, оказались в тылу боевых порядков 8-й гвардейской армии генерала В.И. Чуйкова и 1-й гвардейской танковой армии генерала М.Е. Катукова, входивших в состав 1-го Белорусского фронта. Из-за возникшей путаницы добавились напрасные жертвы. Но лишь через два дня Конев поставил перед Жуковым вопрос о принятии совместных мер, чтобы прекратить возникшую неразбериху. Причем суть его предложений сводилась к тому, чтобы Жуков в одностороннем порядке изменил направления, по которым вели наступление армии Чуйкова и Катукова.

Получив обращение Конева, Жуков направил доклад Сталину. Сообщив, что «наступление частей Конева по тылам 8 гв. А и 1 гв. ТА создало путаницу и перемешивание частей, что крайне осложнило управление боем», он просил установить четкую разграничительную линию между войсками фронтов или даже «разрешить мне сменить части 1-го Украинского фронта в г. Берлине». Как видим, это радикально отличалось от предложений Конева и может даже рассматриваться как попытка вывести того из «игры».

Но Ставка и сама поняла опасность сложившейся обстановки. Командующим фронтами была направлена директива о новой разграничительной линии. В соответствии с ней, в частности, Рыбалко должен был отвести подчиненные части из района Тиргартена, передав позиции войскам 1-го Белорусского фронта, что, как вспоминал Конев, вы-

звало у генерала-танкиста болезненную реакцию. Нелегко, очевидно, было примириться с вновь установленным порядком и самому Ивану Степановичу. Чего-чего, а недостатком честолюбия он, как и Жуков, никогда не страдал. Посылая 2 мая итоговое донесение в Ставку, он прибег к следующей формуле: войска 1-го Украинского фронта **совместно** (выделено мной. — *Ю.Р.*) с войсками 1-го Белорусского фронта овладели Берлином.

Вряд ли на это не обратил внимания адресат донесения — Сталин. Но на роль фронтов в общем успехе он имел свое мнение. В праздничном приказе Верховного Главнокомандующего по итогам боев за нацистскую столицу формулировка о вкладе фронтов была иной, по мнению военных историков, более объективной, а именно: войска 1-го Белорусского фронта овладели Берлином при содействии войск 1-го Украинского фронта.

Берлинская операция стала последней для Жукова, но не для Конева. В первых числах мая, когда над немецкой столицей уже полыхал кумач, в Чехословакии вспыхнуло антифашистское восстание. От потопления в крови пражан могла спасти лишь немедленная помощь советских войск.

Подготовка операции завершилась поистине молниеносно. Из-под Берлина в исходный район северо-западнее Дрездена войска 1-го Украинского фронта вышли за трое суток. Конев и штаб фронта использовали это время для разработки плана необычно динамичного и дерзкого маршманевра. 3-я и 4-я танковые армии генералов Рыбалко и Лелюшенко, выдвинувшись с двух находившихся за Эльбой плацдармов, стремительно перевалили Рудные горы и догнали войска группы армий «Центр», направлявшиеся к столице Чехословакии.

На рассвете 9 мая 1945 г. танки 1-го Украинского фронта победно загрохотали по мостовым Праги. В этот день Москва салютовала персонально коневцам. Другой, вечерний салют, знаменовал общую Победу.

По завершении войны маршал Конев в соответствии с фронтовыми заслугами прочно занял место в руководящем эшелоне Советских Вооруженных Сил. Около года прокомандовав Центральной группой войск в Австрии, он затем до 1960 г. был заместителем, первым заместителем министра обороны. Периодически эти посты сочетал с обязанностями главнокомандующего Сухопутными войсками и главного инспектора Советской Армии. Недолго стоял во главе Группы советских войск в Германии. Военскую службу, стаж которой к тому времени перевалил за полвека, он завершил в группе генеральных инспекторов Министерства обороны.

Такому послужному списку мог позавидовать любой военачальник. И у его обладателя были все основания считать свою жизнь прожитой не зря. Так оно, безусловно, и есть.

Но до конца дней Конева тяготило проявленное им малодушие, когда на октябрьском Пленуме ЦК КПСС 1957 г. Н.С. Хрущев осуществил политический расстрел Г.К. Жукова, обвинив бывшего министра обороны в бонапартизме. Тогда Иван Степанович не нашел в себе силы пойти против партийной линии. Презрев факт, что Георгий Константинович в октябрьские дни 1941 г. под Москвой спас его буквально от расстрела, Конев включился в недостойную кампанию по дискредитации своего фронтового товарища. Широкий резонанс имела его статья в «Правде», содержащая ряд несправедливых обвинений в адрес Жукова.

Увы, не в одном Коневе проявился этот парадокс: отвага, решительность и даже дерзость в противоборстве с противником — и недостаток гражданского мужества в дни мира во взаимоотношениях с партийными инстанциями.

Со ссылкой на бывшего порученца маршала не раз публиковалась информация о том, как много позднее Конев пытался повиниться перед опальным сослуживцем, но тот

категорически отверг эту попытку. Якобы на письме Ивана Степановича с покаяниями за слабодушие, Жуков размашисто написал: «Предательства не прощаю! Прощения проси у Бога!». Увидев жуковскую «резолюцию», Конев лишь удрученно произнес: «По-снайперски, прямо в сердце! И поделом...».

Некоторые детали в рассказе, правда, вызывают сомнения в такой концовке истории. Достоверно известно, что незадолго до кончины Конева (из них двоих он ушел из жизни раньше) военачальники нашли в себе силы помириться. Иван Степанович приехал к своему давнему другу-сопернику на дачу. Свидетелей их вполне мирной беседы не было, но можно предположить, что вспоминали они не только об «огнях-пожарищах» давней войны...

Л.А. Говоров: «Я ДОЛЖЕН БЫЛ БЫ СДЕЛАТЬ БОЛЬШЕ»

В последнем письме Леонида Александровича руководству страны, которое он продиктовал сыну, чуть ли не с чувством вины прозвучало: «Я должен был бы сделать больше, но сделал, что успел, что смог...». И на больничной койке Говорову не изменили природная скромность, сдержанность, самокритичность. В свои неполные шестьдесят уходил человек, сделавший для Отечества столько, на сколько большинству не хватило бы и нескольких жизней.

Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, кавалер ордена «Победа»... Много в судьбе Говорова было уникальным, отличавшим его даже в ряду самобытнейших людей, каковыми предстают маршалы Великой Отечественной. Достаточно сказать, что он был одним из считанных «долгожителей» в роли командующего войсками фронта: из 46 месяцев, что длилась война, он занимал этот пост более 36. И уж совсем уникальный случай: он не «из-

менил» этому фронту (да какому — Ленинградскому!) ни разу.

А ведь начинал Говоров отнюдь не как общевойсковой командир. Наоборот, он словно от рождения был предназначен стать артиллерийским начальником. Военную службу начал в декабре 1916 г.: юнкер, младший офицер батареи. По той же стезе Говоров пошел и в Красной Армии, в которую вступил в январе 1920 г.: командир дивизиона, помощник начальника, начальник артиллерии дивизии, командир артиллерийского полка. Отличился в боях на каховском плацдарме, участвуя в середине октября 1920 г. в отражении самой крупной танковой атаки белых за всю Гражданскую войну. Был дважды ранен. Удостоился ордена Красного Знамени.

С максимальной пользой использовал в целях учебы мирные будни. «Показал себя во всех отношениях весьма способным командиром. Обладает сильной волей, энергией, инициативой. Техническая подготовка как артиллериста безукоризненна». «В тактическом отношении является отлично подготовленным и во всякой обстановке умеет разобраться. Склонен к самостоятельному принятию решений без боязни ответственности... Наиболее склонен к строевой артиллерийской работе. Для старшего общевойскового начальника явится надежным сотрудником и ценным помощником». «...Показал практические и теоретические знания артиллерии и общей тактики отличные. Отлично знает огневое дело и методы точной стрельбы... Требователен к подчиненным, но вместе с тем чуток и внимателен. Хороший организатор», — отзывались о нем прямые начальники¹.

Начав с командования артдивизионом, он все время, что называется, рос над собой, много и напряженно учился.

¹ Киселев А. Маршал Советского Союза Леонид Говоров // Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Вып. 1. М., 1971. С. 113.

С декабря 1929 г. будущий маршал — начальник артиллерии стрелкового корпуса, укрепрайона, начальник отделения в артиллерийском отделе штаба Киевского военного округа, старший преподаватель кафедры тактики Артиллерийской академии Красной Армии им. Ф.Э. Дзержинского, заместитель генерал-инспектора артиллерии Главного артиллерийского управления РККА (по май 1941 г.).

К началу Великой Отечественной войны Говоров был одним из наиболее образованных командиров в Красной Армии, выгодно отличаясь от некоторых весьма крупных военачальников, которые хоть и достигли высоких постов, но сохраняли кругозор не шире фельдфебельского. Леонид еще в 1916 г. окончил 7 классов реального училища, затем год учился в политехническом институте, позднее — в артиллерийском училище в Петрограде. В 1926 г. окончил артиллерийские курсы усовершенствования комсостава, в 1930 г. — Высшие академические курсы при Военной академии им. М.В. Фрунзе, а через три года — оперативный факультет той же академии. Наконец в 1938 г. получил диплом об окончании главного учебного заведения военного профиля — Академии Генерального штаба РККА.

Кроме того, он самостоятельно изучил немецкий язык и сдал экзамен, дававший право трудиться военным переводчиком. Испытал себя на педагогическом поприще, преподавал тактику в артиллерийской академии. Работал, прихватывая ночные часы, над диссертацией. В 1939 г. увидел свет его научный труд, раскрывавший тактические приемы прорыва укрепленного района.

Соответственно, рос в должности, мужал как артиллерийский начальник. В 1940 г. во время войны с Финляндией Говоров испытал себя в должности начальника штаба артиллерии 7-й армии. Здесь он, воплощая в жизнь теорию, которую развивал в научном труде, многое сделал для артиллерийского обеспечения прорыва линии Маннергейма. Великую Отечественную он встретил генерал-майором

артиллерии на посту начальника Военно-артиллерийской академии.

С началом войны Леонид Александрович возглавил артиллерию Западного стратегического направления, а затем Резервного и Западного фронтов. Да, видно, тесна стала ему артиллерийская «кольчужка». Когда в ходе битвы под Москвой ранило командарма 5-й общевойсковой армии генерала Д.Д. Лелюшенко, на его место командующий Западным фронтом генерал армии Г.К. Жуков выдвинул именно Говорова. И не ошибся. Самобытный почерк нового командующего сказался тут же. Пехоты в армии было мало, артиллерии — всего несколько дивизионов. А враг наседал, гнал вперед танки. Командарм нашел выход в создании противотанковых резервов: обороняющуюся пехоту поддерживал маневром противотанковых дивизионов. И немцев сдержал. Вполне закономерным был вывод Жукова, который 28 января 1942 г. отмечал в боевой характеристике: «Тов. Говоров — твердой воли, требовательный, энергичный, храбрый и организованный командующий войсками армии...»¹.

В июне 1942 г. генерал-лейтенант артиллерии Говоров принял на себя командование войсками Ленинградского фронта. «Впечатление от первых встреч с новым командующим было разное, — вспоминал бывший начальник инженерных войск фронта Б.В. Бычевский, — но все сходилось в одном: Говоров не терпит поверхностности ни в мышлении, ни в знаниях, ни в деятельности и резко, в лицо высказывает свою оценку или мнение. А слушать умеет внимательно.

Сразу и жестко он стал требовать от каждого подчиненного точного и конкретного знания обстановки в своей области работы и, в свою очередь, с методической скрупулезностью изучал и брал под контроль разрешение каждой

¹ Маршалы Советского Союза. Личные дела рассказывают. С. 28.

проблемы, возникавшей в войсках и блокированном городе после тяжелой голодной зимы»¹.

А их было бесчисленное множество. В первую очередь предстояло нейтрализовать систематические обстрелы города на Неве. Детально изучив сосредоточение осадной артиллерии противника, Говоров поддержал идею активной контрбатарейной борьбы, выдвинутую генералом Г.Ф. Одинцовым, его заместителем по артиллерии. Для ведения такой борьбы из разрозненных полков и групп специально создали артиллерийский корпус. Командующий лично рассматривал и утверждал планы действий по разгрому вражеских батарей. Вначале аэрофоторазведкой и всеми видами войсковой разведки уточнялось их месторасположение, затем проводилась пристрелка целей. И вот уже метко разили их наша артиллерия и авиация.

Постепенно огневое и тактическое превосходство перешло на сторону Ленинградского фронта. Но одна оборона, как бы мастерски она ни была выстроена, не способна обеспечить победу. И Леонид Александрович пришел, казалось бы, к немыслимому для блокированного города решению: придать обороне максимально активный характер. Для этого он задумал создать из сил, замкнутых вражеским кольцом, ударную (!) группировку для проведения крупной операции. «Идея удара из осажденного города, — вспоминал впоследствии маршал, — рождала могучий наступательный порыв, давала в руки советских войск мощный фактор — оперативную внезапность».

Этот план командующий методично и настойчиво проводил в жизнь. В течение лета и осени 1942 г. удалось, не нарушая устойчивости обороны, вывести из первого эшелона семь стрелковых дивизий. Забегая вперед, скажем, что созданная из них ударная группировка сыграла клю-

¹ Бычевский Б.В. Маршал Говоров. М., 1970. С. 60.

чевую роль при осуществлении операции «Искра» по прорыву блокады Ленинграда.

Главный удар Говоров задумал нанести по наиболее слабому участку обороны противника. Ударной группировке предстояло прорвать ее под ожесточенным вражеским огнем и наступать в направлении поселка Синяино, где предполагалось соединение с войсками Волховского фронта. Прежде чем атаковать первую траншею врага, требовалось преодолеть покрытое льдом русло Невы шириной до 800 м и подняться на ее обрывистый левый берег. Задача была невероятной трудности.

Вот где особенно сказались качества Леонида Александровича: основательность, пунктуальность, строгий расчет. Он потребовал от подчиненных командиров не допускать никакого экспромта, никакой приблизительности, точно знать все особенности местности, целей, которые надо уничтожить на участке прорыва. Что говорить, если комфронтом лично вел расчет времени, необходимого на преодоление водной преграды, достижение тех или иных рубежей в глубине обороны противника. На полную мощь работала разведка.

Одновременно в тылу шли напряженные учения, тренировки, штабные занятия. «Вскрыть в ходе подготовки к сражению до мелочей весь объем действий каждого командира и его штаба на каждом этапе боя. Отрабатывать эти действия шаг за шагом», — так сжато и емко сформулировал Говоров их цель¹.

Операция началась утром 12 января 1943 г. после мощной артиллерийской подготовки. Семь суток с неослабевающим упорством наступали войска Ленинградского фронта навстречу пробивавшимся из-за Ладоги частям Волховского фронта. 18 января они встретились, 16-месячная

¹ Цит. по: *Светлишин Н.А.* Орден «Победа» — полководцам. М., 1988. С. 95.

блокада была прорвана. Впервые в истории современных войн осажденные войска при поддержке извне сумели разгромить противника, блокировавшего их в течение длительного времени. Генерал-полковник Говоров (это звание он получил 15 января 1943 г.) был награжден полководческим орденом Суворова I степени.

Шаблонные решения были ему органически чужды. Если не бояться пафоса, то Леонид Александрович, благодаря таланту и неустанной работе над собой, впитав всю мудрость отечественной военной мысли, оказался одним из самых успешных учеников в полководческой школе, почитавшей Суворова и Кутузова, Брусилова и Фрунзе.

Это о нем, познакомившись с генералом в период Московской битвы, отзывался писатель Илья Эренбург: «Л.А. Говоров был настоящим артиллеристом, то есть человеком точного расчета, ясной и трезвой мысли... Он очень любил Ленинград, и было в нем что-то от классического ленинградца — сдержанность, хорошо скрытая страсть... В холодной избе возле Можайска я увидел не бравого вояку, а, скорее, математика или инженера, хорошего русского интеллигента»¹.

Говоров хорошо понимал, что полководческий успех предопределяется не слепым следованием канонам военного искусства, но творческим их применением в конкретных условиях. Если в ходе операции «Искра» он осуществил прорыв обороны противника на самом слабом ее участке, то в Ленинградско-Новгородской операции (январь—март 1944 г.), наоборот, — на наиболее сильном.

Удар со стороны Ленинграда командующий фронтом, ставший к тому времени генералом армии, задумал нанести в сочетании с одновременным встречным ударом со стороны Ораниенбаумского плацдарма. Предстоящее наступление требовало от войск особенно тщательной подготовки,

¹ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. В 3 т. Т. 2. М., 1990. С. 255—256.

учитывая условия местности (лес, большое число водных преград, болота) и мощную оборону, организованную противником за несколько лет. В течение двух с половиной месяцев Леонид Александрович повседневно контролировал ход тренировок, которые специально организовывались на местности, схожей с той, которую занимал противник, лично проводил занятия с командирами всех степеней. Удалось скрытно перебросить на плацдарм 5 стрелковых дивизий, 13 артиллерийских и минометных соединений и частей, несколько танковых полков. Имитация подготовки наступления на одном из второстепенных участков фронта позволила скрыть истинные намерения командования.

14 января 1944 г. соединения 2-й ударной армии с Ораниенбаумского плацдарма и 42-й армии от Пулковских высот нанесли встречные удары по сходящимся направлениям. Уже к 27 января блокада Ленинграда была полностью ликвидирована. А к весне войска Ленинградского фронта продвинулись на запад почти на 300 км.

«Отличительными чертами Л. Говорова как полководца были его огромное самообладание, спокойствие и хладнокровие в самой сложной и напряженной обстановке, — считает генерал армии М.А. Гареев. — С самого начала командования войсками фронта он внес в управление плановость, систематичность и высокую организованность... не допускал дергания подчиненных, спонтанных рывков и бесконечных изменений в своих решениях, что нередко на войне было большим бедствием, строго пресекал всякую нервозность, ненужную управленческую суету... Его высокая требовательность и строгость сочетались с исключительной корректностью в обращении с подчиненными»¹.

Выборгская операция в июне 1944 г. открыла новые грани полководческого таланта Говорова. Он принял нестандартное решение нанести удар по укреплениям про-

¹ *Гареев М.А.* Полководцы Победы и их военное наследие. С. 198.

тивника, отличавшимся особой мощью, не перед самим наступлением, а за день до его начала. На первый взгляд, поступить так — значило раскрыть врагу свои намерения. Но поскольку без предварительного разрушения укреплений внезапность все равно не дала бы наступающим особых преимуществ, военачальник решил рискнуть. И этот риск полностью себя оправдал. Всего через десять дней после начала операции войска Красной Армии овладели Выборгом. А на плечи командующего Ленинградским фронтом закономерно легли погоны Маршала Советского Союза.

По приказу Ставки на заключительной стадии Рижской операции с 1 октября 1944 г. Говоров одновременно координировал действия своего, а также 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. Стратегические успехи полководца 31 мая 1945 г. были заслуженно отмечены высшим орденом «Победа».

В памяти знавших его он остался неулыбчивым, сосредоточенным, сдержанным. Его сын Владимир Леонидович вспоминал, что рассказывали об отце солдаты: «Суровый у нас командующий. Один раз видели что-то вроде полуулыбки на его лице — это когда ему сообщили о присвоении маршальского звания, и все».

Шло это не только от напряженной внутренней работы, не прекращавшейся ни на минуту, не только от неудовлетворенности собой, свойственной любому творческому человеку. Многие годы над Леонидом Александровичем, безусловно, психологически довлело и то обстоятельство, что он в 1919 г. был мобилизован в колчаковскую армию. И пусть там служил он лишь младшим офицером батареи и всего неполные два месяца, после тридцать седьмого года головы лишались и не за такое.

Внешне политическое руководство страны относилось к нему благожелательно, о «грехах» в открытую не напоминало. Более того, в партию, например, он был принят в 1942 г. по решению ЦК ВКП(б) сразу, без прохождения

кандидатского стажа — случай по-своему уникальный. Подчас Верховный Главнокомандующий шел даже на проявление к нему какой-то отеческой заботливости. Когда в 1944 г. Говорову довелось докладывать Сталину на «ближней» даче в Кунцеве, тот перед прощанием взял со стола вазу с апельсинами и стал рассовывать их по карманам полководца: «Берите, берите, у вас в Ленинграде витаминов нет...».

Но одно дело фрукты, а другое — боевая техника. В период подготовки операции по полному снятию блокады Ленинграда Говорова для доклада вызвали в Ставку. Командующий фронтом попросил у Сталина некоторое количество танков. Но Верховный, ссылаясь на подготовку к Белорусской стратегической операции, отказал. Говоров продолжал настаивать, убеждая, что опирается на расчеты и лишнего не просит, только крайне необходимое. Тогда Сталин подошел к столу, взял стоявший там макет танка и вручил Леониду Александровичу: просите танки — получите. До сих пор этот макет с дарственной надписью от 5-й гвардейской танковой армии хранится в семье сына маршала.

После Великой Отечественной войны знания и опыт Говорова были востребованы сполна. Около года покомандовав войсками Ленинградского военного округа, Леонид Александрович стал главным инспектором Вооруженных Сил СССР, а в октябре 1947 г. стал одновременно и заместителем министра Вооруженных Сил.

В этом качестве он возглавил комиссию по определению путей развития Войск ПВО, созданную решением ЦК ВКП(б). Инициатива, как известно, часто наказуема: предложенную Говоровым программу И.В. Сталин поручил претворять в жизнь именно ему. В июле 1948 г., сохранив за собой прежний пост, маршал стал командующим Войсками ПВО страны.

Войска ПВО были выведены из-под подчинения командующего артиллерией Советской Армии и получили статус самостоятельного вида Вооруженных Сил СССР. Правительство утвердило комбинированную схему организации противовоздушной обороны. На командующего Войсками ПВО страны была возложена ответственность только за оборону внутренней территории (тыла). За ПВО приграничной территории отвечали командующие войсками соответствующих военных округов, для чего в их подчинение передавались необходимые силы и средства ПВО. Соответственно расформировывались округа, армии и корпуса ПВО, и вместо них создавались районы ПВО.

Под руководством маршала Говорова были оперативно разработаны основы боевого применения создаваемых районов ПВО как общевойсковых оперативных объединений, состоящих из соединений и частей двух основных родов войск — истребительной авиации и зенитной артиллерии, а также специальных частей — воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС), прожекторных и других. Создание новой системы ПВО страны должно было завершиться не позднее 1950 г.

Командующий ориентировал подчиненных на то, чтобы операциям стратегических ВВС противника, планируемыми против тыловых объектов нашего государства, противопоставлялись воздушные оборонительные операции Войск ПВО страны. Добиваясь этого, Леонид Александрович первостепенное внимание уделял перевооружению вверенного ему вида ВС и подготовке кадров для новых формирований. Истребительная авиация переходила на реактивные самолеты первого поколения МиГ-9, Як-15, Ла-15, зенитная артиллерия — на новые 37, 57, 100 и 130-мм зенитные артиллерийские комплексы. Качественный скачок претерпело вооружение войск ВНОС, куда стали поступать первые РЛС сантиметрового диапазона П-20, а также

РЛС обнаружения самолетов и наведения истребительной авиации П-3.

В мае 1950 г., учитывая сохраняющееся отставание средств ПВО от новых возможностей авиации противника, Говоров направляет в правительство предложения об ускорении процесса перевооружения Войск ПВО. Уже в августе было принято решение о создании зенитной ракетной обороны Москвы, причем развертывание первых частей началось еще до завершения испытаний опытных образцов системы ПВО.

В июле 1952 г. Леонид Александрович оставляет пост командующего генерал-полковнику Н.Н. Нагорному, а сам переходит на должность заместителя военного министра (так тогда называлась должность министра обороны) по боевой подготовке, с апреля 1953 г. он становится одновременно главным военным инспектором.

Но уже через два года обстановка заставила политическое руководство страны вновь привлечь маршала Говорова к решению острых проблем ПВО. В конце мая 1954 г. Совет Министров СССР принял сразу два постановления «О безнаказанных полетах иностранных самолетов над территорией СССР» и «Об обеспечении Войск ПВО страны новой техникой». Потолок американских самолетов-разведчиков превышал возможности отечественных зенитных ракетных комплексов, и для изменения положения, естественно, потребовались самые кардинальные меры. Прежде всего Войска ПВО укрепили руководящими кадрами. На вновь учрежденную должность главнокомандующего Войсками ПВО страны — заместителя министра обороны СССР был назначен маршал Л.А. Говоров, на должность его первого заместителя — генерал армии С.С. Бирюзов.

С новой силой пошел процесс наращивания боевой готовности сторожей неба. Для борьбы с носителями ядерного оружия и скоростными высотными самолетами вероятного противника на вооружение истребительной авиации

ПВО стали поступать всепогодные сверхзвуковые реактивные истребители-перехватчики с ракетным оружием, развертывались части зенитных ракетных войск, готовилась к приему на вооружение система ПВО Москвы С-25, завершалось создание радиотехнических войск ПВО как рода войск противовоздушной обороны. Ранее созданные районы противовоздушной обороны расформировывались, возрождались округа, армии, корпуса и дивизии ПВО.

Работы, как всегда, был непочатый край. Но увидеть ее результаты, образно говоря, взять в руки обломки американских самолетов-шпионов, сбитых его подчиненными, маршалу не довелось. 19 марта 1955 г. Леонида Александровича не стало.

Многолетняя служба Л.А. Говорова была отмечена государством высоко. Но власть не только награждала маршала, но, случалось, и не щадила его. Именно Говоров был назначен председательствующим на несправедном «суде чести» в январе 1948 г. над группой адмиралов во главе с Н.Г. Кузнецовым. Бывшего главкома ВМФ и его подчиненных обвинили в незаконной передаче союзникам парашютной торпеды, некоторых образцов боеприпасов и нескольких навигационных карт. Адмиралы пытались доказать судьям, что в их действиях отсутствовал состав преступления, ибо никакого секрета ни торпеда, ни карты не представляли. Однако не забудем: в стране шла кампания борьбы с «низкопоклонством перед Западом», и верховная власть решила примерно наказать адмиралов.

«Во главе этого дела, — вспоминал позднее Н.Г. Кузнецов, — был поставлен маршал Л.А. Говоров. Порядочный человек, но “свое суждение иметь” не решился и по указке Булганина, где можно, сгущал краски». В итоге «суд чести» сменился судом уголовным. Военная коллегия Верховного суда СССР признала адмиралов виновными. Н.Г. Кузнецов был снижен в воинском звании на три ступени до контр-

адмирала, а другие подсудимые получили различные сроки тюремного заключения.

«Все “судьи” этого знаменитого “суда чести” впоследствии не раз встречались и доказывали, что они были вынуждены так поступить. Передача же дела в Военную коллегия от них, дескать, не зависела, но они, конечно, — вынес уже свой приговор адмирал Кузнецов, — сделали все от них зависящее, чтобы угодить начальству. Главный “судья” — маршал Говоров, уже будучи больным, в Барвихе при встрече со мной без всякого повода с моей стороны сказал мне, что он понимал, что дело раздуто искусственно, правда, не сказал кем»¹.

А какую зарубку на сердце Говорова оставило так называемое «ленинградское дело» 1949 года! Ведь под секиру репрессий попали люди, с которыми он пережил и блокаду, и радость от ее изъавления, и гордость за окончательную победу, — бывший секретарь Ленинградского горкома партии А.А. Кузнецов, председатель горисполкома П.С. Попков...

Не будь этих зарубок, наверное, не остановилось бы сердце выдающегося полководца столь рано, в 58 лет. Но, уходя, Леонид Александрович оставил не только добрую память о себе. Свое дело он, словно эстафету, передал сыну — Владимиру Леонидовичу. Пройдя Великую Отечественную войну командиром взвода, батареи на Ленинградском и 2-м Прибалтийском фронтах, В.Л. Говоров позднее стал генералом армии, командующим войсками Московского военного округа, а завершил службу в должности заместителя министра обороны СССР — начальника Гражданской обороны. Вплоть до своей кончины Говоров-младший возглавлял Российский комитет ветеранов войны и военной службы.

Подобных примеров преемственности наша военная история после 1917 г. не знает.

¹ Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. С. 25.

К.К. Рокоссовский:
«ВАРШАВА — МОЙ РОДНОЙ ГОРОД»

Хмурый рассвет вставал 24 июня 1945 г. над Москвой. Накапывал мелкий дождь: природа словно оплакивала миллионы павших в лишь недавно завершившейся войне. Готовые к Параду Победы, на гранитной брусчатке Красной площади выстроились сводные полки фронтов и Военно-Морского Флота. 10.00. Куранты Спасской башни мерно отсчитывают мгновения. С десятым ударом над площадью раздается команда «Смир-но-о!..» От Мавзолея и Спасской башни устремляются навстречу друг другу два всадника. Командующий парадом Маршал Советского Союза Рокоссовский — на вороном скакуне, принимающий парад Маршал Советского Союза Жуков — на белом. К ним прикованы замороженные взоры присутствующих на площади. Дробь копыт резко обрывается, и в мгновенно наступившей тишине звучит рапорт командующего парадом.

Последние слова Рокоссовского тонут в торжественных звуках сводного оркестра-гиганта, объединившего 1400 музыкантов. И вот уже всадники вместе направляются к построившимся для парада войскам. Молодцеватые (каждому нет и пятидесяти), красивые, внушительные, посадка выдает врожденных кавалеристов. Это был их триумф — двух виднейших полководцев Великой Отечественной.

Вечером 25 июня в Кремле состоялся прием участников парада. В своей здравнице Рокоссовский не смог (и как это понятно!) обойтись без возвышенного слога: «Командование Парадом Победы я воспринял как самую высокую награду за всю свою многолетнюю службу в Вооруженных Силах». Но каким же тернистым был путь к ней, этой награде.

Жизненный путь Рокоссовского определила Первая мировая война. Он словно родился профессиональным во-

енным — смелым, решительным, волевым. Призванный в первые же дни в 3-й драгунский Каргопольский полк, юноша прослужил в нем рядовым, а затем младшим унтер-офицером вплоть до Октябрьского переворота 1917 г. Был удостоен Георгиевского креста — награды исключительно высокой, дававшейся за конкретные ратные подвиги.

С добровольного вступления в Красную гвардию начался полувековой боевой путь Константина Константиновича в Советских Вооруженных Силах. Вот описание одного из боевых эпизодов, в котором участвовал молодой красный командир и за отличие в котором получил первый орден Красного Знамени: «4 ноября 1919 года в бою под селом Вакоринским... тов. Рокоссовский, действуя в авангарде 262-го стрелкового полка и непосредственно управляя вверенным ему дивизионом, прорвал расположение численно превосходящего противника. В конном строю с 30 всадниками атаковал батарею противника и, преодолев упорное сопротивление пехотного прикрытия, лихим ударом взял батарею в плен в полной исправности».

Рокоссовский отличался отменной личной выучкой. Именно она выручила его при взятии станции Караульная, когда в бою он столкнулся с генералом Воскресенским, командиром одной из колчаковских дивизий. Генерал из пистолета тяжело ранил красного командира в плечо, но Константин Константинович сумел, тем не менее, поразить противника сабельным ударом.

Еще одно ранение, на сей раз в ногу, Рокоссовский получил в бою с отрядом барона Унгерна, вторгшегося в Забайкалье с территории Монголии (за этот бой он был удостоен второго ордена Красного Знамени). Наконец, в 1929 г. во главе кавалерийской бригады он участвовал в разгроме китайских милитаристов во время конфликта на КВЖД, получив третий орден Красного Знамени.

Командир эскадрона, кавалерийского полка, кавбригады — Рокоссовский не миновал ни одной должностной

ступеньки, что для успеха последующей службы оказалось не менее важным, чем овладение теорией. А к учебе он, натура ищущая, творческая, тянулся всегда. В 1925 г. окончил ККУКС — Кавалерийские курсы усовершенствования командного состава в Ленинграде, а в 1929 г. — КУВНАС (Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава) при Военной академии им. М.В. Фрунзе.

«Константин Константинович выделялся своим почти двухметровым ростом. Причем он поражал изяществом и элегантностью, так как был необычайно строен и поистине классически сложен, — вспоминал его сокурсник Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян. — Держался он свободно, но, пожалуй, чуть застенчиво, а добрая улыбка, освещавшая его красивое лицо, притягивала к себе. Эта внешность как нельзя лучше гармонировала со всем душевным строем Константина Константиновича, в чем я вскоре убедился, крепко, на всю жизнь сдружившись с ним»¹.

По завершении учебы Рокоссовский был назначен командиром прославленной 7-й Самарской кавалерийской дивизии, дислоцировавшейся в Минске. Его предшественниками на этом посту были известные военачальники Н.Д. Каширин, Г.Д. Гай, Д. Сердич. А командиром одного из полков дивизии был Г.К. Жуков. Потом военачальники много воевали вместе, крепко дружили. В годы Великой Отечественной войны случались между ними и серьезные стычки, но тем объективнее кажется отзыв маршала Жукова о своем тогдашнем командире: «Ко мне он относился с большим тактом. В свою очередь, я высоко ценил его военную эрудицию, большой опыт в руководстве боевой подготовкой и воспитании личного состава»².

В мае 1936 г. Рокоссовский, удостоенный ордена Ленина за высокие достижения подчиненных соединений в боевой

¹ Баграмян И.Х. Великого народа сыновья. С. 86.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 152.

подготовке, стал командиром 5-го кавалерийского корпуса. Служба спорилась, но 17 августа тридцать седьмого последовал арест. Константина Константиновича обвинили в причастности к мифическому «военно-фашистскому заговору» в РККА.

Около трех лет Рокоссовского содержали во внутренней тюрьме УГБ НКВД Ленинградской области. Сполна хлебнул он лиха. «Били... Вдвоем, втроем, одному-то со мной не справиться! Держался, знал, что если подпишу — верная смерть», — поведал сам маршал на встрече со слушателями Военной академии им. М.В. Фрунзе в 1962 г.¹ Во время пыток ему выбили девять зубов, сломали несколько ребер. Но показаний арестованный не давал. Чтобы морально сломить его, тюремщики, по некоторым сведениям, дважды инсценировали расстрел. Какую же силу воли надо было иметь, чтобы остаться после этого самим собой. Только в марте 1940 г. дело было закрыто.

Дальнейшая судьба Рокоссовского решилась не без вмешательства нового наркома обороны С.К. Тимошенко, который с благословения И.В. Сталина предпринимал после войны с Финляндией лихорадочные меры по укреплению командного звена. Вчерашнему узнику предложили снова вступить в командование 5-м кавалерийским корпусом. А ведь он служил в этой должности еще в 1936—1937 гг. Сколько же времени прошло даром! За эти годы его бывший подчиненный Жуков вырос до генерала армии, командующего Киевским особым военным округом. А скольким потенциальным Жуковым и Рокоссовским вообще не довелось пережить 30-е годы!

Великую Отечественную войну генерал-майор Рокоссовский начал в должности командира 9-го механизированного корпуса, входившего в состав войск КОВО (с 22 июня 1941 г. Юго-Западного фронта). К началу боев корпус был

¹ *Свердлов Ф.Д.* Неизвестное о советских полководцах. М., 1995. С. 6.

почти полностью укомплектован личным составом, однако боевых машин (это были старые танки Т-26, БТ-5 и БТ-7) насчитывалось лишь треть положенных по штату. В отличие от многих других командиров, растерявшихся в неразберихе начала войны, вчерашний узник с первых же минут проявил решительность и способность твердо управлять имевшимися немногочисленными силами. Около 4 часов утра 22 июня он получил телефонограмму из штаба 5-й армии с предписанием вскрыть особый секретный оперативный пакет. Сделать это можно было только по распоряжению председателя Совнаркома СССР или наркома обороны, но командир корпуса, узнав, что связь с Москвой и Киевом нарушена, взял ответственность на себя.

В пакете содержалась директива немедленно привести корпус в боевую готовность и выступить в направлении Ровно, Луцк, Ковель. Быстро провели необходимую подготовку, но затруднения возникли с обеспечением автомашинами, горючим, боеприпасами. В обстановке непрерывных налетов немецкой авиации, при отсутствии связи с вышестоящими штабами ждать команды, что и где получать, Рокоссовский посчитал преступным. Он приказал вскрыть находившиеся неподалеку склады с боеприпасами и автопарк. Формально генерал превышал свои полномочия, учитывая, что склады были центрального подчинения. Где расписками, а где и угрозой применения оружия сопротивление интендантов было сломлено. Зато корпус действительно получил возможность для быстрого передвижения и, пройдя более 100 километров, сосредоточился северо-западнее Ровно. Это позволило остановить прорвавшиеся танки противника, оказать значительную помощь отходившим в тяжелой обстановке соединениям и выручить из беды окруженные врагом вблизи Луцка части 87-й и 124-й стрелковых дивизий.

В конце июня механизированный корпус Рокоссовского вместе с другими пятью мехкорпусами участвовал в

крупнейшем танковом сражении, развернувшемся в районе Луцк, Ровно, Дубно, Броды. В направлении Дубно, кроме соединения Рокоссовского, наступали 19-й и 22-й мехкорпуса. К сожалению, как отмечал позднее сам маршал, делалось это с большими издержками: «Никому не было поручено объединить действия трех корпусов. Они вводились в бой разрозненно и с ходу, без учета состояния войск, уже двое суток дравшихся с сильным врагом, без учета их удаленности от района вероятной встречи с противником»¹.

В разгар сражения немцы попытались окружить 20-ю танковую дивизию из состава корпуса Рокоссовского. Комкор приказал командиру дивизии поставить артиллерию — а это были новые 85-мм орудия — на прямую наводку. «Немцы накатывались большой ромбовидной группой. Впереди мотоциклисты, за ними бронемашин и танки, — вспоминал полководец. — ...Артиллеристы подпустили фашистов поближе и открыли огонь. На шоссе образовалась чудовищная пробка из обломков мотоциклов и бронемашин, трупов гитлеровцев. Но наступавшие вражеские войска продолжали по инерции двигаться вперед, и наши орудия получали все новые цели».

Позднее, так же умело сочетая усилия пехоты, артиллерии и небольшого количества танков, Рокоссовский сумел нанести противнику серьезный урон уже под Новоград-Волынским. Он был награжден четвертым орденом Красного Знамени. Сам по себе факт говорит о многом: ордена в первые месяцы войны давали очень скупно.

В разгар боев Константин Константинович приказом Ставки ВГК был назначен командующим армией на Западный фронт и, таким образом, встал в ряды непосредственных защитников советской столицы. Под Москвой, куда он прибыл 15 июля, ему предстояло возглавить одну из вновь

¹ *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 2000. С. 43.

создаваемых подвижных групп в составе нескольких танковых и стрелковых дивизий для действий на главном — смоленско-вяземском направлении. Предназначенные ему войска еще не прибыли, и командующий фронтом маршал Тимошенко приказал подчинять себе любые части и соединения для организации противодействия врагу.

В этих условиях многое зависело от личного примера. В один из первых дней боев Рокоссовский с командующим артиллерией группы генералом И.П. Камерой решили проконтролировать, как окопалась пехота. Неожиданно из-за гребня недалеко расположенных высот появились густые цепи вражеских солдат, а затем и танки. Наши бойцы дрогнули и стали отходить. Что было делать генералам — кричать, грозить оружием? Нет, они встали во весь рост, на виду у всех — рослые, несуетливые, видимые со всех сторон. И это оказалось самым действенным средством против паники.

В толпе бегущих сначала робко, а затем все увереннее зазвучали громкие возгласы:

— Стой! Куда бежишь?

— Не видишь? Генералы стоят. Назад!

Бойцы вернулись в свои окопы и дружным огнем обратили противника вспять. Константин Константинович по этому поводу говорил, что он не сторонник напускной бравады и рисовки. Эти качества не отвечают правилам поведения командира, но бывают случаи, когда необходимо встать выше правил.

Захватив Ярцево, танковые соединения Гота стремились продвинуться по шоссе к Вязме и одновременно развить наступление на юг к Ельне, в которую уже ворвались немецкие части. Группа Рокоссовского получила приказ командующего фронтом на наступление. В условиях безраздельного господства вражеской авиации она сумела овладеть Ярцевом и в течение нескольких дней отражала ожесточенные атаки танковых частей противника. 27 июля

Тимошенко доносил в Ставку: «Ярцево твердо удерживается Рокоссовским».

На следующий день советское командование сумело организовать контрудар, в отражение которого втянулись все части и соединения 3-й танковой группы врага. 1 августа одновременным ударом группы войск Рокоссовского с востока и частей 16-й и 20-й армий с запада фронт окружения в районе Смоленска был прорван. Начались бои по обеспечению вывода советских частей и соединений из окружения.

Это был крупный успех. Гитлер — впервые во Второй мировой войне (!) — был вынужден отдать группе армий «Центр» приказ о переходе к обороне. И хотя обстановка в районе Смоленска продолжала оставаться сложной, стало ясно, что, как справедливо заметил Рокоссовский в книге мемуаров, «гитлеровский план “молниеносной войны” за-трещал».

Установившееся относительное затишье нарушилось с рассветом 2 октября: противник, начавший генеральное наступление на Москву, нанес сильный удар на центральном участке обороны 16-й армии, во главе которой был поставлен Рокоссовский. Его здесь ожидали, поэтому враг был отброшен с большими потерями.

5 октября по приказу нового командующего фронтом генерала армии Г.К. Жукова Рокоссовский вместе со штабом переместился на волоколамское направление для организации обороны столицы в полосе от Московского моря на севере и до Рузы на юге. События развивались стремительно: 14 октября Константин Константинович прибыл в Волоколамск, а уже 16 октября враг нанес удар по левому флангу обороны армии.

Наши войска надежно перекрыли Ленинградское и Волоколамское шоссе, по которым противник прежде всего стремился прорваться к Москве. В течение двух недель армия сдерживала значительно превосходившие силы врага.

Командарм-16 создал на наиболее угрожаемых участках прочные противотанковые и артиллерийские очаги обороны, вынуждавшие врага прорывать все новые и новые позиции, применял имевшиеся у него танки не только против пехоты противника, но и сосредоточенно, для борьбы с вражескими танками. Оба шоссе и танкоопасные направления между дорогами были заминированы, были также взорваны шлюзы Истринского водохранилища, что сильно замедлило продвижение танковой группы врага. Именно в составе 16-й армии покрыли себя неувядаемой славой воины стрелковых дивизий: 316-й генерала И.В. Панфилова и 78-й — полковника А.П. Белобородова, танкисты генерала М.Е. Катукова, кавалеристы генералов Л.М. Доватора и И.А. Плиева.

27 октября под ударом многократно превосходящих сил врага, применившего 125 танков, пришлось оставить Волоколамск, но войска отошли на заранее подготовленный рубеж, по-прежнему перекрывая путь к столице.

На следующий день произошел эпизод, вызвавший крайнее возмущение Рокоссовского. В штаб армии прибыл генерал армии Жуков во главе специальной комиссии для расследования обстоятельств сдачи города. Константин Константинович был убежден, что никакой необходимости в подобном разбирательстве и примерном наказании виновных нет, и потому подчиненных в обиду не дал.

Надо сказать, что во время битвы под Москвой служебные отношения между двумя полководцами складывались уже иначе, чем раньше. Рокоссовский объяснял это так: «Главное, видимо, состояло в том, что мы по-разному понимали роль и форму проявления волевого начала в руководстве. На войне же от этого многое зависит»¹.

За этими размышлениями крылся принципиальный для понимания взаимоотношений Жукова и Рокоссовского

¹ *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 2000. С. 119.

эпизод, имевший место, когда во второй половине ноября бои приблизились к Истринскому водохранилищу. Командующий 16-й армией предложил отвести вверенные ему войска за водоем и оборону организовать там. Само водохранилище, река Истра и прилегающая местность представляли, на взгляд Рокоссовского, прекрасный рубеж, заняв который заблаговременно, можно было организовать прочную оборону, притом небольшими силами — такими доводами обосновывал командарм свое предложение. Но Жуков категорически запретил это делать. Состоялся очень тяжелый телефонный разговор. «Я вынужден был ему заявить, — вспоминал Рокоссовский, — что если он не изменит тона, то я прерву разговор с ним. Допускаемая им в тот день грубость переходила всякие границы»¹.

Столкнулись два характера, два взгляда на подобные критические ситуации. Как и Жуков, Рокоссовский не страдал отсутствием твердости, воли и целеустремленности. Но, настаивая на том, что высокая требовательность — необходимая и важнейшая черта военачальника, Константин Константинович тут же подчеркивал: железная воля должна непременно сочетаться с чуткостью к подчиненным, с умением опираться на их ум и инициативу. При этом полководец не только декларировал этот принцип, но и непременно руководствовался им, умел поправить подчиненного, не задевая его самолюбия и щадя авторитет.

Войска генерала Рокоссовского выстояли. А затем в составе фронта перешли 5 декабря в контрнаступление. Авторитет Константина Константиновича был к этому времени настолько велик, что творил буквально чудеса. Вот лишь одно тому подтверждение. 21 января 1942 г. управление и штаб 16-й армии получили приказ сдать подчиненные войска соседним армиям, а самим перейти в район Сухиничей и принять в подчинение часть дивизий 10-й армии

¹ Военно-исторический журнал, 1989, № 6. С. 55.

генерала Ф.И. Голикова. Последний командовал неудачно и сдал Сухиничи противнику. Жуков приказал Рокоссовскому вернуть назад этот крупный железнодорожный узел, но при этом предупредил: ни на какие дополнительные силы рассчитывать он не должен.

На месте сил для наступления оказалось крайне мало. Тогда командующий прибег к военной хитрости: путем ложных радиопереговоров и перемещений войск была создана видимость, будто 16-я армия прибыла сюда в полном составе для развертывания широких наступательных действий. Оригинальный замысел удался: немецкий генерал сам отвел свою пехотную дивизию из Сухиничей. Когда начальник штаба 16-й армии генерал М.С. Калинин доложил об этом Жукову, тот не поверил сообщению, потребовав личного доклада от самого Рокоссовского.

В эти дни Константин Константинович был тяжело ранен. Осколок снаряда задел позвоночник, повредил два ребра и пробил легкое. Командарму сделали операцию в полевых условиях и эвакуировали санитарным самолетом в Москву. Все, к счастью, обошлось. 28 мая 1942 г. он убыл на фронт.

В ходе Сталинградской битвы именно его Донскому фронту было доверено уничтожение окруженной 330-тысячной вражеской группировки. Заслуги Рокоссовского были отмечены орденом Суворова 1 степени. Сталин, встречая в Кремле руководящий состав фронтов, не дал по-уставному доложить о прибытии, а, пожимая руку, стал поздравлять с большим боевым успехом. «Всех поздравил, пожал руку каждому из командующих, — вспоминал позднее Главный маршал авиации А.Е. Голованов, — а Рокоссовского обнял и сказал: “Спасибо, Константин Константинович! ”. Я не слышал, чтобы Верховный называл кого-либо по имени и отчеству, кроме Б.М. Шапошникова, однако после Сталинградской битвы Рокоссовский был вторым человеком, которого И.В. Сталин стал называть по

имени и отчеству. Это все сразу заметили. И ни у кого тогда не было сомнения, кто самый главный герой — полководец Сталинграда»¹.

Правда, примерно то же самое Сталин в личном разговоре говорил и бывшему командующему Сталинградским фронтом генералу Еременко. И, как видно, не без оснований.

В ходе подготовки к Курской битве Центральный фронт Рокоссовского занимал северный фас Курского выступа, где в июле 1943 г. разгорелась одно из крупнейших сражений Второй мировой войны. Еще ранней весной, загодя до решающих боев, Константин Константинович выдвинул идею о необходимости организовать прочную оборону выступа, предполагая, что именно на этом участке советско-германского фронта противник попытается перехватить инициативу, утраченную под Сталинградом. Эта идея оказалась созвучной предложениям представителя Ставки маршала Жукова, в результате было принято решение перейти к преднамеренной обороне.

Многие не без основания утверждают, что яркий талант, внутренняя красота, душевные качества Рокоссовского покорили даже Сталина, совсем не склонного к сантиментам. Было бы, однако, большой ошибкой думать, что все это давало основания для каких-то поблажек. Между Верховным и Константином Константиновичем случались, хотя и редко, размолвки. Когда в мае 1944 г. Рокоссовский приступил к разработке плана операции по освобождению южной части Белоруссии с последующим выходом в восточные районы Польши (в рамках предстоящей летом Белорусской стратегической операции «Багратион»), он пришел к нетривиальному выводу. Тщательное изучение лесистой и болотистой местности и особенностей обороны противника убедили его, что необходимо нанести не один, а два уда-

¹ Цит. по: *Чуев Ф.И.* Солдаты империи. М., 1998. С. 340.

ра равной силы: один — из района Рогачева на Бобруйск, Осиповичи, другой — из района низовьев Березины на Слуцк.

Однако на совещании 23 мая у Сталина обстановка накалилась. Верховный резко возразил против, настаивая на одном ударе. «Дважды мне предлагали выйти в соседнюю комнату, чтобы продумать предложение Ставки, — вспоминал маршал. — После каждого такого "продумывания" приходилось с новой силой отстаивать свое решение. Убедившись, что я твердо настаиваю на нашей точке зрения, Сталин утвердил план операции в том виде, в каком мы его представили».

Начавшееся 24 июня наступление войск Рокоссовского было успешным. За пять дней боев, прорвав оборону врага на двухсоткилометровом фронте, они окружили и уничтожили бобруйскую группировку и продвинулись в глубину на сто с лишним километров. Темп наступления составлял 22 километра в сутки! Так настойчивость Константина Константиновича перед лицом Верховного дала свои плоды. Да и оценена была по достоинству: с 29 июня 1944 г. на плечах Рокоссовского красовались погоны Маршала Советского Союза.

Одним из самых сложных в его жизни эпизодов был тот, что связан с боевыми действиями возглавлявшегося им 1-го Белорусского фронта на варшавском направлении. После Белоруссии перед войсками лежала Польша. А ведь это была для него родная земля.

Все энциклопедии указывали, что он — русский и место его рождения — г. Великие Луки. Содержащийся же в следственном деле личный листок по учету кадров содержал истинные сведения: место рождения — г. Варшава, национальность — поляк. Мог ли он, варшавский каменотес, в годы Первой мировой войны добровольно вступивший рядовым в полк каргопольских драгун и вместе с ним вынужденный уйти из Польши под напором германских во-

йск, даже подумать о том, что вернется сюда спустя тридцать лет? И вернется во главе целого фронта, чтобы начать священное дело освобождения своей родины от фашистского ига?

В сентябре 1944 г., пройдя за 40 дней напряженных боев 700 километров, форсировав несколько рек, войска 1-го Белорусского фронта вышли к Висле. Более того, на ее западном берегу были захвачены три плацдарма, а на правом взята Прага — предместье Варшавы. В польской столице разгоралось восстание. Но наши войска остановились. Почему? Этот вопрос до сих волнует и фронтовики, и военных историков, он стал незаживающей раной в российско-польских отношениях.

Сам Рокоссовский отвечал на него так: «Варшава мой родной город... Я в бинокль рассматривал город своей юности, где продолжал жить единственный родной мне человек — сестра. Но видел одни развалины. Войска были измотаны, понесли, конечно, немалые потери. Необходимо было получить пополнение, подвезти большое количество боеприпасов, создать резервы. Без этого ни о каком наступлении через Вислу не могло быть и речи. Но мы помогали восставшим всем, чем могли: с самолетов сбрасывали им так необходимые нам самим продовольствие, медикаменты, боеприпасы. За две недели было сделано пять тысяч вылетов. Высадили через Вислу крупный десант, но он успеха не имел и, понеся значительные потери, отошел на восточный берег... Тогда и после войны об этих событиях было много ложных сообщений в западной прессе, но дело обстояло именно так»¹.

Ни от руководителя восстания главнокомандующего Армии Крайовой генерала Т. Бур-Коморовского, ни от польского эмигрантского правительства никакой информации о готовящемся восстании не поступало. И в

¹ *Свердлов Ф.Д.* Неизвестное о советских полководцах. С. 19—20.

дальнейшем с их стороны не было попыток связаться с советским командованием и скоординировать совместные действия. Когда же Рокоссовский послал к Бур-Коморовскому для связи двух офицеров-парашютистов, он не пожелал их принять. На обратном пути офицеры погибли. Не пытался руководитель восстания связаться и с советским десантом. 2 октября гитлеровцы подавили восстание. Погибли 200 тысяч поляков, Варшава была полностью разрушена.

Все это происходило на глазах Рокоссовского и, без сомнения, добавило ему рубцов на сердце. Не довелось ему и реабилитироваться перед самим собой. 12 октября 1944 г. состоялось решение Ставки, согласно которому 1-й Белорусский фронт, действовавший на основном, варшавско-берлинском направлении, Рокоссовский сдал Жукову. Сталин посчитал политически ошибочным предоставить взятие Берлина поляку по национальности, хотя официальное объяснение было, разумеется, другим.

Конечно, такое решение Рокоссовский воспринял с большой обидой, и не только на вождя, но и на своего давнего сослуживца. По собственному признанию Георгия Константиновича, с тех пор их отношения были уже далеко не такими дружескими и сердечными, как раньше.

На войска фронта, которым теперь предстояло командовать Рокоссовскому, возлагалась задача отсечь восточно-прусскую группировку от главной, действовавшей в основной части Германии. Начав наступление 14 января 1945 г., 2-й Белорусский фронт последовательно форсировал реки Нарев и Вислу и успешно продвигался на запад. Но через неделю в первоначальный план пришлось вносить коррективы: отстали войска 3-го Белорусского фронта (командующий генерал армии И.Д. Черняховский). Ставка сформулировала Рокоссовскому новую задачу — совместно с Черняховским окружить и уничтожить восточно-прусскую группировку противника.

Удар по Восточной Пруссии был организован в считанные дни — к 20 января. Войска 2-го Белорусского фронта таранным ударом пробили мощный укрепленный рубеж, построенный немцами еще до войны. Маршал ввел в прорыв 5-ю гвардейскую танковую армию, главные силы которой уже 26 января вышли к береговой полосе Балтийского моря и тем самым отрезали противнику пути отхода из Восточной Пруссии на запад.

Войска 2-го Белорусского фронта успели принять участие также в Берлинской операции. Уничтожая фашистские войска, соединения фронта занимали один за другим порты на Балтике. Заключительная операция блестяще завершилась выходом на побережье, овладением островами Воллин, Узедом и Рюген, портом Свинемюнде.

С июня 1945 г. маршал стал командовать Северной группой войск, дислоцированной в Польше. В октябре 1949 г. получил вызов к Сталину. «Константин Константинович, — обратился хозяин к гостю, — обстановка такова, что нужно, чтобы вы возглавили армию народной Польши...» Вождь хорошо знал своего маршала. Хотя Рокоссовского обуревали смешанные чувства, он ответил: «Я солдат и коммунист! Я готов поехать».

Достоинство выйдя из испытаний войной, Константин Константинович принужден был теперь проходить чистилище большой политики, в которой он вольно и невольно становился орудием Кремля. Его назначение должно было не только резко усилить советский контроль в Войске Польском, но и ослабить влияние на президента Польши Б. Берута со стороны членов польского руководства, настроенных в реформистском духе.

В ПНР Константин Константинович вошел в состав высшего государственного руководства, ему присвоили высшее воинское звание Маршал Польши, он получил назначение на должность министра национальной обороны, а с 1952 г. одновременно стал и заместителем председателя

правительства. Кроме того, в 1950 г. полководца избрали членом Политбюро ЦК ПОРП.

Тем не менее для многих поляков он оставался символом сталинского режима. «Нельзя сказать, что весь офицерский корпус Вооруженных Сил Польши тепло принял меня, — рассказывал Константин Константинович. — Часто во время приездов в дивизии из глубины построенных на плацах для встречи войск слышались одиночные, а иногда и групповые выкрики: “Уезжайте в Россию!”, “Долой красного маршала!”... В январе 1950 г. при посещении артиллерийских частей в Люблине в меня стреляли из пулемета. Выстрел был произведен с большого расстояния, и пуля пролетела мимо. Стрелявшего не нашли. Через три месяца в Познани по моей машине дали автоматную очередь. Оказался раненым сопровождавший офицер, было разбито вдребезги заднее стекло, но я не пострадал. И на этот раз стрелявших не нашли.

Выступали против меня в основном бывшие участники Армии Крайовой и формирований “Национальных Вооруженных Сил”. Поэтому работать в Польше было трудно¹.

Трудно... Зная, насколько стоек всегда был маршал под ударами судьбы, по-особому воспринимаешь эти скупые признания.

Политика — в том числе и скрытая, закулисная — политикой, но «маршалу двух народов» предстояла и чисто профессиональная работа по строительству современной армии в ПНР. Именно в те годы была полностью модифицирована организационно-боевая структура армии. К моменту завершения Рокоссовским его миссии в Войске Польском имелись реорганизованные сухопутные войска, ракетные соединения, войска ПВО, авиации и военно-морского флота. Организационные изменения шли параллельно с напряженной боевой подготовкой войск, командиров и штабов,

¹ *Свердлов Ф.Д.* Неизвестное о советских полководцах. С. 24.

совершенствованием взаимодействия родов войск в рамках новой структуры вооруженных сил. И на всем лежала печать интеллекта маршала Рокоссовского, его высокой организованности, редкого умения тактично побуждать подчиненных к качественному выполнению служебного долга.

С годами положение Константина Константиновича в Польше мало менялось к лучшему. Он все более тяготился постом министра, да и поляки все чаще выказывали свою неприязнь. Завершение его миссии было ускорено внутривнутриполитическими процессами, активно шедшей десталинизацией польского общества, дополнительный импульс которой дал XX съезд КПСС. Конфликт между властью и обществом вылился в массовые волнения в Познани 28 мая 1956 г., сопровождавшиеся столкновениями их участников с подразделениями госбезопасности, внутренних войск и регулярной армии и гибелью более 70 человек. Наряду с другими должностными лицами ответственность за это, по крайней мере моральную, поляки возложили и на Рокоссовского.

20 октября 1956 г. состоялись выборы Политбюро ЦК ПОРП, Константин Константинович в его состав не вошел. Из 75 участников пленума за него подали голоса только 23 человека. Через два дня в письме, направленном в ЦК ПОРП и подписанном Н.С. Хрущевым, советская сторона выразила согласие на отзыв из Войска Польского офицеров и генералов Советских Вооруженных Сил. В их числе был и маршал Рокоссовский. 13 ноября он подал в отставку со всех государственных постов ПНР и через два дня возвратился в Москву¹.

В СССР маршал был назначен заместителем министра обороны СССР Г.К. Жукова. Его сдержанная речь на октябрьском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС, где был осуществлен, по существу, политический расстрел Г.К. Жукова, делает честь его человеческим качествам. Из большого числа

¹ См.: Рубцов Ю.В. «Советский Багратион» маршал К.К. Рокоссовский (1896—1968) // Новая и новейшая история, 2004, № 6. С. 170—171.

маршалов и генералов, включая И.С. Конева, В.Д. Соколовского, Р.Я. Малиновского, А.И. Еременко, он оказался единственным, способным на объективность и сочувствие к своему товарищу и старому сослуживцу.

Властей предрежащих такая позиция удовлетворить не могла. Рокоссовский почти сразу же был понижен в должности и направлен командовать войсками Закавказского военного округа. Потом, правда, Хрущев остыл и вернул его на прежнюю должность. В апреле 1962 г. полководца отставили уже окончательно, определив в группу генеральных инспекторов.

Для Рокоссовского бездеятельность была невыносима. Поэтому главным его делом теперь стала книга воспоминаний. Писалась она, по словам близких, трудно, а подчас и мучительно. Как и другие военачальники, взявшиеся за перо, Константин Константинович столкнулся с необходимостью считаться с политической конъюнктурой.

Благородство не изменило ему и тогда, когда пришла пора подвести итоги ратного пути. Надо признать, что «Солдатский долг» Рокоссовского выгодно отличается от многих мемуаров выдержанностью, откровенностью, в них даже предвзятому человеку трудно найти отступления от истины. Честно воюя, маршал имел полное моральное право отстаивать историческую истину, что называется, невзирая на лица.

Р.Я. Малиновский:
**«ПРОНИКСЯ ЖЕЛАНИЕМ ВОЕВАТЬ ТОЖЕ
ГЕРОЙСКИ»**

Вначале — фрагмент телефонного разговора. Его дата — 28 октября 1944 г., участники — Верховный Главнокомандующий и командующий войсками 2-го Украинского фронта.

«Сталин. Необходимо, чтобы Вы в самое ближайшее время, буквально на днях, овладели столицей Венгрии — Будапештом. Это нужно сделать во что бы то ни стало. Сможете ли Вы это сделать?»

Малиновский. Эту задачу можно было бы выполнить дней через пять после того, как к 46-й армии подойдет 4-й гвардейский механизированный корпус. Его подход ожидается к 1 ноября. Тогда 46-я армия, усиленная двумя гвардейскими механизированными корпусами — 2-м и 4-м, смогла бы нанести мощный, совершенно внезапный для противника удар и через два-три дня овладеть Будапештом.

Сталин. Ставка не может предоставить Вам пять дней. Поймите, по политическим соображениям нам надо возможно скорее взять Будапешт.

Малиновский. Я отчетливо понимаю, что нам очень важно взять Будапешт по политическим соображениям. Однако следовало бы подождать прибытия 4-го гвардейского механизированного корпуса. Лишь при этом условии можно рассчитывать на успех.

Сталин. Мы не можем пойти на отсрочку наступления на пять дней. Надо немедленно переходить в наступление на Будапешт.

Малиновский. Если Вы дадите мне пять дней сейчас, то в последующие дни, максимум пять дней, Будапешт будет взят. Если же немедленно перейти в наступление, то 46-я армия, ввиду недостатка сил, не сможет развить удар, она неминуемо ввяжется в затяжные бои на самых подступах к венгерской столице. Короче говоря, она не сумеет овладеть Будапештом с ходу.

Сталин. Напрасно Вы упорствуете. Вы не понимаете политической необходимости нанесения немедленного удара по Будапешту.

Малиновский. Я понимаю всю политическую важность овладения Будапештом и для этого прошу пять дней...

Сталин. Я Вам категорически приказываю завтра же перейти в наступление на Будапешт...»¹.

Этому, как видим, нелегкому, завершившемуся столь резким приказом Верховного разговору предшествовали следующие события. Накануне войска Р.Я. Малиновского выбили противника с территории Румынии, югославского и венгерского (левого) берега Тисы. 46-я армия из состава фронта захватила на противоположном берегу реки оперативный плацдарм. Разведка донесла, что на этом направлении венгерская столица защищена слабо, и маршал пришел к выводу о возможности быстро прорваться к городу. Правда, не при любых, а только при тех условиях, о которых он докладывал Сталину. Верховный, однако, пренебрег тщательной подготовкой операции, принес ее в жертву политическим соображениям.

Приказ есть приказ. Малиновский приступил к его выполнению. К сожалению, подтвердился его худший прогноз: начав операцию в соответствии с приказом Ставки 29 октября, войска 2-го Украинского фронта прорвали оборону противника, даже вышли на подступы к Будапешту, но сил, чтобы ворваться в город, уже не хватило. Завязались тяжелые, кровопролитные бои, в ходе которых войска 2-го Украинского в тесном взаимодействии с 3-м Украинским фронтом разгромили свыше 20 вражеских дивизий. Только в районе Будапешта было уничтожено и пленено 188 тысяч солдат и офицеров противника.

Но сражение растянулось больше чем на три месяца, столица Венгрии была взята лишь 13 февраля 1945 г. Эту цену не пришлось бы платить, если бы военными расчетами не пожертвовали во имя политической целесообразности. Больше того, ситуация могла разрядиться даже позднее, если бы не смелая мысль полководца, которая, как писал бывший начальник штаба 2-го Украинского фронта Мар-

¹ Светлишин Н.А. Орден «Победа» — полководцам. С. 143—144.

шал Советского Союза М.В. Захаров, «во многом определила и ход событий во время освобождения Венгрии».

Взятие Будапешта вверенные Родиону Яковлевичу войска дополнили успешным осуществлением Венской операции. Взаимодействуя опять-таки с 3-м Украинским фронтом, они 13 апреля 1945 г. изгнали фашистские войска из столицы Австрии.

Как вспоминал позднее Малиновский, Сталин долгое время избегал разговора с ним о Будапеште. Прямо и публично признать, что ошибся, что напрасно пренебрег мнением командующего фронтом, он не посчитал возможным, но косвенно это сделал. 26 апреля был обнародован указ о награждении Малиновского орденом «Победа» за умелое руководство боевыми операциями большого масштаба, в результате которых были достигнуты столь выдающиеся успехи.

Мы остановились на этом принципиальном эпизоде для того, чтобы читателю было предельно ясно, в какой обстановке пришлось добывать Малиновскому победу, за которую он удостоился высшего полководческого ордена. Что уж говорить о других сражениях и, тем более, о тех временах, когда он только утверждал свой авторитет незаурядного полководца.

Войн на долю Родиона Яковлевича выпало целых пять: Первая империалистическая, Гражданская, национально-революционная (гражданская) в Испании, Великая Отечественная и, наконец, с милитаристской Японией. Это была судьба его поколения.

Уроженец Одессы, он в 1911 г. окончил церковно-приходскую школу. В июле 1914 г. стал рядовым пулеметной команды. В личном деле Родиона Яковлевича сохранилась автобиография, написанная им в 1938 г. Исповедальным стилем она совершенно не похожа на служебный документ. Маршал в ней — как на ладони. Вот, например, как объясняет он, что заставило его встать на военную

стезю: «В мае 1914 года заболел скарлатиной... Оказался без работы. В больнице прочитал брошюру про войну 1812 года и проникся желанием тоже так воевать героически, как воевали под Бородино в 1812 году. Часто пропадал у дядьки в товарных пролетах на товарной станции, откуда грузились воинские эшелоны. В один из эшелонов я залез тайком и уехал вместе с солдатами на фронт. Уже в Вильне меня представили начальству, и я был зачислен добровольцем в пулеметную команду 256 пехотного Елисаветградского полка... Все время был в строю, сначала подносчиком патронов, а затем наводчиком и начальником пулемета. Разумеется, участвовал во всех боях... был награжден Георгием 4-й степени... В октябре 1915 г. был ранен под Сморгонью... В январе 1916 г. в составе вновь сформированного 2-го полка был направлен через Маньчжурию на погрузку на пароход в порт Дайрен, а оттуда через Индийский океан, Суэцкий канал в Марсель, куда прибыл в апреле 1916 года... Там застала Февральская революция. Был избран председателем ротного комитета... В атаке на форт Брамон был ранен разрывной пулей в левую руку с раздроблением кости и очень долго лечился в госпиталях... Чувствуя моральную необходимость побить немцев — они оккупировали Украину и издевались над народом, решил вступить в иностранный легион 1-й марокканской дивизии французской армии. В октябре 1919 г. прибыл во Владивосток... Пробираясь в глубь России, наткнулся на разведку 240 стрелкового полка 27-й дивизии, тут и остался в составе пулеметной команды»¹.

В Красную Армию Малиновский вступил в ноябре 1919 г. и сразу пошел по командной линии — начальник пулеметной команды, помощник командира, командир батальона. Воинской наукой овладевал крепко. В его аттеста-

¹ Родион Яковлевич Малиновский (Автобиография) // Военно-исторический журнал, 1990, № 4. С. 15.

ции за 1926 г. говорилось: «Обладает твердой и резко выраженной командирской волей и энергией, дисциплинирован и решителен во всех своих действиях... Военного образования не имеет, являясь в этой области талантом-самоучкой... Заслуживает командирования в военную академию»¹.

Аттестация была реализована. Закончив в 1930 г. Военную академию им. М.В. Фрунзе, Малиновский вышел на полковой уровень, затем получил опыт службы в штабе округа. В январе 1937 г. стал «полковником Малино», до мая следующего, 1938 г., успешно выполняя обязанности военного советника в армии республиканской Испании. Потом передавал свой опыт молодым командирам, будучи старшим преподавателем Военной академии им. М.В. Фрунзе.

22 июня 1941 г. генерал-майор Малиновский встретил в должности командующего стрелковым корпусом. Но первая по-настоящему громкая слава пришла к нему в ходе Сталинградской битвы. В декабре 1942 г. 2-я гвардейская армия под его командованием, взаимодействуя с 5-й Ударной и 51-й армиями, на реке Мышкове встала заслоном и разгромила войска генерал-фельдмаршала Э. Манштейна, пытавшиеся разрубить кольцо окружения под Сталинградом и вывести из нее группировку Паулюса.

Надо, разумеется, отдать должное оперативным и энергичным усилиям командующего Сталинградским фронтом А.И. Еременко, который первым организовал противодействие ударным группировкам Гота и Манштейна. Но и Малиновский, когда пришел его час, в сложнейших зимних условиях сумел так организовать форсированный марш навстречу Манштейну, что его армия, пройдя более 200 километров по промерзшей заснеженной степи, опередила немцев в захвате выгодного рубежа. Здесь, на берегу безвестной степной речушки, она сначала отразила удар

¹ Маршалы Советского Союза. Личные дела рассказывают. С. 51.

танкового кулака противника, а затем погнала его к югу. «Горячий снег» на берегах Мышковы стал символом подвига гвардейцев и их талантливого командарма.

Малиновский обыграл Манштейна не только благодаря полководческой смелости, но и сметке, истинно русской солдатской хитрости. Случилось так, что в один из моментов тыловики отстали и наши танки оказались почти без топлива. А враг меж тем готовился атаковать. Требовалось во что бы то ни стало выиграть какой-то час, необходимый для подвоза горючего. И тогда Малиновский, отступая от всех канонов скрытности, приказал вывести танки из укрытий. Смотрите, мол, какая армада готова на вас навалиться. А то, что «армада» пока не могла далеко продвигнуться, врагу знать было не обязательно.

Расчет командующего оправдался. Вид советских танковых колонн внес в ряды фашистского командования замешательство, начались лихорадочные переговоры с гитлеровской ставкой... А горючее и боеприпасы тем временем подвезли, и танки со звездами на башнях рванулись вперед. К победе. Но сколько седины добавил этот час соракетыгрехлетнему командарму!

Много позднее Родион Яковлевич попытался дать молодым офицерам представление о том грузе ответственности, который в таких случаях ложится на плечи военачальника. «Момент принятия решения командующим — трудный момент, — размышлял он. — Надо решиться на великое дело, надо отдать себя без остатка только одному, часто рискованному, но необходимому решению. В этих случаях мысль работает напряженно, она полна противоречий: одно — желаемое решение встречает всякие расчетные возражения; другое — наталкивается на громадные трудности при его проведении в жизнь; третье — заманчивое, простое и не рискованное решение избавляет от всех тревог и юридической ответственности. Вот так переплетаются сомнения, трудности, искания. А принять решение

обязательно надо. Это требует большой отваги и огромной силы воли. Это, конечно, не всем дано. Не всегда легко принять правильное решение...»¹.

Да, нелегко. Но такова уж доля полководца, и Малиновский никогда не малодушничал и от нее не уклонялся.

Его стремление, а главное — умение, нешаблонно, с применением военной хитрости подготовить и провести каждую новую операцию ярко проявилось в период командования войсками Южного, Юго-Западного, 3-го и 2-го Украинских фронтов. Вот как, например, в октябре 1943 г. было освобождено Запорожье. Ожидавшее советского наступления в дневное время командование 1-й танковой армии вермахта было буквально ошеломлено, когда в 22 часа началась артподготовка. По сходящимся направлениям с северо-востока, востока и юго-востока город одновременно штурмовали наши три армии и три стрелковых корпуса. Такую силу было не остановить. Менее чем через сутки врага в Запорожье уже не было.

В мае 1944 г. генерал армии Малиновский встал у руля 2-го Украинского фронта. Во главе фронта сложился удачный тандем, учитывая, что начальником штаба был генерал-полковник М.В. Захаров. Они длительное время успешно работали вместе.

«Советские военные историки отмечают, — вспоминал Матвей Васильевич, — что к середине 1944 года полководческое искусство Родиона Яковлевича Малиновского достигло своего расцвета. Что ж, пожалуй, это так и есть. Достаточно проследить предшествовавшие этому события, которых так или иначе коснулась деятельность Малиновского, чтобы сделать вывод: все формы управления оперативными действиями войск им освоены. В самом деле, был и прорыв хорошо подготовленной обороны против-

¹ Цит. по: *Гареев М.А.* Полководцы Победы и их военное наследие. С. 273.

ника, было и преследование крупных сил врага, доводилось ликвидировать плацдармы, брать штурмом крупный оборонительный узел, притом ночью, форсировать такие крупные водные преграды, как Днепр и Днестр, проводить ряд операций в условиях крайней распутицы. Во всех этих событиях войска действовали с исключительным мастерством, неизменно добивались успеха. И ни у кого не может быть сомнения в том, что очень многое зависело от умелого, а можно сказать и более — талантливое руководства ими»¹.

20—29 августа 1944 г. 2-й Украинский фронт совместно с 3-м Украинским фронтом генерала Ф.И. Толбухина провел одну из выдающихся стратегических операций войны — Яско-Кишиневскую. Родиону Яковлевичу, чей фронт был призван сыграть главную роль в разгроме противостоящей группировки «Южная Украина», удалось блестяще дезинформировать противника относительно направления главного удара, создав впечатление, будто войска перебрасываются под Яссы.

В районы мнимого сосредоточения войск направлялись железнодорожные эшелоны, из которых выгружался личный состав и техника. Сюда же подходили колонны танков и автомашин, а немецкой авиаразведке позволялось иногда подсмотреть за этими перемещениями. Правда, уже под покровом темноты все эти силы отводились в другое место. Инженерные части фронта построили десятки фальшивых позиций артиллерии и минометов, по местности «передвигались» макеты танков, орудий, дымили полевые кухни. Связисты организовали выход в эфир радиостанций, время от времени «нарушавших» режим секретности переговоров. При появлении над районами вражеских самолетов зенитная артиллерия открывала заградительный огонь...

¹ *Захаров М.* Маршал Советского Союза Родион Малиновский // Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Вып. 1. С. 240.

Имитировав наступление на Яссы, Малиновский на самом деле нанес главный удар в направлении Вослуй — Фокшаны, отрезая пути отхода яско-кишиневской группировки противника на запад. Удар наносился, образно говоря, не растопыренными пальцами, а кулаком. В первом эшелоне находились пять общевойсковых армий. На участке прорыва в 16 км, составлявшем менее 5 % общей протяженности линии фронта, было сосредоточено до половины стрелковых дивизий, орудий и минометов и три четверти танков. Плотность артиллерии достигла 240 и более орудий и минометов на 1 км фронта. Мощным был и эшелон развития успеха — 6-я гвардейская танковая армия, два танковых и один кавалерийский корпуса.

Дивизиям первого эшелона для быстрого прорыва главной полосы обороны противника придавались танки непосредственной поддержки пехоты. «Вы не имеете права отдавать свои танки командирам полков, — так Малиновский ориентировал комдивов на массированное применение подвижных частей, — держите их в своих руках. Вы не имеете права атаковать выделенными вам 40 или 50 танками на всем фронте дивизии... Пускайте все 40 или 50 танков, выделенные вам, как командиру дивизии, на ключевой опорный пункт. Все 50, не оставляя ни одного танка в резерве»¹.

Наступление войск фронта началось утром 20 августа после мощной артиллерийской подготовки. Уже к середине дня дивизии первого эшелона, прорвав оборону северо-западнее Ясс, ворвались во вторую полосу. 23 августа танковые соединения 2-го Украинского фронта встретились с подвижными войсками 3-го Украинского. В гигантском кольце окружения оказались 18 немецких дивизий и 3-я румынская армия.

¹ Светлицкин Н.А. Орден «Победа» — полководцам. С. 138.

В результате операции, завершившейся 29 августа, была полностью разгромлена группа армий «Южная Украина» в составе 22 немецких и нескольких румынских дивизий. Велик был и военно-политический выигрыш: от фашистских оккупантов освобождена Молдавия, из войны вышла Румыния, а Болгария покинула фашистский блок.

Достоинно, присвоением 10 сентября 1944 г. высшего воинского звания были отмечены заслуги одного из творцов «Яско-Кишиневских Канн» Малиновского. Этому событию предшествовало письмо маршала С.К. Тимошенко Верховному Главнокомандующему: «Сегодняшний день является днем разгрома немецко-румынских войск в Бессарабии и на территории Румынии, западнее р. Прут... Главная немецкая кишиневская группировка окружена и уничтожается. Наблюдая искусное руководство войсками... считаю своим долгом просить Вашего ходатайства перед Президиумом Верховного Совета СССР о присвоении военного звания Маршал Советского Союза генералу армии Малиновскому».

В Европе еще дымились развалины, а войска 2-го Украинского фронта уже двинулись на Дальний Восток. Фронт получил новое название — Забайкальский, но командующий у него остался прежний. Маршал Малиновский с вверенными ему войсками был поставлен на главное направление в Маньчжурской стратегической операции по разгрому японской Квантунской армии.

9 августа 1945 г. войска фронта перешли в наступление. Командующий нанес удар там, где его меньше всего ожидал противник — в районе Большого Хингана. Он отказался от привычного порядка эшелонирования войск и в первый эшелон фронта поставил не общевойсковые, а танковую армию. Это позволило сразу же нанести более мощный первый удар и обеспечить быстрое развитие наступления в глубине обороны противника.

Действовавшая в авангарде 6-я гвардейская танковая армия генерал-полковника танковых войск А.Г. Кравченко стремительно преодолела хребет и вышла в центральные районы Маньчжурии. Не только от танковых, но и стрелковых и кавалерийских соединений первого эшелона командующий фронтом потребовал обходить наиболее сильные узлы сопротивления и без задержки продвигаться в глубину. Наземные войска усиленно поддерживала авиация. На важнейшие аэродромы противника в Чаньчуне, Мукдене, Порт-Артуре были внезапно высажены воздушные десанты. Активные боевые действия осуществлялись непрерывно, днем и ночью, что позволило войскам довести темп наступления до 100—120 км в сутки.

К 18—19 августа части Красной Армии, преодолев безводные степи, пустыню Гоби и горные хребты Большого Хингана, продвинулись на глубину до 800 км. На очереди были центральные районы Северо-Восточного Китая. Танкистам умело содействовала конно-механизированная группа советско-монгольских войск под командованием генерала И.А. Плиева.

В короткий срок усилиями трех советских фронтов — Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных — Квантунская армия была разгромлена. 2 сентября 1945 г. Япония капитулировала.

Маршал Малиновский за высокое полководческое искусство, проявленное в ходе Маньчжурской операции, 8 сентября 1945 г. удостоился звания Героя Советского Союза.

Именно в наступательных операциях с наибольшей силой проявился его полководческий почерк. По этому поводу А.М. Василевский писал: «Все эти операции, безусловно, несли на себе отпечаток подлинного творческого вдохновения, необычайной настойчивости в их осуществлении, составили яркие страницы истории военного искусства»¹.

¹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Кн. 2. С. 281.

После Великой Отечественной войны полководец еще более 10 лет служил там, где воевал в 1945 г., — командующим войсками Забайкальского военного округа, главнокомандующим войсками Дальнего Востока, командующим войсками Дальневосточного ВО. В марте 1956 г. Родион Яковлевич был переведен в центральный аппарат, получив назначение на пост первого заместителя министра обороны СССР и главнокомандующего Сухопутными войсками. Вершиной его военной карьеры стал пост министра обороны СССР, на котором он в октябре 1957 г. сменил маршала Г.К. Жукова.

Из песни слова не выбросишь: полководцы, хотя и служили вместе, недолюбливали друг друга. К глубокому сожалению, Родион Яковлевич оказался в числе гонителей Жукова, когда Н.С. Хрущев задумал избавиться от министра обороны, славе и авторитету которого завидовал. Едва ли не наиболее веским было для первого секретаря ЦК КПСС предупреждение, услышанное от Малиновского: опасайтесь Жукова, он — человек опасный, бонапартист. Основания же для таких утверждений у Малиновского, как показала его речь на Пленуме ЦК в октябре 1957 г., оказались очень жидкие.

«...Я слышал мельком краем уха от некоторых, что нет убедительных фактов, что не ясно вроде, ошеломленно и так далее. Есть убедительные факты и есть очень опасные для нашей партии и для нашего государства факты», — заявил с трибуны Пленума новый министр обороны. Но, кроме уже много раз озвученных и не ставших от этого убедительнее, ничего нового привести не смог. Зато во всеуслышание заявил: «Не место такому политику в Президиуме и Центральном Комитете нашей партии»¹.

¹ Цит. по: Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 214.

Позднее, работая на посту министра обороны, Родион Яковлевич много сделал для оснащения Вооруженных Сил современным оружием, перестройки их структуры, совершенствования обучения и воспитания войск.

Значителен его вклад в обобщение опыта Великой Отечественной войны: под редакцией министра были изданы исторические труды «Яско-Кишиневские Канны», «Будапешт — Вена — Прага», «Финал». Незадолго до кончины он закончил автобиографическую повесть «Солдаты России», в которой рассказал о своей «одиссее» в годы Первой мировой войны.

...В ноябре 1966 г. Родион Яковлевич в последний раз принимал военный парад на Красной площади. «Он был уже болен, — вспоминала его дочь Наталья Родионовна, — но ни мы с мамой, ни врачи и не подозревали... Сильно болела нога на месте старого ранения. После лечения в Цхалтубо стало только хуже, но папа работал и седьмого пошел принимать парад. Только мы с мамой знали, чего ему стоит каждая ступенька на Мавзолей. Вернувшись, он лег и больше уже не вставал.

Я в мелких подробностях помню те последние полгода и теперь понимаю, что папа был фаталистом и стойком. Врачи и сестры так и не услышали от него ни стоны, ни жалобы и говорили потом, что у него патологическое терпение. Он терпел боль, выносил болезнь молча, мужественно и достойно».

Как он жил, так и уходил — по-солдатски стойко.

Ф.И. Толбухин:

**«КРАСНАЯ АРМИЯ НЕ ИМЕЕТ НАМЕРЕНИЙ
ВОЕВАТЬ С БОЛГАРСКИМ НАРОДОМ»**

«О способностях Толбухина как выдающегося военачальника, — писал маршал А.М. Василевский, — говорят операции, осуществленные, полностью или частично,

Южным, 3-м и 4-м Украинским фронтами, которыми он командовал: Донбасская, Мелитопольская, Никопольско-Криворожская, Крымская, Яско-Кишиневская, Белградская, Будапештская, Балатонская, Венская. Толбухин показал себя как настоящий стратег. Руководимые им войска освобождали от врага территорию и народы Румынии, Болгарии, Югославии и Венгрии, крушили гитлеровский порядок в Австрии, он снискал себе известность во многих странах Европы»¹.

Даже за этим скупым перечнем, буквально пунктиром обозначающим богатый боевой путь Федора Ивановича в годы Великой Отечественной войны, встает постоянный и неуклонный рост его полководческого дарования, все более масштабные задачи, которые Ставка доверяла ему выполнять. А ведь все могло сложиться иначе...

В начале 1942 г. генерал-майор Толбухин исполнял обязанности начальника штаба Крымского фронта. Некомпетентный в военном деле, но крайне амбициозный представитель Ставки ВГК армейский комиссар 1-го ранга Л.З. Мехлис попросил Сталина удалить генерала с фронта. Верховный не только прислушался к мнению своего давнего приспешника и 10 марта снял Федора Ивановича с должности, но и отказал военному совету фронта в просьбе оставить его на Крымском фронте. Мехлис горячо откликнулся на эту весть: «Я считаю, что Толбухина не следует здесь оставлять, и целиком согласен с мнением товарища Сталина». В тот же день по телеграфу он обратился к начальнику Генштаба маршалу Б.М. Шапошникову с просьбой проследить, «чтобы Толбухин вновь не устроился в ЗакВО (Закавказский военный округ. — Ю.Р.), ибо там собираются опять гнилые и никчемные работники, снимаемые здесь с работы»². Обидная и насквозь лживая харак-

¹ Василевский А.М. Дело всей жизни. Кн. 2. С. 59—60.

² Цит. по: Рубцов Ю.В. Мехлис. Тень вождя. М., 2007. С. 344.

теристика. Ни один день службы Толбухина не давал для нее оснований. Очень здорово, что вскоре военачальнику удалось своими делами блестяще ее опровергнуть.

Федор Иванович родился в д. Андроники Ярославской области в крестьянской семье. Окончил трехклассную церковно-приходскую школу, сдал экстерном за 6 классов коммерческого училища. Призванный в армию, учился в школе шоферов и мотоциклистов и некоторое время в период Первой мировой войны служил рядовым мотоциклистом. После окончания школы прапорщиков стал командиром роты, а затем и батальона (август 1915 г. — декабрь 1917 г.).

В Красную Армию Толбухин вступил в августе 1918 г. Около 20 лет трудился в штабах, пройдя путь от младшего помощника начальника штаба дивизии по оперативной работе до начальника штаба корпуса. В течение этого времени он дважды учился на Курсах усовершенствования высшего комсостава при Военной академии им М.В. Фрунзе, а в 1934 г. окончил оперативный факультет этой же академии.

В сентябре 1937 г. Федора Ивановича впервые назначили на командную должность, доверив ему стрелковую дивизию, но уже в июле 1938 г. вновь вернули на штабную работу. В аттестации, сопровождавшей его назначение на пост начальника штаба Закавказского военного округа, говорилось: «Любит и знает штабную работу. Обладает достаточными навыками в организации и методике оперативно-тактической подготовки. Решения настойчиво проводит в жизнь. В дальнейшей работе т. Толбухину необходимо обратить внимание на усиление контроля в работе и проявление большей инициативы»¹.

Начав Великую Отечественную войну в указанной должности, Толбухин в августе 1941 г. стал начальником штаба

¹ Маршалы Советского Союза. Личные дела рассказывают. С. 69.

Кавказского фронта, переименованного в январе 1942 г. в Крымский, где и попал под горячую руку Мехлиса. К счастью, возможную опалу генерал отвел умелыми действиями в Сталинградской битве. Пробыв около трех месяцев заместителем командующего Сталинградским военным округом, он затем добился самостоятельного участка, став командующим 57-й армией Сталинградского фронта, которая обороняла южные подступы к Сталинграду.

Учитывая, что вверенные ему войска сошлись в схватке с 4-й немецкой танковой армией, Толбухин первоочередное внимание уделил противотанковой устойчивости. Несмотря на острый недостаток сил и средств, Федор Иванович создавал в глубине сильные резервы, оснащенные противотанковыми средствами, с тем, чтобы не позволить немцам осуществить прорывы. В результате замыслы врага овладеть Сталинградом ударом с юга были сорваны. А с началом общего контрнаступления 57-я армия успешно выполнила задачи по окружению, расчленению и уничтожению группировки противника.

Дальнейшему служебному росту Толбухина могла помешать довольно растяжимая оценка его деятельности командующим войсками Сталинградского фронта генерал-полковником А.И. Еременко. В его боевой характеристике Еременко отмечал, что «крупной операции 57-я армия не вела, поэтому дать полную характеристику т. Толбухину не могу. Порядок в армии не плохой. Лично т. Толбухин — подготовленный генерал и с обязанностями командующего армией справляется, но несколько переоценивает врага и преувеличивает его силы»¹.

Вероятно, Сталин принял во внимание не эту характеристику, а практические дела командарма-57, и в марте 1943 г. Толбухин был назначен командующим войсками Южного (впоследствии 4-го Украинского) фронта. Его воз-

¹ Маршалы Советского Союза. Личные дела рассказывают. С. 70.

вышение как полководца отразилось и в росте в воинском звании. Всего за один 1943 г. генерал-майор Толбухин стал генералом армии.

За этим ростом стоял огромный труд. Первый опыт командования на уровне фронта Федор Иванович получил при подготовке и проведении в июле 1943 г. Миусской наступательной операции. Требовалось сковать войска группы армий «Юг» и не допустить переброски резервов в район Курского выступа, где происходили решающие сражения. При благоприятной обстановке ставилась задача во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разгромить донбасскую группировку. Хотя основная задача была успешно решена: напор противника на курском направлении удалось ослабить, большого удовлетворения командующий не испытывал. Дело в том, что захваченный в первый же день наступления плацдарм на западном берегу Миуса удержать все же не удалось: гитлеровское командование сумело быстро перебросить из-под Харькова крупные силы. Толбухин постарался сам извлечь урок из случившегося и побудил к этому подчиненных, обратив особое внимание на повышение эффективности разведки и надежности огневого поражения противника.

Правильно сделанные выводы сказались уже при осуществлении в августе 1943 г. Донбасской наступательной операции. Умелое маневрирование силами и средствами, постоянное навязывание своей воли командованию вновь сформированной 6-й немецкой армии (армия предыдущего формирования, как известно, была окружена и разгромлена под Сталинградом), нанесение неожиданных для противника ударов позволили отогнать врага к реке Молочной и освободить Донецк.

Чтобы не дать противнику закрепиться на Молочной, Толбухин по требованию Ставки 26 сентября начал Мелитопольскую операцию. Наступление шло очень трудно: войска устали, недоставало материальных средств, подго-

товка операции по необходимости была проведена в спешке. Но ведь шел уже 1943 г., наши военачальники накопили большой опыт наступления в различных, в том числе неблагоприятных условиях.

Толбухин не стал упорствовать в первоначальном замысле и прорывать вражескую оборону севернее Мелитополя. Получив от разведки данные, что немцы снимают части с участка южнее Мелитополя и перебрасывают их на север, он принял решение перенести главный удар туда, где немецкая оборона оказалась ослабленной. Быстро произвели скрытную перегруппировку войск. Прорыв поручили возглавить начальнику штаба фронта генералу С.С. Бирюзову. Танковые и стрелковые части успешно прорвали оборону врага, после чего в прорыв был введен кавалерийский корпус. Уже на следующий день, 10 октября, передовые части Южного фронта вышли к южной окраине Мелитополя. После напряженных боев 23 октября город был взят. А фронт Толбухина вскоре вышел к Крыму и с ходу захватил плацдарм на южном берегу Сиваша.

Замысел Крымской операции предусматривал нанесение главного удара войсками 4-го Украинского фронта с севера и Отдельной Приморской армией с востока по сходящимся направлениям на Севастополь с тем, чтобы рассечь группировку противника в Крыму и уничтожить ее. Но как спланировать наступление фронта? Где нанести главный удар? Как быстрее и с меньшими потерями решить задачу, учитывая, что противник находился на полуострове более двух лет и подготовил прочную оборону? Эти вопросы встали перед командованием фронта.

То, что на них удалось дать исчерпывающий ответ, показала Крымская операция, начавшаяся 8 апреля 1944 г. и ставшая одной из наиболее выдающихся в полководческой судьбе Толбухина. Наступление 51-й армии с Сивашского плацдарма оказалось неожиданным для врага, ожидавшего основной удар со стороны Перекопа. В те-

чение двух суток оборона противника была прорвана, и соединения 51-й армии вышли во фланг его перекопской группировки. Тем временем 2-я гвардейская армия взяла Армянск. Командующий фронтом ввел в сражение 19-й танковый корпус, находившийся во втором эшелоне, и овладел Джанкоем. Поскольку с Керченского полуострова успешно наступала Отдельная Приморская армия генерала А.И. Еременко, то гитлеровское командование под угрозой окружения начало отвод войск. Для срыва организованного отхода противника и овладения с ходу Симферополем, а затем и Севастополем Толбухин создал мощную подвижную группу в составе 19-го танкового корпуса и стрелковой дивизии, посаженной на автотранспорт. Вражеская группировка была разгромлена, и Крым к 12 мая полностью освобожден.

В мае 1944 г. Толбухин встал во главе 3-го Украинского фронта. Вверенные ему войска во взаимодействии с войсками 2-го Украинского фронта и Дунайской военной флотилией осуществили Яско-Кишиневскую наступательную операцию. Многие военные историки считают эту операцию наиболее яркой страницей полководческой деятельности Федора Ивановича.

По плану, разработанному Генштабом, предполагалось нанесение войсками 3-го Украинского фронта главного удара на кишиневском направлении. Но командующий фронтом, используя совет начальника штаба фронта генерала Бирюзова и исходя из того, что противник ждет удара именно на этом направлении, решил ударить с кичканского плацдарма на Днестре. Он был крайне неудобен для действий войск, но зато при тщательной маскировке обеспечивал внезапность удара. Решением Толбухина на кишиневском направлении было весьма убедительно организовано ложное сосредоточение войск. По оценке генерала армии М.А. Гареева, предпринятая здесь оперативная маскировка была наиболее масштабной за все военное вре-

мя. Имитировалось сосредоточение стрелкового и механизированного корпусов и артиллерийской дивизии. В этих целях часть резервных войск выходила в ложный район сосредоточения, а затем под покровом темноты скрытно покидала его. Районы имитации реально прикрывались истребительной авиацией и зенитной артиллерией. Было выставлено большое количество макетов боевой техники. Проводилось много других мероприятий для сокрытия истинных намерений и имитации ложных.

Цель оперативной маскировки была достигнута, и расчет полководца полностью оправдался. Командующий группой армий «Южная Украина» генерал-полковник Фриснер, будучи убежденным, что главный удар будет нанесен на кишиневском направлении, держал здесь свои основные резервы даже после начала наступления советских войск с кицканского плацдарма.

В результате была окружена и разгромлена крупная группировка германских и румынских войск. Дал очередную трещину фашистский блок: Румыния, бывший союзник, объявила войну Германии. Открылся путь Красной Армии на Балканы.

После успешного завершения Яско-Кишиневской операции и выхода войск фронта на болгарскую границу командованием был разработан план Болгарской операции, который Ставка Верховного Главнокомандования утвердила 5 сентября 1944 г. Впереди лежала земля братского народа, попавшего под власть монархистов фашистского толка. Но можно ли было забыть вековые связи болгар с русским народом, глубокие традиции совместной борьбы за свободу. Поэтому Толбухин лелеял большую надежду на то, что при переходе границы сопротивление частям Красной Армии не будет. Исходя из этого, было решено при наступлении отказаться от артиллерийской и авиационной подготовки и от каждого стрелкового корпуса первого эшелона выдвинуть передовые подвижные отряды.

8 сентября войска фронта перешли румыно-болгарскую границу. Одновременно радио начало передавать обращение советского военачальника: «Болгары! Красная Армия не имеет намерений воевать с болгарским народом и его армией, так как она считает болгарский народ братским народом. У Красной Армии одна задача — разбить немцев и ускорить срок наступления всеобщего мира».

На следующий день, подстегнутое наступлением советских войск, началось народное восстание, и власть перешла в руки комитетов Отечественного фронта Болгарии. Надежды нашего командования на то, что болгары не станут воевать за интересы Германии, оправдались. Всего за 10 дней и, по существу, без боев немецко-фашистские захватчики были изгнаны с территории страны.

Наградой Толбухину за мастерское осуществление Яско-Кишиневской операции, а также освобождение Болгарии стали погоны Маршала Советского Союза (указ от 12 сентября 1944 г.).

Справедливо подмечено, что полководческий почерк вырабатывается не одним днем. И в стиле командующего фронтом нет-нет да промелькнет то, что отличало его в бытность еще командиром взвода. В 1928 г., когда Федор Иванович был начальником штаба стрелковой дивизии, в его аттестации появилось следующее замечание: «По характеру склонен к осторожным действиям, а не смелорискованным операциям». В ноябре 1942 г., как было сказано выше, похожую оценку Толбухину дал командующий Сталинградским фронтом Еременко: «...Но несколько переоценивает врага и преувеличивает его силы».

Время показало, что оба начальника в своих оценках оказались неправы. За излишнюю опасливость и нерешительность они приняли необходимую осторожность Толбухина, расчетливость и стремление до мелочей предвидеть ход действий противника. Гораздо ближе к истине оказался С.С. Бирюзов, служивший рядом с Федором Ива-

новичем в качестве начальника штаба фронта. «Он производил впечатление очень доброго человека, — вспоминал Сергей Семенович. — Впоследствии я имел возможность окончательно убедиться в этом, как и в другом весьма характерном для Толбухина качестве — его внешней невозмутимости и спокойствии. Мне не припоминается ни одного случая, когда бы он вспылал. И неудивительно поэтому, что Федор Иванович высказывал свою антипатию к чрезмерно горячим людям»¹. Горячность, по мнению Толбухина, могла лишь подвести, если она не подкреплялась трезвым расчетом.

Такая его позиция блестяще оправдалась в Белградской наступательной операции, которую войска 3-го Украинского фронта осуществили с 28 сентября по 20 октября 1944 г. совместно с Народно-освободительной армией Югославии (НОАЮ) и войсками Отечественного фронта Болгарии. Планом операции предусматривалось совместными усилиями советских и югославских войск на нишском и скопьевском направлениях разгромить вражескую армейскую группу «Сербия», освободить Сербию, включая Белград, и обеспечить благоприятные условия для наступления на будапештском направлении. Характер и ход боевых действий во многом предопределялись горным характером местности. Особое значение приобретала способность к маневру на окружение и уничтожение врага. Кроме того, войскам фронта впервые приходилось столь тесно взаимодействовать с армиями других стран.

В этих сложных условиях Толбухин оказался на высоте положения. 28 сентября вверенные ему войска внезапным ударом прорвали укрепления противника и, преодолев Восточно-Сербские горы, вышли к реке Мораве. Операция развертывалась на широком фронте, на самостоятельных направлениях, разобщенных большими расстояниями и

¹ Бирюзов С.С. Суровые годы. М., 1966. С. 303.

связанных между собой лишь общим оперативным замыслом. Тем не менее маршал руководил войсками спокойно, уверенно. Ему не было никакой необходимости горячиться, «накачивать», подгонять подчиненных, ибо все было заранее тщательно спланировано и просчитано. А возникшие по ходу операции коллизии разрешались тоже без особых эмоций.

Чтобы повысить темпы продвижения на Белград, командующий ввел в сражение 4-й гвардейский механизированный корпус. Танкисты сметали гитлеровские заслоны и, преодолевая горные хребты, форсируя водные преграды, неудержимо рвались вперед. В ходе операции были окружены и уничтожены сильные группировки врага юго-восточнее Белграда, в Крагуеваце, Неготине и в других районах. На советской броне вместе с бойцами Красной Армии к своей столице двигались десантники из 1-го Пролетарского корпуса НОАЮ: такова была просьба главнокомандующего югославской армии И.Б. Тито. 20 октября столица Югославии была освобождена.

За Белградом должен был последовать Будапешт. В ноябре 1944 г. войска 3-го Украинского фронта форсировали Дунай и очистили территорию Венгрии между ним и озером Балатон. Отсюда для советских войск открывался выход в южные, насыщенные объектами военной промышленности районы Германии. Эта перспектива стала еще более очевидной, когда войска Толбухина нанесли удар вдоль западного берега Дуная на север и в конце декабря совместно с войсками 2-го Украинского фронта завершили полное окружение будапештской группировки. В этот момент — а уже наступил январь 1945 г. — немецко-фашистское командование и предприняло попытку контрнаступления, чтобы деблокировать окруженных.

На 31-й гвардейский стрелковый корпус навалилось пять танковых и три пехотные дивизии. Противник сумел обеспечить подавляющее преимущество: в живой силе в 5,

в артиллерии — в 4,5, а в танках — даже в 17 раз. Бои шли кровопролитные. 18 января немцам удалось прорваться к Дунаю южнее Будапешта. Что следовало сделать: продолжать удерживать плацдарм или отойти на левый берег? Ставка ВГК предоставила командующему 3-м Украинским фронтом право самому принять решение.

Бывший командующий 17-й воздушной армией, входившей в состав фронта, маршал авиации В.А. Судец вспоминал, что пример стойкости и мужества показал сам командующий. Толбухин, имея рядом начальника штаба фронта генерал-лейтенанта С.П. Иванова и небольшую оперативную группу, отказался покинуть передовой командный пункт и перейти на левый берег Дуная, несмотря на то, что противник находился всего в нескольких километрах, а КП обороняла лишь одна батарея 45-мм противотанковых пушек. В этой грозной обстановке командующий не желал ни на минуту терять управление войсками. Его не смогло поколебать даже разрешение Сталина на отвод войск.

«Уходить на левый берег Дуная в такой обстановке — смерти подобно для войск фронта», — заявил он. «Это было мудрое и единственно верное решение, — замечает Судец, — ибо отход на противоположный берег Дуная в условиях наступления противника грозил крупными потерями и лишил бы нас возможности быстро восстановить положение на участке вражеского прорыва»¹.

Полтора месяца, до середины февраля 1945 г., не прекращались напряженные бои. Немцам не удалось ни деблокировать гарнизон Будапешта, ни отбросить советские войска за Дунай. А 13 февраля венгерская столица была взята советскими войсками.

...Военные специалисты предсказывают наступление эпохи, в которой ведение боевых действий не будет сопровождаться жертвами. Возможно, и так, но вот XX век в

¹ Цит. по: *Светлишин Н.А.* Орден «Победа» — полководцам. С. 230.

полной мере подтвердил поговорку, что война без жертв не бывает. Толбухин, однако, был не из тех полководцев, кто покорно воспринимал этот постулат. «Я длительное время работал с Федором Ивановичем Толбухиным, — подтверждает генерал-лейтенант Н.Е. Субботин, — он, как никто, берег личный состав армии — фронта, всегда стремился добыть победу малой кровью».

Такое стремление прослеживается в действиях маршала постоянно. Он прекрасно понимал чувства солдат и офицеров, шедших под вражеский огонь, когда война явно клонилась к завершению. Но последнего не мог не видеть и враг, бешено сопротивлявшийся в агонии. Так случилось, что именно фронту Толбухина пришлось выдержать одно из самых масштабных контрнаступлений, предпринятых гитлеровцами в финале войны. Стремясь во что бы то ни стало прикрыть подступы к Южной Германии, фашистское командование попыталось в марте 1945 г. в районе озера Балатон отбросить войска 3-го Украинского фронта за Дунай. Для этого было сосредоточено большое количество подвижных частей, давшее врагу более чем двойное превосходство в танках и штурмовых орудиях.

Приказ из Москвы был категоричен и требовал перехода в этих условиях к обороне. Выполняя его, Федор Иванович сумел правильно определить направление удара главных сил противника — в полосах обороны 4-й гвардейской и 26-й армий, где и сосредоточил свой резерв: два танковых, механизированный, кавалерийский корпуса и стрелковую дивизию. Войска и органы управления готовились к отражению массированных ударов авиации и танков. Ключевую роль здесь были призваны сыграть дежурные силы во всех звеньях от взвода до фронта включительно, готовые к немедленным действиям.

С первых же рассветных часов 6 марта 1945 г. сражение приобрело предельно ожесточенный характер. Бывало, что противник бросал в атаку одновременно до

350 танков и штурмовых орудий. Не имея в первой линии обороны ни танков, ни самоходных орудий, наши войска отвечали огнем артиллерии и ударами с воздуха. Толбухин чутко улавливал и пунктуально отслеживал динамику событий. Как только определилось направление главного удара противника, он приказал выдвинуть на заранее подготовленную оборону подвижные резервы. Сюда же со второстепенных направлений были переброшены артиллерийские части.

Военные историки отмечают наиболее характерную черту Балатонской оборонительной операции — резкую и частую смену обстановки. В течение всех девяти дней сражения противник пытался прорваться то на одном, то на другом направлении. Но везде его встречали мощные ответные удары. С 15 марта немцы прекратили атаки и под непрерывным давлением войск 3-го Украинского фронта стали поспешно отходить.

Вот когдагодились 9-я и 4-я гвардейские армии, предусмотрительно сохраненные Толбухиным в резерве. Именно они, по замыслу Ставки, должны были сыграть роль ударной группировки в предстоящем наступлении на Вену. Начавшееся 16 марта, оно оказалось внезапным для противника. Маршал все время наращивал удар. На третий день операции к 9-й и 4-й гвардейским армиям присоединилась 6-я гвардейская танковая армия. Уже в первых числах апреля советские войска вышли к австрийской столице.

Желая сохранить Вену и ее исторические и культурные памятники, Федор Иванович обратился к населению города с призывом помогать советским воинам и не позволить фашистам разрушить город. Действия артиллерии и авиации были максимально щадящими. На седьмые сутки боев войска фронта полностью овладели Веной.

26 апреля 1945 г. «за умелое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству боевыми

операциями большого масштаба, в результате которых достигнуты выдающиеся успехи в деле разгрома немецко-фашистских войск», Толбухин был награжден орденом «Победа». Он также стал обладателем уникальной коллекции орденов тех стран, в освобождении которых ключевую роль сыграли вверенные ему войска — Болгарии, Югославии, Венгрии.

«Успеху его полководческой деятельности в определенной мере способствовало сочетание службы на штабных и командных должностях. Длительная работа в штабах приучила его к трудолюбию, вдумчивости, конкретности, аккуратности, дотошности, умению самому трудиться, глубоко вникать и доходить до мельчайших деталей планирования, подготовки операций и управления войсками. А его способность не только опираться на штаб, начальников родов войск, но и создать естественную атмосферу взаимного доверия, творческого сотрудничества, совместной ответственности за судьбу операции, возможность каждому офицеру и коллективу в целом проявить инициативу и раскрыть себя — может быть сравнима только с тем, что было у К.К. Рокоссовского»¹.

К сожалению, маршал прожил после войны лишь четыре года, уйдя из жизни всего пятидесятипятилетним. Занимая пост командующего войсками Закавказского военного округа, он мужественно противостоял натиску тяжелой болезни. «Никогда не забуду, — с чувством писал Василевский, — как Федор, лежа на больничной койке, буквально за несколько минут до своей кончины уверял, что завтра он выйдет на работу».

За годы войны Москва 36 раз салютовала войскам, которыми командовал Федор Иванович Толбухин, в честь одержанных ими побед. 19 октября 1949 г. такой салют прозвучал вновь, но был он траурным: страна и армия прощались

¹ *Гареев М.А.* Полководцы Победы и их военное наследие. С. 285.

с безвременно скончавшимся полководцем. После войны это была первая и столь ощутимая потеря в маршальском корпусе Советских Вооруженных Сил.

К.А. Мерецков:
**«ВЕРХОВНЫЙ ПОЧЕМУ-ТО НАЗЫВАЛ МЕНЯ
ХИТРЫМ ЯРОСЛАВЦЕМ»**

Маршал И.С. Конев получил негласный титул гения внезапности, маршал Л.А. Говоров прослыл исключительным мастером артиллерийского наступления, генералу армии И.Е. Петрову не было равных в оборонительных сражениях, особенно при численном превосходстве врага. Кирилла Афанасьевича Мерецкова же уважительно звали маршалом северных направлений. Свирь и Волхов, Синявино и Новгород, Петрозаводск и Киркенес, — они навечно вошли в ратную историю Отечества благодаря победам Волховского и Карельского фронтов Мерецкова. Именно здесь, в тяжелейших условиях Севера, где «генерал Мороз» был сколь союзником в противоборстве с немцами и финнами, столь и противником, познал маршал минуты высшего торжества победителя. Но — так уж сложилось — орден «Победа» он, единственный из полководцев, получил за мастерство в управлении войсками не в годы Великой Отечественной войны, а на театре войны с Японией.

Кирилл Афанасьевич родился в 1897 г. в д. Назарьево Московской губернии. В 1911 г. окончил сельскую школу, а в 1914 г. еще и вечерние образовательные курсы. Солдатскую шинель, подобно многим своим ровесникам, надел еще до революции. И до конца жизни военную форму не снимал. Хотя в юности мечтал стать учителем. К знаниям тянулся жадно.

«Родился я... в семье маломощного крестьянина-середняка Афанасия Павловича Мерецкова. Семья наша

была большая и всегда испытывала большую нужду, — читаем в его автобиографии. — В деревне школы не было, вначале, две зимы, учился у отставного фельдфебеля. К этому времени в нашей деревне была отстроена и открыта земская начальная школа, в которой я окончил 4 класса. Тринадцатилетним мальчиком, в 1910 году, отправился в Москву и поступил на завод слесарем-учеником. Работая на заводе, по вечерам учился и закончил вечерние и воскресные курсы»¹.

Редкий факт: в годы Гражданской войны из-за потребностей фронта он дважды вынужден был прерывать учебу в Военной академии РККА, но всякий раз возвращался на академическую скамью. Так формировался кругозор, ковался характер, не позволявший пасовать перед трудностями и испытаниями, какими бы лютыми они ни выпадали потом.

Мерецков быстро рос по службе, реализуя все более явно проявлявшиеся качества военачальника. Из помощника начальника штаба стрелковой бригады он к 1922 г. вырос до начальника штаба кавалерийской дивизии. А уже в начале 30-х гг. последовательно возглавлял штабы крупнейших военных округов — Московского, а затем Белорусского, пройдя здесь блестящую школу командарма 1-го ранга И.П. Уборевича — возможно, самого талантливого советского полководца тех лет. «Ни один военачальник не дал мне так много, как Иероним Петрович», — вспоминал Кирилл Афанасьевич.

Они хорошо сработались и вывели округ в число лучших в Красной Армии. Вклад начальника штаба в это достижение высоко оценивал командующий войсками. «В должности начштаба БВО в личной подготовке продолжал расти... — характеризовал Уборевич своего подчиненного в 1934 г. — Изучил театр военных действий, вопросы

¹ Красная звезда, 1995, 21 апреля.

железнодорожных перевозок. Прodelал огромную работу по вопросам управления, тактической подготовки войск и штабов. Хорошо справился с проведением опытных учений. Крепко дисциплинирован».

Еще до Великой Отечественной войны Кирилл Афанасьевич повоевал так, как редко кому довелось. Обширный боевой опыт приобрел в Испании, откуда вернулся с двумя орденами — Ленина и Красного Знамени, а главное — в ходе советско-финляндской войны 1939—1940 гг. К этому времени он, поработав после возвращения из Испании заместителем начальника Генерального штаба РККА, уже командовал (с сентября 1938 г.) войсками Приволжского, а затем Ленинградского военных округов.

В ходе войны с Финляндией командарм 2-го ранга Мерецков руководил действиями 7-й армии, поставленной на главное направление Северо-Западного фронта. Кирилл Афанасьевич вступил в командование в один из наиболее тяжелых для армии моментов: ее соединения безуспешно пытались взять штурмом линию Маннергейма — систему мощных долговременных укреплений финнов на Карельском перешейке. Тщательно проанализировав ситуацию, командующий пришел к выводу, что наскоком, без тщательной подготовки все усилия штурмующих обречены на провал. Под его руководством был разработан план операции, в котором особое значение придавалось использованию орудий большой мощности для поражения вражеских дотов прямой наводкой, а также действиям штурмовых групп саперов и ударам авиации. Соответственно этому войска и вели подготовку к штурму.

Казавшаяся неуязвимой линия Маннергейма была прорвана. Одновременно части Красной Армии форсировали по льду Выборгский залив и перерезали шоссе Выборг — Хельсинки. Взятие Выборга стало финальным аккордом войны.

Именно после этих событий за Мерецковым прочно утвердилась слава мастера по организации прорыва глубоко эшелонированных укрепленных районов, притом в сложных природно-климатических условиях Севера. Признанием его заслуг стало присвоение ему звания Героя Советского Союза и воинского звания генерал армии. Вскоре он стал заместителем наркома обороны, а в августе 1940 г. — начальником Генерального штаба.

Однако через полгода Кирилл Афанасьевич вынужден был уступить свой пост Г.К. Жукову. Он стал заместителем народного комиссара обороны по боевой подготовке и, как утверждают даже некоторые современные справочные издания, пребывал в этой должности до октября 1941 г.¹ Если бы так. На самом деле его судьба совершила такой кульбит, от которого иной бы до конца дней не смог прийти в себя, не то что трудиться и воевать с успехом. Не успели пройти десять дней Великой Отечественной войны, как полководца арестовали по вздорному обвинению в участии в «военно-фашистском заговоре».

У генерала армии Д.Г. Павлова, снятого с поста командующего войсками Западного фронта, усиленно выбивали показания на бывшего начальника Генштаба. По собственному выражению Мерецкова, «дубасили» и его самого, да так, что «я почувствовал, что теряю рассудок...»². То же показывал в 1953 г. на допросе бывший руководитель советских спецслужб Берия: «Для меня несомненно, что в отношении Мерецкова, Ванникова и других применялись беспощадные избиения, это была настоящая мясорубка, и таким путем вымогались клеветнические показания». По некоторым сведениям, генерала спасло заступничество недавнего наркома обороны маршала С.К. Тимошенко, заявившего вождю, что в условиях тяжелых поражений и

¹ Маршалы Советского Союза. Личные дела рассказывают. С. 54.

² *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА 1937—1938. С. 215.

острого недостатка руководящих кадров надо вернуть из заключения тех, кто заслуживает доверия.

Кирилла Афанасьевича доставили в Кремль.

— Здравствуйте, товарищ Мерецков! Как вы себя чувствуете? — встретил его вождь.

— Здравствуйте, товарищ Сталин! — кратко ответил Мерецков. — Чувствую себя хорошо.

Повисла пауза, словно хозяин кабинета хотел что-то спросить и не решался. Такое с ним случалось исключительно редко.

— Тяжело там было? — наконец прозвучал вопрос.

— Не стоит об этом, — с достоинством сказал маршал. — Прошу разъяснить боевое задание...

Мерецков был назначен командующим 7-й отдельной армией, которая в сентябре 1941 г. остановила наступление противника на рубеже реки Свирь, а затем возглавил 4-ю армию, участвовавшую в разгроме врага под Тихвином. Но и тогда за ним неотступно следовал особист, чтобы генерал армии, не дай бог, не перебежал к противнику. И продолжалось это до тех пор, пока разозлившийся Мерецков не заявил: «Перестань ходить за мной. Мне жить не хочется. Ты знаешь, что делали со мной в НКВД?..»

В глазах Сталина полководец еще со времен советско-финляндской войны прослыл признанным мастером по ведению наступления в лесисто-болотистой местности. Этим и определился выбор его кандидатуры, когда решался вопрос с назначением командующих объединениями, которые действовали на Севере.

С декабря 1941-го по февраль 1944 г. Мерецков командовал Волховским фронтом, а затем принял Карельский фронт. Чаще всего ему приходилось решать очень сложные задачи при ограниченных силах: Ставка направляла резервы в первую очередь на другие фронты, где в тот или иной момент определялся ход войны. Но полководец не подводил и при таком обороте дела.

Маршал Советского Союза А.М. Василевский летом 1942 г. имел возможность видеть работу Кирилла Афанасьевича непосредственно в войсках, на поле боя. Условия для Волховского фронта были исключительно сложными, но в этой боевой обстановке по-особому ярко раскрылись достоинства командующего. Принимаемые им решения отличались продуманностью, серьезностью и полным соответствием требованиям сложившейся фронтовой обстановки. Готовясь к той или иной операции или решая вопросы использования войск в бою, он, опираясь на свои обширные военные знания и огромный практический опыт, всегда внимательно прислушивался к разумному голосу своих подчиненных и охотно использовал опыт коллектива. Принимаемый им, как правило, смелый и оригинальный замысел операции всегда предусматривал скрупулезное изучение сил и возможностей врага, строгий расчет и осмотрительность, всестороннее изучение всех плюсов и минусов.

«Полководческий стиль К.А. Мерецкова, которого Сталин шутливо называл "мудрым ярославцем", на мой взгляд, — писал Василевский, — отличали обстоятельность и предусмотрительность в хорошем понимании этих слов. Кирилл Афанасьевич предпочитал свои решения по фронту предварительно согласовывать с Генеральным штабом, обязательно выяснял мнение "Высшей инстанции" по той или иной разрабатываемой проблеме»¹.

И что еще было характерно для стиля Мерецкова — он стремился любую задачу решить не только наверняка, но и обязательно малой кровью. Этому он учил и своих подчиненных. Так, будущему Маршалу Советского Союза, а тогда полковнику П.К. Кошевому, командиру 65-й стрелковой дивизии, только что прибывшей из тыла в состав Волховского фронта, командующий посоветовал еще до первого

¹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. Кн. 2. С. 276—277.

боя непременно побывать на передовой, чтобы самому узнать, что такое оказаться под вражеским огнем. Тогда и психология необстрелянного личного состава будет понятнее, и пути достижения успеха в бою увидятся яснее.

В январе 1943 г. руководимые Мерецковым войска совместно с соединениями Ленинградского фронта (командующий — Л.А. Говоров) участвовали в успешном прорыве блокады Ленинграда. Главный удар было решено нанести через синявинские торфяные болота: здесь войска двух фронтов разделяли всего 15 км. Да и достигалась внезапность наступления, поскольку враг снизил на этом направлении бдительность, учитывая исключительную сложность наступления в зимнее время по болотистой местности.

Готовя операцию, Мерецков не мог не вспомнить о личной записке И.В. Сталина, датированной еще 29 декабря 1941 г. и врученной ему перед началом Любанской операции. «Уважаемый Кирилл Афанасьевич! — обращался Верховный. — Дело, которое поручено вам, является историческим делом. Освобождение Ленинграда, сами понимаете, — великое дело. Я бы хотел, чтобы предстоящее наступление Волховского фронта не разменивалось на мелкие стычки, а вылилось бы в единый мощный удар по врагу. Я не сомневаюсь, что вы постараетесь превратить это наступление именно в единый и общий удар по врагу, опрокидывающий все расчеты немецких захватчиков. Жму руку и желаю вам успеха»¹.

Тогда, в 41-м, существенно помочь Ленинграду не удалось. Теперь же Кирилл Афанасьевич сам себе не простил бы неудачу. «Весь декабрь, — вспоминал он, — войска напряженно готовились к предстоящей операции.

¹ Цит. по: *Киселев А.* Маршал Советского Союза Кирилл Мерецков // Полководцы и военачальники Великой Отечественной. Вып. 3. М., 1985. С. 110.

Состоялись сборы командного состава. Были проведены командно-штабные игры. Части и подразделения тренировались в учебных городках, сооруженных по примерно-му образцу тех узлов обороны, которые доведется затем преодолеть. Аэрофотосъемка дала богатый материал, и наши военные инженеры быстро возвели некое подобие вражеского ледяного вала, дотов на болоте и различных полевых укреплений. Командиры соединений досконально отработывали вопросы взаимодействия родов войск. Я несколько раз проверял их готовность к осуществлению задания»¹.

Поскромничал командующий. Он буквально дневал и ночевал в войсках, лично проводя и контролируя занятия, тренировки, командно-штабные учения. Но и результат оказался впечатляющим: всего за 7 дней блокада Ленинграда была прорвана.

В январе — феврале 1944 г. опять-таки во взаимодействии с Ленинградским фронтом была осуществлена Новгородско-Лужская операция, в ходе которой удалось взломать глубоко эшелонированную оборону противника, расчленив группу фашистских армий «Север» и освободить Новгород и Лугу.

Когда встал вопрос об освобождении Карелии и Заполярья, Ставка, определяя, кому быть командующим Карельским фронтом, протянувшимся от Ладожского озера до полярных морей, вновь остановила выбор на Мерецкове. При нем войска фронта провели две наступательные операции: Свирско-Петрозаводскую (июнь — август 1944 г.), в ходе которой была освобождена Южная Карелия, и Петсамо-Киркенесскую (октябрь 1944 г.), завершившуюся изгнанием фашистов из Заполярья и северной части Норвегии. Обе эти операции относятся к выдающимся достижениям советского военного искусства, их автор генерал армии

¹ Мерецков К.А. На службе народу. М., 1984. С. 322.

Мерецков был по праву удостоен звания Маршала Советского Союза.

Он в очередной раз подтвердил репутацию полководца северных направлений, умевшего особенности сурового ландшафта поставить себе на службу. По этому поводу — пример из истории Петсамо-Киркенесской операции. Разведка выяснила, что у немцев, противостоявших правому флангу 14-й армии, которая наносила главный удар, не было средств борьбы с тяжелыми танками. Противник просто не допускал, что такие танки могут действовать на резко пересеченной местности Заполярья. Перемещаться тяжелым боевым машинам было действительно затруднительно. Но можно! Да и элемент внезапности дорогого стоил. По приказу командующего фронтом на этот участок фронта доставили танки КВ, и они пошли в бой, огнем мощных орудий круша оборонительные сооружения врага, расчищая путь пехоте. Опыт применения тяжелых танков в специфических условиях Заполярья оказался, без преувеличения, уникальным.

...С Парада Победы путь полководца и его штаба пролег в Маньчжурию. Накануне, раздумывая, кого назначить командующим 1-м Дальневосточным фронтом, Сталин назвал фамилию Мерецкова. При этом, как вспоминал генерал армии С.М. Штеменко, сказал:

— Хитрый ярославец найдет способ, как разбить японцев. Ему воевать в лесу и рвать укрепленные районы не впервой.

«При неофициальных встречах, — подтверждал в своих воспоминаниях Кирилл Афанасьевич, — он почему-то называл меня “ярославцем” или “хитрым ярославцем”. Так, например, он называл меня с улыбкой, когда ему нравилось внесенное мной предложение по важному вопросу, или, сердясь, когда я не соглашался с его мнением»¹.

¹ Мерецков К.А. На службе народу. М., 1984. С. 221.

Трудно сказать, почему Мерецков в глазах Верховного ассоциировался с Ярославлем, где маршал бывал разве что проездом, но вот основания считать его мастером военной хитрости, надо признать, были. И в сражениях с немцами это проявлялось постоянно. Так, например, в начале Свирско-Петрозаводской операции по освобождению Южной Карелии главной ударной группировке фронта предстояло преодолеть Свирь — реку 350-метровой ширины. Чтобы выявить максимально возможное число огневых точек врага и тем самым снизить потери участников форсирования, Кирилл Афанасьевич приказал организовать ложную переправу. Заранее заготовили плоты и лодки с привязанными к ним чучелами солдат, которые были спущены на воду после мощного удара нашей артиллерии. Специально отобранные добровольцы, плывя за плотами и лодками, подталкивали их к противоположному берегу, а артиллерийские разведчики тем временем засекали не подавленные в ходе артподготовки огневые средства врага. По ним и ударила вновь советская артиллерия. А в это время наша пехота, посаженная на 200 машин-амфибий, форсировала реку в другом месте...

В Приморье, как и в Карелии, советским войскам пришлось прорывать укрепления, которые возводились японцами на протяжении многих лет с использованием преимуществ горной и горно-лесистой местности. Это было привычно для Мерецкова. Но вот ситуация с разведкой была совершенно иной, непривычной. С апреля 1941 г. продолжал действовать советско-японский пакт о нейтралитете, и до момента его денонсации и объявления войны ведение воздушной разведки, а также разведки боем исключалось. Отсутствие же надежных данных о противнике сводило к минимуму эффективность артиллерийской и авиационной подготовки.

Одновременно для соблюдения скрытности приготовлений к боевым действиям основные силы нужно было

держат подальше от приграничной полосы, между тем как прорыв японских укрепленных районов требовал и мощной артподготовки, и наступления из положения непосредственного соприкосновения с противником. Тут было над чем задуматься.

Вначале командующий рассчитывал решить проблему, проведя в течение трех суток артиллерийскую и авиационную подготовку и дополнив ее массированными артналетами на оборону японцев непосредственно перед переходом госграницы. Но, поразмыслив и выслушав мнение штабистов, от этой задумки отказался. Удар по плохо разведанным целям, каким бы мощным его ни удалось организовать, не мог дать должной эффективности. Да и элемент внезапности исчезал напрочь.

Решение родилось при посещении К.А. Мерецковым и маршалом А.М. Василевским, главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке, 5-й армии. Чтобы обеспечить и внезапность при переходе границы, и мощност удара, ее командующий генерал Н.И. Крылов предложил начать наступление без артподготовки усиленными передовыми батальонами, сформированными из бывалых фронтовиков.

Мерецков сразу оценил плодотворность мысли подчиненного. Он лично возглавил подготовку батальонов. Начался недолгий, но чрезвычайно насыщенный период учебы, которой охватывались все командиры и штабы, личный состав передовых батальонов, артиллерийских групп и других привлекаемых частей и подразделений. На картах и макетах местности отрабатывался порядок скрытного выдвижения батальонов, способы преодоления заграждений и внезапного захвата оборонительных сооружений. Затем подразделения переходили на местность. Инженерные службы оборудовали учебные поля, воспроизводившие опорные пункты противника, на которых практически отрабатывались действия наступавших.

Тактико-строевые занятия завершались комплексными учениями в дивизиях¹.

Каждый этап контролировался лично командующим фронтом, которого видели не только в штабе, но и в блиндаже, на учебном поле, в курилке. «Солдаты и офицеры любили своего командующего, — свидетельствовал А.М. Василевский, — любили за человечность и постоянную заботу о них, за отвагу, за твердость при проведении в жизнь решений, за прямоту и простоту в общении».

По решению Мерецкова главный удар наносился вдоль межгорной долины двумя армиями (1-й Краснознаменной и 5-й) в направлении на Муданьцзян, а частью сил — на Харбин, навстречу войскам Забайкальского и 2-го Дальневосточного фронтов. Исходя из особенностей местности и характера обороны, было решено осуществить прорыв вражеских укреплений на широком фронте, но не сплошь, а лишь на нескольких участках.

9 августа, в день, когда должно было начаться наступление войск 1-го Дальневосточного фронта, в дело вмешалась погода: над Приморьем разразился тропический ливень. В этих условиях на авиацию рассчитывать не приходилось, да и для артиллерии условия были неблагоприятные. Но, с другой стороны, как думалось маршалу Мерецкову, японцы вряд ли ожидают наступления наших войск. И он вопреки всем канонам приказал начать операцию без артиллерийской подготовки.

«Заслуживает внимания прорыв войсками 1-го Дальневосточного фронта японских укрепленных районов ночью без артиллерийской и авиационной подготовки, — писал Маршал Советского Союза М.В. Захаров. — Неожиданное появление наших передовых отрядов в расположении опорных пунктов японских укрепленных районов застигло их гарнизоны врасплох, а стремительные действия исклю-

¹ См.: *Гареев М.А.* Полководцы Победы и их военное наследие. С. 192.

чили возможность оказания противником организованного сопротивления»¹.

В образовавшиеся брешы вслед передовым отрядам устремились соединения первого эшелона. За 6 дней войска 1-го Дальневосточного фронта продвинулись на глубину до 150 км, овладев портами Юки и Расин и отрезав Квантунской армии пути отхода в Корею. А через некоторое время наши части вступили в города Харбин, Гирин и Чанчунь.

После окончания боевых действий маршал Мерецков почти десять лет командовал войсками военных округов — Приморского, Московского, Беломорского и Северного, около года служил начальником высших офицерских курсов «Выстрел», а затем довольно долго занимал пост помощника министра обороны СССР по высшим военно-учебным заведениям. В апреле 1964 г., учитывая возраст, Кирилл Афанасьевич был переведен в группу генеральных инспекторов.

...Когда ветераны-мерецковцы собираются, чтобы поднять скорбную чарку за упокой души оставшихся на войне однополчан, за разговорами кто-нибудь непременно заведет знаменитую «Волховскую застольную» поэта Павла Шубина:

Выпьем за тех, кто неделями долгими
В мерзлых лежал блиндажах,
Бился на Ладогe, дрался на Волхове,
Не отступал ни на шаг...

Подтягивают все. А перед мысленным взором встают те, «кто командовал ротами, кто умирал на снегу», и их славный комфронт — маршал Кирилл Мерецков.

¹ Красная звезда, 1995, 21 апреля.

Л.П. Берия:
**«РАБОТНИКИ НКВД—НКГБ ПРОДЕЛАЛИ
ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ РАБОТУ»**

Л.П. Берия был единственным в СССР государственным деятелем, который обладал и высшим воинским званием — Маршал Советского Союза, и званием специальным — Генеральный комиссар государственной безопасности, присвоенным ему по линии НКВД в январе 1941 г. Но прилипшая к его имени кличка «лубянский маршал» куда в большей степени соответствовала истинной роли Берии в сталинском государстве. Эта личность причудливым образом вместила в себе как самые мрачные стороны сталинщины — едва ли не наиболее репрессивного режима в XX веке, так и первые прорывы к обществу, свободному от тоталитаризма, репрессий, страха.

Лаврентий Берия был на двадцать лет моложе своего покровителя и земляка И.В. Сталина. Он родился в 1899 г. в селении Мерхеули близ Сухуми, в крестьянской семье. Уже после Октябрьской революции окончил в Баку строительно-техническое училище, а затем два курса политехнического института. В 1919 г. вступил в РКП(б).

Почти с самого начала сознательной жизни Берия оказался связанным с органами госбезопасности. Года два поработав в Грузии и Азербайджане скромным служащим таможи, в 1921 г. он был сразу назначен заместителем начальника секретно-оперативного отдела Азербайджанской ЧК, а вскоре и начальником этого отдела — заместителем председателя АзЧК. Через два года его переводят в Тбилиси, где он продолжает быстро расти по службе, став председателем ГПУ Грузии, а затем и всего Закавказского ГПУ.

Чем объяснить его бурный карьерный рост? Безусловно, Берия был очень энергичным, пробивным, напористым человеком с изощренным практическим умом, но при этом

лишенным нравственных ориентиров, трусливым и подлым. Он быстро понял, какую реальную роль в стране играют органы безопасности. В условиях перманентной чрезвычайщины, постоянной опоры властей на тезис о враждебном капиталистическом окружении, «вредительстве» и тотальном проникновении шпионов именно в этих органах легче всего было отличиться, оказаться замеченным.

В 1931 г. едва переваливший за 30-летний рубеж Лаврентий был переведен в партийные органы, став сразу первым секретарем Закавказского крайкома ВКП(б), а после разделения Закавказской федерации на три республики — первым секретарем ЦК КП(б) Грузии. Такая ротация кадров — из спецслужб в партийные органы и наоборот — была в СССР обыденной практикой.

Главная беда, однако, состояла в том, что в 1930-е гг. перемешивались не только кадры, но и стиль, методы, приемы работы этих двух институтов власти. Именно на партийную организацию Грузии, ее народ в первую очередь обрушились репрессии, и руководил ими быстро приобретавший репутацию «верного ученика товарища Сталина» первый секретарь ЦК Берия.

В 1934 г. на XVII съезде партии Берия впервые вошел в состав ЦК ВКП(б), то есть сделал очень серьезный шаг к вершине власти. Но по-настоящему он обратил на себя благосклонное внимание Сталина, как принято считать, в 1935 г., когда вышла в свет брошюра «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» с именем Берии на титульном листе. Эта небольшая книжка стала предшественницей знаменитого «Краткого курса» истории ВКП(б), заявив о беспрецедентной роли Сталина в развертывании революционного движения в регионе. Для упрочения культа личности Иосифа Виссарионовича она оказалась незаменимой, и вождь по достоинству оценил усилия земляка.

В августе 1938 г. произошла новая кадровая перестановка: Берия отправился в Москву первым заместителем Н.И. Ежова, наркома внутренних дел СССР, чтобы уже через четыре месяца самому занять кресло наркома. Почти сразу же Лаврентий Павлович стал кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), заместителем председателя Совнаркома СССР. Он оказался похитрее, поизощреннее своих предшественников на посту наркомвнудела, а стало быть, и более нужным Сталину, чем Г.Г. Ягода и Н.И. Ежов.

В первую очередь он умело воспользовался некоторым отрезвлением Сталина и его ближайших сподвижников, понявших, в какую пропасть может затянуть (и их самих в том числе) волна репрессий. «Наверху» было сочтено необходимым притормозить маховик бессудных расправ. А чтобы отвести всякую ответственность от вождя и его клеветов, прибегли к привычной мере: жертвы списали на «врагов народа», якобы пробравшихся в органы НКВД. Берии выпала редкая удача предстать перед общественным мнением эдаким орудием справедливости, и он этот шанс не упустил. Цинизм редкий, будто не он до этого сеял смерть в Закавказье, будто не под его непосредственным руководством палачи расправились с Маршалом Советского Союза Блюхером.

17 ноября 1938 г. по предложению комиссии, в которую вошли начальник управления кадров ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков и новоиспеченный заместитель наркома Берия, было принято совместное постановление ЦК и СНК СССР «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия». В нем, как и в еще одном постановлении «О порядке согласования арестов» (1 декабря 1938 г.), шла речь о необоснованности массовых арестов, осуждался глубоко укоренившийся упрощенный порядок расследования, при котором следователь ограничивался получением от обвиняемого признания своей вины, признавался факт фальсификации органами НКВД многих дел. Постановления запрещали

производство каких-либо массовых операций по арестам и выселению, было предписано производить аресты только по постановлению суда или с санкции прокурора.

Казалось, возвращалась справедливость. Например, к началу Великой Отечественной войны получили свободу несколько тысяч военных, среди которых были будущий Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, генералы армии А.В. Горбатов, К.Н. Галицкий, генерал-лейтенант Л.Г. Петровский и другие.

Но, во-первых, на время притормозив репрессии, режим потом с лихвой наверстал упущенное, а во-вторых, истинный замысел кампании по «восстановлению» социалистической законности выдает личность человека, который ее организовывал. Вчера — палач, а сегодня — поборник закона, не издевательство ли это над здравым смыслом?

К слову, Сталин прекрасно знал, что представляет собой его ближайший сподвижник. Бывший министр иностранных дел СССР, а в описываемый период — посол в США А.А. Громыко вспоминал более чем выразительный эпизод, связанный с Ялтинской конференцией союзников в 1945 г. Во время обеда, который советская делегация давала в честь американцев и англичан, президент Ф. Рузвельт, указывая на Берия, обратился к Сталину с вопросом:

— Кто этот господин, который сидит напротив посла Громыко?

Видимо, прежде чем сесть за стол, Лаврентий Павлович не представился Рузвельту. Сталин без тени усмешки ответил:

— А-а! Это же наш Гиммлер. Это — Берия¹.

Что тут добавишь?..

Берия гораздо более чутко, чем его предшественники, улавливал различные настроения в «верхах». Так, Сталин не желал сокращения того потенциала дешевого труда, без

¹ Цит. по: Берия: конец карьеры. М., 1991. С. 221.

которого не могла существовать советская экономика и который предоставлялся ГУЛАГом. Зная об этом, наркомвнудел превратил вверенное ему ведомство в крупнейший производственный наркомат. Силами заключенных, а их к началу Великой Отечественной войны в лагерях и колониях было более 2,3 млн человек, прокладывались судоходные каналы, строились аэродромы, железные и шоссейные дороги, возводились крупнейшие производственные комбинаты, добывались золото, нефть, уголь, заготавливался лес, производились снаряды и обмундирование для армии¹.

При Берии была введена и новая форма «организации труда» ученых и инженеров. НКВД сосредоточил в своих руках работы по созданию образцов новой военной техники. Еще в феврале 1939 г. в Болшево появилась первая «шарашка» — Особое техническое бюро, преобразованное позднее в СКБ-29. Заключенные — а это были крупнейшие отечественные конструкторы авиационной и ракетной техники А.Н. Туполев, В.М. Петляков, В.М. Мясищев, С.П. Королев, В.П. Глушко и многие другие — работали там над новейшими образцами техники.

Утро 22 июня 1941 г. Берия встретил в сталинском кабинете, куда был вызван наряду с другими высшими руководителями. Советский лидер долго не мог поверить, что Гитлер все-таки перехитрил его. А ведь до самого последнего момента все казалось наоборот. Веру И.В. Сталина в собственную проницательность активно питали многие его приближенные, в том числе Берия. Чего стоил хотя бы доклад наркома, датированный 21 июня 1941 г.: «Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня "дезой" о якобы готовящемся Гитлером нападении на

¹ ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал, 1991, № 1. С. 21—22.

СССР. Он сообщил, что это "нападение" начнется завтра... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 г. Гитлер на нас не нападет!...»¹.

Об этом ни незадачливый прогнозист, ни его адресат старались потом никогда не вспоминать. С образованием Государственного Комитета Обороны Берия стал заместителем председателя, то есть Сталина. В годы войны эти два человека сблизились необычайно. Лаврентию Павловичу поручались самые секретные и деликатные миссии.

Война войной, но борьба с «врагами народа» продолжала оставаться «святым» делом для наркома внутренних дел. В октябре 1941 г. он отдал письменное распоряжение о расстреле без суда 25 высокопоставленных военных деятелей, арестованных по списку, который составили В.Н. Меркулов, первый заместитель наркома, и Б.З. Кобулов, начальник следственной части наркомата. В этот список попали начальник Управления противовоздушной обороны Наркомата обороны СССР Герой Советского Союза генерал-полковник Г.М. Штерн, командующий войсками Прибалтийского военного округа генерал-полковник А.Д. Локтионов, заместитель наркома обороны и начальник Разведывательного управления Герой Советского Союза генерал-лейтенант И.И. Проскуров, начальник Военно-Воздушных Сил Красной Армии дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Я.В. Смушкевич, начальник Главного управления ВВС РККА Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации П.В. Рычагов и другие.

Все они по сфабрикованным материалам были обвинены в принадлежности к военному заговору и проведении антисоветской террористической деятельности. Во время нахождения под стражей арестованные подвергались нече-

¹ Цит. по: Некрасов В.Ф. Тринадцать «железных» наркомов. М., 1995. С. 236—237.

ловеческим пыткам и истязаниям¹. Вывезенные в Куйбышев, 28 октября 1941 г. они по преступному предписанию Берия были без суда расстреляны.

В особо острые моменты войны Сталин поручал наркомому задания, связанные непосредственно с фронтовыми делами. В 1942—1943 гг. Берия несколько раз выезжал на Северный Кавказ. Задачи ему ставились разные: от организации обороны кавказских перевалов до выселения проживавших на Кавказе народов. «За образцовое выполнение специального задания правительства» (читай: выселение в восточные районы СССР 650 тысяч чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков и карачаевцев) Берия был удостоен полководческого (!) ордена Суворова 1-й степени. А в июле 1945 г. тучные плечи этого «полковдца» украсились погонями Маршала Советского Союза.

Наряду с полицейскими, а то и палаческими функциями, Берия поручались и дела, которые сыграли важнейшую роль в обеспечении победы Советского Союза в войне с фашистской Германией и в более позднем противостоянии с блоком западных стран. В первую очередь это относится к организации работ по созданию ядерного оружия.

Начальное звено такой работы — добывание соответствующей разведывательной информации. Во время Второй мировой войны советская разведка, в основном сосредоточенная в руководимом Берией ведомстве, располагала за рубежом огромной сетью и действовала весьма эффективно. Только в Вашингтоне и Нью-Йорке сбором различной информации научно-технического характера занимались не менее 5 тысяч человек.

Первые сведения о работах в ядерной области советская разведка добыла еще в начале 1942 г. Берия неоднократно докладывал Сталину о ходе осуществления проекта «Ман-

¹ См.: *Черушев Н.С.* Удар по своим. Красная Армия: 1938—1941. С. 333—334.

хэттен» (по созданию американской ядерной бомбы), об осуществлении Э. Ферми управляемой ядерной реакции, других работах американских ядерщиков. Резидентуры НКГБ и ГРУ Генерального штаба Красной Армии в США, Канаде, Мексике направляли в Москву огромный объем информации.

«Работники 1-го (Разведывательного) Управления НКВД—НКГБ проделали значительную работу по организации разведывательной сети за границей, — обзорева период с июня 1941 г. по ноябрь 1944 г., докладывал Берия Сталину. — За это время выведено за кордон на нелегальную работу 566 человек, завербовано 1240 агентвосведомителей, добыто агентурным путем 41 718 различных разведывательных материалов, в том числе большое количество документальных. Из полученных по линии технической разведки 1167 документов реализовано отечественной промышленностью 616»¹.

Для координации усилий различных ведомств по добыче ядерных секретов союзников в НКГБ по инициативе Лаврентия Павловича в феврале 1944 г. была создана так называемая группа «С» (позднее — отдел) во главе с генерал-майором П.А. Судоплатовым. Уже к концу 1946 г. для советских разведорганов перестали быть секретом важнейшие конструктивные особенности американского ядерного устройства, детали первого взрыва на полигоне в Аламогордо, система охраны, биографические данные многих ученых, занятых в проекте. Схема и описание устройства первой американской ядерной бомбы оказались в Москве всего через 12 дней после завершения ее сборки.

При этом источниками информации выступали не только члены советских резидентур, но и непосред-

¹ Поздняков В.В. Тайная война Иосифа Сталина // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М., 1999. С. 190.

ственные участники работ по «Манхэттенскому проекту» Клаус Фукс и Бруно Понтекорво, Сэвилл Сакс и Теодор Холл. Не исключено, что ряд ценнейших сведений был получен непосредственно от руководителей американской ядерной программы Роберта Оппенгеймера и Энрико Ферми. А ведь информация широким потоком шла и из Великобритании, где на советскую разведку работала знаменитая «кембриджская пятерка» — Дональд Маклейн, Гай Берджесс, Ким Филби, Энтони Блант и Джон Кэрнкросс.

Разведывательная информация, добытая в западных странах, использовалась в интересах развития советской ядерной программы. Надо сказать, что Берия при всех его преступных наклонностях на практике проявил себя крупным организатором и довольно эффективно действующим руководителем разведорганов, человеком динамичным, интересовавшимся существом дела, а не формальным соблюдением бюрократических процедур. Это Сталин знал, и поэтому в августе 1945 г. Лаврентий Павлович был назначен руководителем ядерной программы: претендовавший на эту роль В.М. Молотов конкуренции не выдержал. Фактически же Берия стал во главе работ по созданию в СССР атомного оружия еще в годы войны. Государственный Комитет Обороны поручил ему, заместителю председателя Совета народных комиссаров СССР с 1944 г., «наблюдение за развитием работ по урану» в соответствии с принятым 3 декабря 1944 г. постановлением ГКО о лаборатории И.В. Курчатова.

С 20 августа 1945 г. при Государственном Комитете Обороны, а с его упразднением — при Совете Министров СССР действовал Специальный комитет под председательством Берии. Чтобы последний мог полностью сосредоточиться на этой работе, его в декабре 1945 г. освободили от обязанностей наркома внутренних дел. На комитет возлагалось «руководство всеми работами по использованию

внутриатомной энергии урана»¹. Кроме того, с марта 1953 г. Берии было поручено руководство всеми специальными работами в сфере атомной промышленности, созданием реактивных управляемых комплексов — первого в СССР морского (класса «воздух—море») зенитно-ракетного комплекса «Комета» (в его создании в качестве главного конструктора участвовал сын Берии — Сергей) и «Беркут» (доработанный наземный вариант «Кометы», позднее известный как зенитно-ракетная система ПВО С-25), а также ракет дальнего действия.

«Наши специалисты, — вспоминал позднее главный конструктор систем советского ядерного оружия трижды Герой Социалистического Труда, академик Ю.Б. Харитон, — входя в соприкосновение с ним, не могли не отметить его ум, волю и целеустремленность. Убедились, что он первоклассный организатор, умеющий доводить дело до конца. Может быть, покажется парадоксальным, но Берия, не стеснявшийся проявлять порой откровенное хамство, умел по обстоятельствам быть вежливым, тактичным и просто нормальным человеком»².

В октябре 1949 г. «за организацию дела производства атомной энергии и успешное завершение испытаний атомного оружия» Лаврентий Павлович получил благодарность ЦК и Совета Министров СССР. Его наградили орденом Ленина и присвоили звание лауреата Сталинской премии первой степени.

Правда, после ареста Берии в июне 1953 г. эту сторону его деятельности бывшие коллеги по высшему руководству пытались дискредитировать. «Известно, что Берия ведал Специальным комитетом, занятым атомными делами, — говорил глава правительства Г.М. Маленков на июльском

¹ Некрасов В.Ф. НКВД—МВД и атом. М., 2007. С. 107—108.

² Харитон Ю.Б., Смирнов Ю.Н. Мифы и реальность советского атомного проекта. Арзамас-16, 1994. С. 40—41.

1953 г. Пленуме ЦК, который рассматривал политическое дело Берии. — Мы обязаны доложить пленуму, что и здесь он обособился и стал действовать, игнорируя ЦК и правительство в важнейших вопросах работы Специального комитета. Так, он без ведома ЦК и правительства принял решение организовать взрыв водородной бомбы. Надо ли говорить о значении этого факта»¹.

Что ж, возможно, Берия и в самом деле пытался стать монополистом в атомной проблеме. Но совсем не исключено, что он стремился уберечь столь тонкую сферу, связанную с научным прорывом в неизвестное, от некомпетентного вмешательства партийных чиновников, умевших только «руководить».

Уйдя с поста наркома внутренних дел (его сменил С.Н. Круглов), «лубянский маршал» сохранил и даже упрочил свое влияние на спецслужбы. Став заместителем председателя Совета Министров СССР, он курировал МГБ и МВД. Тогда же, в 1946 г., он стал членом Политбюро (Президиума) ЦК, теперь уже не только фактически, но и формально войдя в самое ближайшее окружение вождя.

Точкой отсчета последнего возвышения Берии и одновременно финиша его жизненного пути стала кончина Сталина в марте 1953 г. Когда политические наследники вождя поделили власть, Лаврентий Павлович стал первым заместителем главы Советского правительства и одновременно возглавил Министерство внутренних дел СССР, которое объединило два прежних министерства — МГБ и МВД. Между ним и двумя другими лидерами — председателем Совета Министров Г.М. Маленковым и первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым — развернулась яростная, хотя и незримая борьба за право стать главным преемником вождя.

¹ Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского Пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 224.

Лаврентий Павлович вступил в схватку с хорошо подготовленным плацдармом. Как первый заместитель главы правительства и министр объединенного Министерства внутренних дел, он сосредоточил в своих руках огромную власть, непосредственно курируя работу управлений, занимавшихся охраной членов высшего руководства, кадрами, разведкой и контрразведкой в армии, а также следственной части, контрольной инспекции, секретариатов МВД и Особого совещания. Ему подчинялась комендатура Московского Кремля. Благодаря широкой сети органов внутренних дел он был хорошо информирован о положении дел на местах, через них он контролировал и обстановку. Под своим началом он сосредоточил огромную массу людей с оружием: даже до объединения с МГБ один лишь аппарат Министерства внутренних дел составлял почти 375 тыс. человек.

Неужели Лаврентий Павлович надеялся стать лидером страны? Каким образом? Опубликованные в последние годы документы, увидевшие свет от его имени или благодаря его инициативе, заставляют думать о нем, как о несостоявшемся... реформаторе. Берия сразу же перехватил политическую инициативу у своих коллег по Президиуму ЦК КПСС, выдвинул, по существу, целую программу преобразований в области прав человека, экономики, социальной жизни, международной политики. Слова, сказанные им с трибуны Мавзолея во время похорон Сталина, о необходимости гарантировать каждому гражданину СССР дарованные ему Конституцией права личности, как ни могло показаться странным, стали воплощаться в жизнь. Своей наступательностью и энергией он сильно испугал Маленкова, Хрущева и иже с ними.

С другой стороны, до чего же была доведена страна, если реформатором и правозащитником выступал палач?

Но как бы то ни было, Берия проявил недюжинную энергию, настойчивость и последовательность, реализовав

одному ему ведомую программу перемен. Прежде всего он предпринял шаги по развенчанию культа личности Сталина, преодолению наиболее вопиющих, преступных проявлений тоталитарной власти.

По инициативе Берии был пересмотрен ряд судебных дел. Так, Военная коллегия Верховного суда СССР отменила приговор по так называемому «авиационному делу», в соответствии с которым в 1946 г. были осуждены нарком авиационной промышленности А.И. Шахурин, командующий ВВС Советской Армии А.А. Новиков и ряд других лиц.

Проведенная по указанию Берии проверка показала, что бывший начальник Главного управления контрразведки «Смерш» В.С. Абакумов (позднее — министр госбезопасности) и его подчиненные в апреле 1946 г. сфабриковали обвинения в адрес Шахурина, Новикова и других лиц, привлеченных по делу: те якобы умышленно наносили вред военной авиации, поставляя на вооружение самолеты и моторы с серьезными конструктивными и производственными недоделками. На основании сфальсифицированных материалов Абакумов оклеветал этих лиц в глазах Сталина и добился разрешения на их арест. В застенках арестованным довелось испить чашу страданий до дна. Они были осуждены к лишению свободы на разные сроки.

После официального обращения Берии приговор в отношении осужденных по этому делу был отменен, и уголовное дело на них за отсутствием состава преступления прекращено¹. По ходатайству министра внутренних дел все незаконно осужденные были восстановлены в партии, им вернули воинские звания, государственные награды, в том числе Главному маршалу авиации Новикову две звезды Героя Советского Союза, генерал-полковнику авиации Шахурину — звезду Героя Социалистического Труда.

¹ Лаврентий Берия. 1953... С. 52—55.

4 апреля 1953 г. Берия, что называется, превзошел самого себя, поставив подпись под приказом, отменявшим людоедские решения ЦК ВКП(б) 1937 г. и 1939 г., которыми органам НКВД разрешалось применение физического воздействия на подсудимых. «Такие изуверские "методы допроса" приводили к тому, — справедливо писал Берия, — что многие из невинно арестованных доводились следователями до состояния упадка физических сил, моральной депрессии, а отдельные из них до потери человеческого облика».

Министр впредь категорически запретил применение к арестованным каких-либо мер принуждения и физического воздействия и потребовал при производстве следствия строго соблюдать нормы уголовно-процессуального кодекса. В тюрьмах — Лефортовской и внутренней МВД — ликвидировались организованные руководством бывшего МГБ СССР помещения для применения к арестованным физических мер воздействия, а все орудия пыток были уничтожены.

Привыкшие за долгие годы лишь слепо исполнять приказы вождя сталинские сподвижники боялись смелых, нетривиальных шагов в политике. Некоторые предложения Берии вообще были реализованы намного позже, конечно, без указания имени их автора. Так, он первым поднял вопрос о положении спецпереселенцев, считая необходимым создать специальную комиссию из представителей партийных, советских и административных органов для изучения условий их труда, быта и отдыха. Эта острейшая проблема нашла разрешение лишь в 1955—1956 гг., когда народы, подвергнутые насильственному переселению в районы Сибири и Казахстана, были реабилитированы и получили право вернуться на историческую родину. И вновь гримаса истории: о положении спецпереселенцев громче всех говорил тот, кто десять лет назад руководил депортацией этих людей.

А еще одно предложение Берии — приступить к коренному пересмотру всех дел, связанных с так называемыми контрреволюционными преступлениями, и реабилитировать осужденных по этим делам и вовсе стало реальностью в нашей стране лишь с 1991 г.

Документы свидетельствуют о грандиозных планах Лаврентия Павловича также по реформированию экономики, в частности, путем реорганизации системы ГУЛАГа и прекращения строительства многих объектов, где использовался труд заключенных.

По инициативе министра внутренних дел было осуществлено мероприятие, необходимость которого в современной России осознали лишь в 1998 г.: постановлением Совета Министров СССР от 18 марта 1953 г. в Министерство юстиции был передан ГУЛАГ — исправительно-трудовые лагеря и колонии. МВД также освободилось от строительных главков, передав их тем министерствам, в интересах которых до этого использовался труд заключенных. Берия даже замахнулся на святая святых советской экономики, с 20-х гг. немислимой без использования дешевого труда заключенных. В одном из своих последних документов, внесенном 16 июня 1953 г. на рассмотрение Президиума ЦК КПСС, он предложил «ликвидировать сложившуюся систему принудительного труда ввиду экономической неэффективности и бесперспективности».

...Неполные четыре месяца, отведенные судьбой лубянскому реформатору, заканчивались. Он энергично пробивал через неповоротливую, сконструированную под единоличную волю Сталина партийно-государственную машину свои многочисленные предложения, а в это время за его спиной сговаривались «товарищи» из Президиума ЦК. Боязнь каких-либо силовых акций со стороны Берии заставила его конкурентов временно объединиться.

Инициаторами сговора выступали Г.М. Маленков и Н.С. Хрущев. Они индивидуально провели беседы со все-

ми членами Президиума. В поддержку устранения не в меру ретивого конкурента сразу выступили В.М. Молотов, Н.А. Булганин, Л.М. Каганович. Чтобы уломать К.Е. Ворошилова, явно опасавшегося провокации, потребовалось вмешательство Молотова. Вначале не был согласен на полное устранение Берии и А.И. Микоян, предлагая использовать его на хозяйственной работе. Он, как и Ворошилов, не видел никакой опасности со стороны министра внутренних дел. В конце концов, удалось уломать всех членов Президиума ЦК.

26 июня 1953 г. во время заседания Президиума ЦК КПСС, созданного в целях маскировки как заседание президиума Совета Министров СССР, Берия был арестован. Арест произвела группа военных во главе с заместителем министра обороны маршалом Г.К. Жуковым¹. До наступления темноты теперь уже бывшего члена высшего партийного руководства продержали в Кремле, пока не сменили охрану, а затем перевезли на гауптвахту столичного гарнизона. На следующий день из опасения, что люди, верные Берии, попытаются освободить его, было выбрано новое место содержания — бункер на территории штаба Московского округа ПВО.

Прошедший 2—7 июля 1953 г. Пленум ЦК КПСС вывел Берия из состава Президиума ЦК КПСС, исключил из партии и передал дело для проведения расследования в Верховный суд СССР².

Расследование совершенных им преступлений продолжалось полгода, этой работой руководил Генеральный прокурор СССР Р.А. Руденко. Вместе с Берией судили его давних выдвиженцев: генерала армии В.Н. Меркулова, генерал-полковника Б.З. Кобулова, генерал-полковника С.А. Гоглидзе, генерал-лейтенанта Л.Е. Влодзимирско-

¹ Берия: конец карьеры. С. 281—283.

² Лаврентий Берия. 1953. С. 368—370.

го, генерал-лейтенанта П.Я. Мешика, генерал-лейтенанта В.Г. Деканозова. С 18 по 23 декабря 1953 г. дело рассматривал чрезвычайный орган, не предусмотренный Конституцией — Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР во главе с Маршалом Советского Союза И.С. Коновым. Рассматривал — обратим особое внимание — в закрытом судебном заседании без участия сторон, то есть в соответствии с законом от 1 декабря 1934 г., принятым в день убийства С.М. Кирова. С ближайшим сподвижником Сталина рассчитались сталинскими же методами.

Берия был обвинен в связях с зарубежными спецслужбами и в стремлении к «ликвидации советского рабоче-крестьянского строя, реставрации капитализма и восстановлению господства буржуазии». Он категорически отменил предъявленные ему обвинения в связях с иностранными разведками. Отрицал он и то, что его действия после смерти Сталина были направлены на захват власти. Признал, что несет ответственность за «перегибы и извращения социалистической законности» в 30-е гг., но просил суд учесть, что контрреволюционных антисоветских целей он при этом не вынашивал — такая уж, мол, была обстановка. Полностью признал лишь одно — «морально-бытовое разложение».

23 декабря 1953 г. Специальное судебное присутствие приговорило Берия и других подсудимых к расстрелу. Приговор был немедленно приведен в исполнение.

Сегодня с высоты прожитых страной после 1953 г. лет большинство обвинений — связь с иностранными спецслужбами, грезы о восстановлении в СССР капитализма и т.п. — представляются профессиональным юристам откровенной глупостью, не нашедшей ни малейшего документального подтверждения¹. А вот о том, к чему Берия

¹ См.: *Сухомлинов А.В.* Кто вы, Лаврентий Берия? М., 2003. С. 387, 398.

действительно имел прямое отношение — сталинским репрессиям, по сути ничего сказано не было: святость образа вождя никто тогда поставить под сомнение еще не решился. Разговор, по существу, свелся к личным уголовным наклонностям бывшего министра внутренних дел и его соучастников. Это было правдой, но далеко не полной. Обвинения, выдвинутые против «лубянского маршала», оказались во многом надуманными и имели цель во что бы то ни стало скрыть ту острейшую борьбу, которая развернулась в верхах за освободившийся после Сталина трон.

Считая (насколько искренне — другое дело) осужденных жертвами политических репрессий, их родственники уже в наши дни подняли вопрос о необходимости реабилитировать Берия и шестерых его подручных. В мае 2000 г. Военная коллегия Верховного суда РФ рассмотрела реабилитационное дело, пожалуй, самое громкое с момента введения в действие в 1991 г. закона «О реабилитации жертв политических репрессий». Как заявил председательствовавший на этом процессе генерал-лейтенант юстиции А.Т. Уколов, в ходе судебного разбирательства было установлено, что Берия, Кобулов, Меркулов и Гоглидзе были прямыми виновниками террора и не могут быть реабилитированы. Лишь некоторые действия Деканозова, Мешика и Влодзимирского были переквалифицированы на злоупотребление властью при особо отягчающих обстоятельствах, но и они реабилитации не подлежат.

Надо отделять жертв от их палачей, даже если с последними поступили в свое время не по закону, — с такой позицией Военной коллегии невозможно не согласиться. Но нашему обществу, сказав «а», следует сказать «б»: если политические оценки действиям фигурантов бериевского «дела» худо-бедно даны, то на четкую юридическую квалификацию той войны, которую против собственного

народа развязало сталинское руководство, мы все еще не решились. Настоятельно требуется сугубо уголовный суд, пусть и посмертный, над инициаторами, организаторами и исполнителями массовых репрессий 30—50-х гг.

В противном случае нам никогда не расчитаться с прошлым, и сталинские репрессии будут по-прежнему объясняться законным стремлением Сталина и его подручных ликвидировать мифическую «пятую колонну» — недовольных советской властью и готовых пойти на союз с Гитлером накануне войны. А ведь желающие именно таким образом трактовать наше прошлое не переводятся. Значит, по-прежнему будут находиться все новые лица, рассчитывающие на политическую реабилитацию палачей. Воистину, сон разума рождает чудовищ.

В.Д. Соколовский:

«Я ГОТОВ ПОЙТИ НА ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ»

2 декабря 1941 г. Штаб Западного фронта, подмосковное Перхушково. В дверях кабинета начальника штаба генерала Соколовского — взволнованный адъютант:

— Товарищ генерал, к штабу прорвалась большая группа немцев...

Спокойный взгляд Василия Даниловича скользнул по лицу офицера.

— Без паники. Много фашистов?

— Около полка, — срывающимся голосом ответил еще не пришедший в себя офицер.

— А что делают наши подразделения охраны?

— Уже вступили в бой.

Сняв телефонную трубку, Соколовский кратко доложил о сложившейся обстановке командующему фронтом генералу армии Жукову. Последовал обмен несколькими фразами, и начальник штаба все в том же спокойно-сосредоточенном духе отдал приказ:

— Штабу продолжать работу. Коменданту организовать отражение противника. Всем свободным офицерам принять участие в обороне штаба.

И вновь генерал склонился над картой. Требовалась максимальная сосредоточенность, ибо в те дни Московское сражение переживало решающий момент перехода от оборонительной фазы к контрнаступлению.

Начальник штаба фронта, генерал... А ведь когда-то жизнь Василия Соколовского складывалось таким образом, что быть бы ему учителем. Сын крестьянина-бедняка, он после окончания двухклассной школы некоторое время учил сельских ребятишек грамоте. Потом сам продолжил образование в учительской семинарии, которую окончил в начале 1918 г. Начавшаяся Гражданская война располагала, конечно, к куда менее мирным профессиям, и Соколовский добровольно вступает в Красную Армию. Окончены Первые Московские военно-инструкторские курсы — и молодой красный командир в составе экспедиционной группы направлен на Восточный фронт. За несколько месяцев Василий вырос до командира полка, входившего в состав 2-й стрелковой дивизии Р.П. Эйдемана, получил первый боевой опыт.

Он заметно проявил себя, так что когда отбирали кандидатов на поступление в открывшуюся в том же 1918 г. Военную академию РККА, Соколовского не забыли. Учеба шла по своеобразной схеме: в течение зимы осваивалась теория, с наступлением же тепла слушатели направлялись в войска, на «практику». За два года Василию Даниловичу довелось воевать и на Царицынском фронте против Деникина в качестве старшего помощника начальника штаба 39-й стрелковой дивизии, а затем командира бригады, и на Кавказском фронте, где Соколовский состоял в должности начальника штаба 32-й стрелковой дивизии. Дивизия участвовала в боях за установление советской власти в Закавказье и в разгроме контрреволюционного восстания в Да-

гестане. Отметим: с самого начала в военной деятельности Василия Даниловича переплетались чисто командирские, строевые функции и штабная работа. Эта особенность, придававшая его военному дарованию универсальный характер, будет сопровождать военачальника всю его долгую карьеру.

Военную академию Соколовский окончил осенью 1921 г. и был направлен на Туркестанский фронт. Здесь за три года он прошел путь от начальника оперативного управления штаба фронта до командующего группой войск Ферганской и Самаркандской областей. Был ранен, удостоился ордена Красного Знамени.

В 1924 г. Соколовского переводят в Московский военный округ, здесь он вновь оставляет командную должность и назначается начальником штаба дивизии. Далее растет по службе, но уже в других округах, становясь начальником штаба стрелкового корпуса сначала в Северо-Кавказском, затем в Белорусском военных округах. В 1930 г. здесь же, в БВО, Василий Данилович становится командиром 43-й стрелковой дивизии. В начале 1935 г. снова переход на штабную работу: заместителем начальника штаба Приволжского, затем начальником штаба Уральского, а с 1938 г. — Московского военного округа.

Получалось далеко не все. В целом положительно аттестуя в 1939 г. подчиненного, командующий войсками округа маршал С.М. Буденный посчитал необходимым отметить: «Несмотря на большой опыт и знания т. Соколовского, штаб округа еще не является гибким и четким в своей работе... Кадры в достаточной степени и всесторонне не изучает, рассматривает их только с точки зрения наличия знаний и опыта в работе»¹.

Тут, думается, была не столько вина, сколько беда Соколовского: быстро поднимаясь к крупным постам, он не

¹ Маршалы Советского Союза. Личные дела рассказывают. С. 65.

успевал сразу освоиться с неизмеримо расширившимся кругом служебных обязанностей. Но негативно сказывалась и общая обстановка в армии: репрессии, словно кошой, прошли по военным кадрам, и в достаточной мере подготовленных, квалифицированных работников штабов (как, впрочем, и строевых командиров) остро не хватало.

Со временем штабная культура Соколовского выросла, все ярче стали проявляться его незаурядные достоинства организатора. Отмечая заслуги комкора Соколовского в проведении мобилизационных мероприятий и организации боевой подготовки войск округа, Президиум Верховного Совета СССР наградил его орденом Ленина.

Последовал и рост по службе: в феврале 1941 г. Василий Данилович был назначен заместителем начальника Генерального штаба по организационно-мобилизационным вопросам. Здесь впервые он в столь тесном контакте стал работать с Георгием Константиновичем Жуковым, ставшим начальником Генштаба. Военачальники хорошо узнали друг друга, что позволяло им уже в годы войны совместно решать сложные задачи во главе Западного (1941—1942 гг.) и 1-го Белорусского (1945 г.) фронтов.

Будет это позже. Пока же Василию Даниловичу пришлось, засучив рукава, браться за вопросы, от решения которых напрямую зависела готовность Красной Армии к отпору грядущей агрессии. Генеральным штабом проводились крупные мероприятия по повышению боевой готовности войск: формировались механизированные корпуса, авиационные дивизии, армия оснащалась новой танковой, авиационной и артиллерийской техникой. В самый канун войны были предприняты меры по отмобилизованию Красной Армии и ее стратегическому развертыванию.

Но далеко не все делалось так, как того требовала обстановка. Вот лишь один наглядный пример. В марте 1941 г. Генштаб завершил разработку мобилизационного плана производства военной продукции на случай

войны. Начальник Генерального штаба Жуков и его заместитель Соколовский доложили план председателю Комитета обороны при Совнаркоме СССР К.Е. Ворошилову. Время шло, но решения по представленному проекту мобплана не принималось. Это волновало руководство Генштаба, оно хорошо понимало, что промышленность, заранее не подготовленная к переводу производства на нужды войны, быстро перестроиться не сможет. Тогда, как вспоминал Жуков, пришлось обратиться к Сталину. Тот поручил рассмотреть проект мобплана руководителю Госплана Н.А. Вознесенскому. Много раз представители различных наркоматов собирались в Госплане, дискутировали, но к единому мнению так и не пришли. Наступил июнь 1941 г., а мобилизационный план по военной продукции так и остался неутвержденным. «И только тогда, когда грянула война, — с горечью замечает Жуков, — все стало делаться наспех, распорядительным порядком, зачастую неорганизованно и в ущерб одно другому»¹.

С началом Великой Отечественной войны генерал-лейтенант Соколовский недолго трудился в Генеральном штабе. Уже в июле 1941 г. он был назначен начальником штаба Западного фронта, войска которого прикрывали смоленско-московское стратегическое направление, наиболее важное и опасное. Назначение Василия Даниловича совпало с началом Смоленского сражения, которое вели войска фронта под командованием маршала Тимошенко. Генералу пришлось немедленно включиться в напряженную работу штаба по руководству боевыми действиями. Несмотря на значительное превосходство врага в силах и средствах, его безусловное господство в воздухе, войска фронта в ожесточенном двухмесячном сражении выдержали натиск. И хотя Смоленск пришлось оставить, план

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 337.

«молниеносной войны», который вынашивали гитлеровцы, рухнул.

К концу сентября гитлеровское командование за счет других фронтов сосредоточило на московском направлении крупнейшую группировку с целью генерального наступления на Москву под кодовым названием «Тайфун». Перед своими войсками оно поставило задачу окружить и уничтожить советские соединения в районе Брянска и Вязьмы, захватить Москву, выйти в тыл наших войск, оборонявших Ленинград.

Теперь генерал Соколовский трудился бок о бок с новым командующим — генерал-полковником И.С. Коневым. Они готовили войска к стойкой обороне, уделяя особое внимание организации обороны, противотанковой в особенности, и накоплению резервов. Василий Данилович и возглавляемый им коллектив штаба занимались и планированием операции, и организацией обороны непосредственно в войсках.

К сожалению, предпринятые меры оказались недостаточно эффективными. Перейдя 30 сентября в наступление против Брянского фронта и 2 октября против Западного фронта, противник сумел прорвать оборону советских войск и окружить четыре армии Западного и Резервного фронтов. Окруженные продолжали упорно сопротивляться, оттягивая на себя часть сил немцев и позволяя Ставке выиграть некоторое время для организации обороны Москвы на ближних к ней подступах, на Можайском рубеже. Тем не менее дорога на столицу к исходу 7 октября оказалась, по сути, открытой.

«Ошибки и просчеты командования Западного фронта, — высказывал свой взгляд на события октября 1941 г. Василий Данилович, — разумеется, были. Мы ошиблись в оценке сил и направлений ударов противника. Запоздали с отводом войск из угрожаемых районов. Но, констатируя все это, никак нельзя забывать, что враг удерживал страте-

гическую инициативу, на его стороне было подавляющее превосходство в силах, особенно в подвижности. А войска Западного фронта были слабо укомплектованы, испытывали острый недостаток в вооружении, боеприпасах. Командование фронтом ставило задачу на проведение контрподготовки, однако из-за недостатка артиллерии и боеприпасов провести ее не удалось. Определенную роль сыграло и то, что действия Западного и Резервного фронтов не были объединены одним командованием, хотя они сражались в одной полосе»¹.

С 10 октября Ставка свела силы двух фронтов в один — Западный и поставила во главе его генерала армии Жукова. Командование и штаб фронта приняли энергичные меры по восстановлению обороны и организации упорного сопротивления противнику на рубеже Волоколамск — Можайск — Малоярославец — Калуга. Тяжелые бои разгорелись на всей 600-километровой полосе фронта, особенно за Клин, Солнечногорск, на Ленинградском и Волоколамском шоссе, в районе Нарофоминска, Подольска, на подступах к Туле и на каширском направлении. На всех направлениях гитлеровские войска встречали упорное сопротивление.

Лаконично, но исчерпывающе отозвался маршал Жуков о людях, на которых он опирался: «Должен отметить четкую работу штаба фронта во главе с генерал-лейтенантом В.Д. Соколовским, начальником оперативного отдела генерал-лейтенантом Г.К. Маландиным»². За этой оценкой стоял огромный труд по восстановлению управления войсками, организации разведки, формированию из отступающих войск боеспособных частей и соединений, сооружению укреплений на передовых рубежах и в глубине

¹ Цит. по: *Чередниченко М.* Маршал Советского Союза Василий Соколовский // *Полководцы и военачальники Великой Отечественной.* Вып. 1. С. 341.

² *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 218.

обороны. Впервые в ходе войны были созданы мобильные противотанковые батальоны, сыгравшие важную роль в отражении танковых атак противника.

Любопытное признание оставил начальник штаба 4-й полевой немецкой армии генерал Г. Блюментритт: «Когда мы вплотную подошли к Москве... с удивлением и разочарованием мы обнаружили в октябре и начале ноября, что разгромленные русские вовсе не перестали существовать как военная сила».

Командованию Западным фронтом удалось своевременно вскрыть неподготовленность группы армий «Центр» к продолжению наступления на Москву. 30 ноября Г.К. Жуков представил в Генштаб план контрнаступления Западного фронта и попросил А.М. Василевского срочно доложить его Сталину, чтобы без промедления начать подготовку операции. «Хочу подчеркнуть, — писал, вспоминая те дни, маршал Василевский, — что Василий Данилович Соколовский... внес немалую лепту в разработку представленного Георгием Константиновичем плана... Это был талантливый военачальник, обладавший огромным штабным и командным опытом, имевший очень солидную теоретическую подготовку»¹.

Переход советских войск в контрнаступление 5 декабря оказался для противника неожиданным. Гитлеровцы были отброшены на 150—400 километров на запад, потеряв около полумиллиона солдат и офицеров. Германия оказалась перед перспективой ведения затяжной войны, в которой ее шансы на победу были минимальными. Вклад Соколовского в победу под Москвой был оценен орденом Ленина. В июне 1942 г. ему было присвоено воинское звание генерал-полковника.

В августе 1942 г., после того как Г.К. Жуков получил назначение на пост заместителя Верховного Главнокоманду-

¹ *Василевский А.М. Дело всей жизни.* Кн. 1. С. 162.

ющего, Западный фронт возглавил Соколовский, вначале как исполняющий обязанности, а с февраля 1943 г. — как полноправный командующий. Первым столь масштабным самостоятельным делом стала для него наступательная операция по ликвидации Ржевско-Вяземского плацдарма, который удерживала в своих руках группа армий «Центр». Противник задумал скрытно отойти с плацдарма, но об этом стало известно советскому командованию. И хотя сил у Западного фронта было негусто, немцам не удалось оторваться от наших войск, преследование велось непрерывно. Прибывающие подкрепления Василий Данилович с ходу вводил в сражение. Наши войска наносили чувствительные удары по врагу, окружали его и уничтожали. В результате противник был отброшен на 130—160 километров, линия фронта сократилась почти на 300 километров. За успешное осуществление этой операции генерал-полковник Соколовский был награжден орденом Суворова 1-й степени.

Летом того же 1943 г. войска под командованием генерала армии Соколовского (новое воинское звание ему было присвоено в августе) успешно провели две наступательные операции — Орловскую и Смоленскую.

В Орловской операции («Кутузов») — она составляла часть Курской битвы — войскам Западного фронта, действовавшим во взаимодействии с Брянским и Центральным фронтами, впервые довелось прорывать глубоко эшелонированную оборону противника, которую тот совершенствовал на протяжении двух лет. Эта задача была возложена на 11-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта И.Х. Баграмяна. Чтобы решить ее, было решено создать глубокое оперативное построение армии. Впервые в войне на участке прорыва на 1 километр фронта пришлось 200—260 орудий и минометов. Тем самым было обеспечено надежное огневое подавление противника и своевременное наращивание усилий маневром вторых эшелонов и резервов.

Уже на второй день наступления, начавшегося 12 июля, оборона врага была прорвана на глубину до 25 километров. Пытаясь закрыть брешь, гитлеровское командование непрерывно перебрасывало резервы с других участков фронта. Соколовский бросил в наступление, помимо 11-й гвардейской армии, 50-ю, 11-ю общевойсковые и 4-ю танковую армии. Противник был вынужден оставить Орловский плацдарм. Насколько же прав был Г.К. Жуков, писавший: «В годы войны Василий Данилович проявил большое дарование и способности крупного военачальника»¹.

В августе—октябре 1943 г. была успешно осуществлена и Смоленская наступательная операция, получившая кодовое наименование «Суворов». В ходе нее войска Западного фронта продвинулись на 200 километров, освободили Смоленск и Смоленскую область и своим левым крылом вступили в пределы Белоруссии. Интересно, что в ходе подготовки операции именно сюда, в «хозяйство» генерала Соколовского, совершил свой единственный за всю войну выезд на фронт Верховный Главнокомандующий.

«В ходе Смоленской операции, — вспоминал генерал М.И. Чередниченко, в те дни начальник оперативного отделения штаба 49-й армии, — мне часто приходилось присутствовать при докладах командующего Сорок девятой армией генерал-лейтенанта И.Т. Гришина своих решений командующему фронтом В.Д. Соколовскому. Мне и самому неоднократно доводилось докладывать по телефону ВЧ обстановку в полосе армии командующему фронтом. Это обычно случалось тогда, когда в полосе наступления армии происходили какие-либо заминки, неприятности или какие-либо важные события — скажем, ввод в бой корпуса второго эшелона... Я не помню случая, чтобы Василий Данилович выходил из себя даже в самых трудных ситуациях боевой обстановки. Он внимательно выслушивал доклад,

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 328.

сам наносил обстановку на карту (это чувствовалось по уточняющим вопросам), давал четкие указания и заставлял их повторить, чтобы убедиться, правильно ли поняты его указания»¹.

Убедительные победы, однако, сменились осенью 1943 г. серьезными неудачами. В течение полугода в районе Витебска было предпринято 11 частных наступательных операций. Фронт потерял убитыми и ранеными более 330 тысяч человек, но войска вперед почти не продвинулись.

Фронт Соколовского не располагал необходимыми силами и средствами для разгрома противостоящей группировки немецко-фашистских войск: из его состава Ставка изъяла две общевойсковые армии, механизированный корпус и некоторые другие соединения. Не благоприятствовал и район действий — болота из-за неустойчивой зимы не замерзли и представляли собой почти непроходимую топь.

Вот что писал по этому поводу сам маршал: «Я, как командующий Западным фронтом, лично докладывал Верховному Главнокомандующему, что условия местности в "Смоленских воротах" — этом лесисто-болотистом дефиле — не позволяют вести зимой широкого наступления даже при наличии необходимых сил, чем фронт не располагал, и просил искать решение севернее или южнее "Смоленских ворот" или же ограничиться ведением на этом направлении активных действий для сковывания противника до весны 1944 года»².

Однако Ставка, тем не менее, требовала продолжения наступления. М.А. Гареев считает, что Соколовскому не хватило мужества и настойчивости, чтобы доказать Стали-

¹ *Чередниченко М.* Маршал Советского Союза Василий Соколовский. С. 352—353.

² Цит. по: *Лагодский С.А.* Василий Соколовский: полководец, стратег, дипломат. М., 1995. С. 184.

ну свою правоту. Верховный же был крайне раздосадован неудачами и в апреле 1944 г. прислал на Западный фронт комиссию Ставки ВГК во главе с членом ГКО Г.М. Маленковым. По заключению комиссии, сложившееся положение стало результатом неудовлетворительного руководства со стороны командующего фронтом, а также бывшего и действовавшего членов военного совета генерал-лейтенанта Н.А. Булганина и генерал-лейтенанта Л.З. Мехлиса: «Командование Западным фронтом зазналось, критически к своим недостаткам и ошибкам не относилось и не относится... Генерал армии Соколовский оказался как командующий фронтом не на высоте положения. Тт. Соколовский и Булганин прежде всего несут ответственность за то, что на Западном фронте не было должного воспитания командных кадров в духе правдивости и непримиримости к недостаткам»¹.

Постановлением ГКО Василий Данилович был снят с должности командующего и назначен начальником штаба 1-го Украинского фронта. Забегая вперед, скажем, что довольно быстро Сталин признал, что погорячился, решая судьбу полководца. Уже во второй половине 1944 г. постановление ГКО было отозвано. А в июне 1946 г. на заседании Главного военного совета Сталин прямо признал: по Западному фронту было принято неправильное решение, и, чтобы поправить ошибку, предложил присвоить Соколовскому маршальское звание.

Меж тем Соколовский прибыл к новому месту службы. Здесь он вновь поступил в подчинение Ивану Степановичу Коневу, с которым вместе оборонял Москву. Как же много изменилось с осени 1941-го! Генерал-полковник Конев был уже Маршалом Советского Союза, генерал-лейтенант Соколовский — генералом армии, а в их распоряжении на-

¹ *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны. М., 1995. С. 200—201.

ходила сила, о которой под Москвой они и мечтать не смели, — семь общевойсковых, три танковые и две воздушные армии, в общей сложности 80 дивизий. Военачальники спланировали и осуществили две крупнейшие наступательные операции — Львовско-Сандомирскую и Висло-Одерскую.

За полтора месяца (в июле — августе) войска фронта окружили и полностью уничтожили группировку противника в районе Броды (восемь дивизий), освободили Львов, положили начало освобождению Польши, форсировав Вислу и захватив Сандомирский плацдарм. Отсюда 12 января 1945 г. был нанесен мощный удар по вражеской обороне. За 20 дней войска фронта продвинулись еще на 250 километров, форсировали реку Одер и захватили обширный плацдарм. Как писал немецкий генерал Ф. Меллентин, «невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи».

Вершиной боевой деятельности 1-го Украинского фронта стало участие наряду с 1-м и 2-м Белорусскими фронтами в Берлинской операции. Штаб во главе с Соколовским в сжатые сроки провел огромную работу по планированию и подготовке операции. Но штурмовать столицу гитлеровского рейха Василию Даниловичу пришлось в другом качестве: накануне операции он был назначен первым заместителем маршала Жукова — командующего 1-м Белорусским фронтом. Здесь, как и на 1-м Украинском, он встретил старого боевого товарища.

В Берлинской операции с новой силой проявился талант Соколовского. Это Жуков посчитал необходимым отметить особо в аттестации, датированной июлем 1945 г.: «Высокой культуры, с большой военной эрудицией и организаторскими способностями генерал... Обладает большой силой воли и твердостью характера, смелый и энергичный,

решительный и инициативный, постоянно требовательный к себе и подчиненным... В период Берлинской операции непосредственно руководил боевыми действиями по овладению Берлином и успешно выполнял задания командования фронтом».

Прорвав главную полосу обороны немцев на Зееловских высотах, войска фронта вплотную подошли к Берлину к 20 апреля. Десять дней шли жестокие уличные бои. Непосредственное руководство войсками, действовавшими в центральной части города, осуществлял Соколовский. Именно ему маршал Жуков поручил переговоры с начальником штаба сухопутных войск Германии генералом Г. Кребсом. Тот поздно ночью 1 мая перешел линию фронта, чтобы сообщить: А. Гитлер покончил самоубийством, образовано новое германское правительство, и он, Кребс, уполномочен обсудить условия капитуляции. Фашистскому генералу было заявлено, что советское командование требует безоговорочной капитуляции. Ссылаясь на главу нового правительства адмирала К. Деница, Кребс добивался перемирия, но советский генерал жестко ответил «нет». Лишь через сутки новых, еще более ожесточенных боев преемники Гитлера поняли всю тщетность дальнейшего сопротивления. Началась массовая сдача в плен немецких войск.

Как заместитель Жукова, генерал армии Соколовский присутствовал на церемонии подписания в ночь с 8 мая на 9 мая 1945 г. Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Его вклад в Берлинской операции был оценен званием Героя Советского Союза.

В марте 1946 г. Василий Данилович сменил Жукова на посту главнокомандующего Группой советских оккупационных войск в Германии и главноначальствующего Советской военной администрации в Германии. Одновременно он являлся членом Контрольного совета по управлению Германией от СССР, куда входили также по одному пред-

ставителю от США, Великобритании и Франции. 3 июля 1946 г. он стал Маршалом Советского Союза.

После упразднения Советской военной администрации в Германии в марте 1949 г. Соколовский был назначен первым заместителем министра обороны СССР, а в июле 1952 г. — еще и начальником Генерального штаба.

Назначение на пост начальника Генштаба произошло при следующих обстоятельствах. Сталин поставил вопрос об освобождении от обязанностей НГШ генерала армии С.М. Штеменко (подозрения у вождя вызвали тесные контакты Штеменко с Берией).

— Какие будут предложения? — спросил он у военного министра Василевского.

Тот ответил, что надо подумать, слишком ответственное дело, чтобы решать экспромтом.

— Вот всегда так, надо отложить, подумать, — в голосе вождя явственно послышалось раздражение. — Почему у вас нет предложений?

В этом момент, как вспоминал маршал Василевский, сидевший рядом с ним его заместитель Соколовский прошептал:

— Саша, я готов пойти на это, на Генеральный штаб.

— А как же ты как мой заместитель, кто же вместо тебя?

— Там посмотрим, я пока буду и то и другое. Не подведу.

Когда Василевский предложил кандидатуру Соколовского, Сталин тут же высказал согласие¹.

На протяжении восьми лет Василий Данилович трудился на этом высоком и ответственном посту. На долю когорты высших военных руководителей, к которой принадлежал Соколовский, выпало осуществление коренного перевооружения армии и флота с учетом появления

¹ *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. С. 473—474.

ракетно-ядерного оружия. Был создан новый вид ВС — Ракетные войска стратегического назначения. Перевооружение и реорганизация Вооруженных Сил, в свою очередь, потребовали пересмотра многих положений военной доктрины, определения характера и способов ведения ракетно-ядерной войны, нового подхода к вопросам боевой готовности.

В решении этих сложнейших проблем Василий Данилович показал себя видным теоретиком. Разработанный под его руководством труд «Военная стратегия» отразил современные представления по важнейшим вопросам стратегии как высшей области военного искусства и привлек живое внимание не только у нас в стране, но и за рубежом. Он и до сего дня не потерял своей актуальности. Соколовскому было не занимать способности глубоко проникать в суть сложных проблем, творчески подходить к их разрешению, убедительно и доходчиво излагать.

Тем не менее, как полагает академик РАН А.А. Кокошин, «даже выделявшийся среди военачальников послевоенного периода В.Д. Соколовский не может сравниться по своей образованности, эрудиции и культуре со многими военачальниками-теоретиками 20—30-х гг.»¹. Это было застарелая беда наших Вооруженных Сил, коренившаяся в репрессиях конца 30-х гг., которые грубо оборвали нить преемственности между поколениями советских военных мыслителей и полководцев.

Нельзя умолчать об одной нерадостной странице в биографии мааршала Соколовского. С 1952 г. по 1961 г. он — член ЦК КПСС. В этом качестве принимал участие в октябрьском Пленуме ЦК 1957 г., на котором в отставку был отправлен Г.К. Жуков. Василий Данилович — Бог ему судья — присоединился к гонителям своего старого боево-

¹ Кокошин А.А. Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918—1991 годы. М., 1995. С. 60.

го товарища, охотно развивая нелепую версию Хрущева о бонапартизме бывшего министра обороны, жажде им политической власти. «...Сказать, что т. Жуков недопонимал и недопонимает роли партийно-политической работы в армии это, конечно, несостоятельно и несерьезно, и те крупные ошибки, которые допущены были Жуковым, конечно, не от недопонимания, как он, выступая здесь говорил, это ерунда, — говорил на Пленуме начальник Генерального штаба. — Дело заключается именно в линии поведения... Эта особая линия поведения вела к тому, чтобы армию прибрать к рукам в полном смысле этого слова и через армию, конечно, воздействовать тем или иным путем, я не хочу фантазировать, но воздействовать тем или иным путем, может быть, даже на Президиум ЦК, чтобы играли... чуть ли не под его дудку»¹.

Соколовский неплохо сработался с новым министром обороны маршалом Малиновским. Правда, руководил он Генштабом лишь до 1960 г., уйдя, по свидетельству очевидцев, в знак протеста против решения Хрущева о сокращении Вооруженных Сил на 1,2 млн человек. Маршал был уверен, что в этом случае обороноспособность СССР и его союзников не будет обеспечена должным образом.

Видный военачальник был назначен в группу генеральных инспекторов Министерства обороны. Он продолжал трудиться, передавая уникальный фронтовой опыт новому поколению руководителей Вооруженных Сил. Как и прежде, в круг его интересов в первую очередь входили проблемы военной стратегии, а также истории Великой Отечественной войны.

Накануне 1 мая 1968 г. Василий Данилович внезапно тяжело заболел. В ночь на 10 мая сердце маршала остановилось...

¹ Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и другие документы. С. 296.

Н.А. Булганин:
**«ТОВАРИЩ СТАЛИН ЛИЧНО РУКОВОДИЛ
ХОДОМ КАЖДОЙ ОПЕРАЦИИ»**

Типичный партийно-советский функционер, чиновник — и обладатель высшего воинского звания. Не лучшие традиции позаимствовала советская власть у времен Петра II или Елизаветы Петровны, когда фельдмаршалом становился придворный чин или глава Тайной канцелярии. Н.А. Булганин — хозяйственник, банкир, один из руководителей правительства — раньше многих полководцев Великой Отечественной войны стал Маршалом Советского Союза, военным министром, удостоился полководческих орденов. И это — при среднем образовании и весьма скромных профессиональных достоинствах.

Ничто, кажется, поначалу не предвещало такой завидной карьеры. За два десятилетия между Гражданской и Отечественной войнами Николай Александрович успел сменить немало мест работы: трудился и во Всероссийской чрезвычайной комиссии, и в Высшем совете народного хозяйства, был директором Московского электрозавода, с 1931 г. по 1937 г. возглавлял Московский совет депутатов трудящихся. В 1935 г. первым секретарем Московского горкома партии стал Н.С. Хрущев, после чего эти два руководителя шли рядом до 1958 г., когда Булганин был главой Советского правительства, а Хрущев — главой КПСС.

Совместную деятельность они начали с реализации лозунга о превращении Москвы в «образцовый город нашего пролетарского государства». Надо отдать должное, многое в столице изменилось тогда к лучшему: начало строиться метро, была проведена коренная реконструкция городского хозяйства, шло массовое сооружение жилья. Но сколько уникальных памятников истории, архитектуры и церковной культуры утратила тогда столица: был взорван построенный в честь победы над Наполеоном храм Христа

Спасителя, снесены Сухарева башня, церкви — Сергия Радонежского, Михаила Архангела, Крестовоздвиженская. «Почистили» и Кремль. Сохранился снимок: Хрущев и Булганин заинтересованно рассматривают царские гербы, замененные на кремлевских башнях рубиновыми звездами и выставленные в Центральном парке культуры и отдыха.

В те же годы Булганин познакомился с И.В. Сталиным. Как вспоминал Хрущев, вождь часто приглашал их с тогдашним столичным мэром, при этом всегда шутил: «Приходите обедать, отцы города». Булганин как-то сказал коллеге: мол, приглашают тебя в гости, там поят, кормят, а потом и не знаешь, сам ли поедешь к себе домой или тебя отвезут куда-нибудь и посадят. Надо ли после этого удивляться, что, получив очередное указание, «отцы города» без рассуждений, неотложно брались за выполнение поручений вождя.

Николай Александрович демонстрировал не только высокую исполнительность, но и личную преданность вождю. Он с готовностью подключился к славословию Сталина. Доклад генсека на XVII съезде партии в 1934 г. он назвал — ни много ни мало — «гениальным», а решающим условием роста и развития Москвы — «исключительную помощь, которая оказывалась Москве на протяжении всех истекших лет нашей партией, ее Центральным комитетом и в первую очередь товарищем Сталиным».

Путь наверх Булганину, как и многим функционерам, открыли массовые расправы с партийными, советскими и хозяйственными кадрами. Одним из первых арестовали и расстреляли председателя Совнаркома РСФСР Д.Е. Сулимова. На освободившееся место в июле 1937 г. и был рекомендован Булганин.

Одним из его подчиненных стал Я.Е. Чадаев, получивший пост председателя Госплана РСФСР (позднее он несколько лет трудился управляющим делами СНК СССР и в этом качестве подписывал вместе со Сталиным поста-

новления правительства). «Булганин... сразу произвел на меня весьма приятное впечатление, — вспоминал он. — ... По натуре интеллигентный человек, довольно строго спрашивал о состоянии дел и без каких-либо упреков указывал на ошибки, давал нужные советы. В простой и достаточной пониманию форме он говорил о необходимости проявления чуткости к новым явлениям жизни, чтобы лучше решались первоочередные задачи, стоявшие перед наркоматами и ведомствами»¹.

Откровенно говоря, эта малосодержательная характеристика независимо от желания Чадаева оборачивается против Булганина — из нее предстает ревностный исполнитель чужой воли, несамостоятельный человек, любитель «общих» мест и деклараций.

Так или иначе, но уже через год с небольшим Николай Александрович получил новое назначение — председателя правления Госбанка СССР, имея при этом за плечами всего лишь реальное училище. Одновременно стал одним из заместителей председателя СНК СССР (и был им до мая 1944 г.). В мае 1940 г. главой Советского правительства стал сам Сталин, это сделало контакты Булганина с вождем более регулярными и доверительными.

С началом Великой Отечественной войны главный банкир страны сразу получил воинское звание генерал-лейтенанта и стал членом военного совета Западного стратегического направления, а позднее и Западного фронта. Примеров таких кадровых коллизий, когда в число руководителей оперативно-стратегических объединений назначались люди сугубо гражданские, не служившие в армии, не имевшие профессионального образования, немало. И были на то свои причины. Рядом с командующими, как и в годы Гражданской войны, вождю потребовались контролеры.

¹ Куманев Г.А. Рядом со Сталиным. М., 2002. С. 440.

Как не без основания считал Маршал Советского Союза И.С. Конев, когда на должности членов военных советов назначались такие деятели, как Н.С. Хрущев, Л.М. Каганович, А.А. Жданов, Н.А. Булганин — крупные партийные и советские работники, члены ЦК, а то и Политбюро ЦК, они в силу своего политического положения приобретали на фронте дополнительный авторитет¹. Добавим: от этого в определенной мере выигрывали и фронтовые дела, учитывая возможности названных лиц, более значительные, чем у их коллег, по выбиванию у различных ведомств дополнительных ресурсов.

Вот лишь один пример. В разгар Московской битвы Булганин обратился к В.П. Пронину, в свое время сменившему его на посту председателя Моссовета, с предложением подключить к решению одной фронтовой проблемы... столичный трест по передвижке зданий. Имевшийся в тресте опыт потребовался для вызволения из болот застрявших танков и другой тяжелой техники. Москвичи пришли воинам на помощь, в результате в обороне столицы приняла участие почти тысяча «незапланированных» боевых машин.

Но другой стороной медали был полный военный непрофессионализм Булганина и таких, как он, карьерных советско-партийных работников. Генерал-полковник В.М. Шатилов вспоминал, что член военного совета фронта не мог даже самостоятельно нанести на свою рабочую карту готовые данные о расположении наших и немецких войск. А ведь по существовавшему положению Николай Александрович должен был участвовать в разработке важнейших документов, связанных с планированием, организацией и обеспечением боевых действий, без его подписи не вступал в силу ни один приказ командующего, не могло считаться действительным донесение в Ставку Верховного

¹ *Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. С. 412.

Главнокомандования. Так неужели нельзя было подобрать на такой пост более квалифицированного генерала?

Наверняка можно, но у Сталина были свои резоны. Дело в том, что главная, хотя и неписанная функция членов военных советов состояла в надзоре за командующими и другими высшими должностными лицами фронтов и докладах об их политическом облике генеральному секретарю ЦК. По существу, была воспроизведена ситуация периода Гражданской войны, но тогда комиссары ставились над командирами, бывшими в большинстве случаев военспецами, то есть классово чуждыми. Теперь же контролеры приставлялись к командным кадрам, воспитанным в родной Красной Армии. Такое недоверие к командующим и командирам не только было оскорбительным, но на практике способствовало утверждению вредного дуализма в руководстве войсками и подрыву тем самым основополагающего для любой армии принципа единоначалия.

Характерно, что осуществленный осенью 1942 г. переход к единоначалию нисколько не затронул этой системы, а в определенной степени даже укрепил ее. С точки зрения политической верхушки страны, ни должностное положение командующего-единоначальника, ни заслуги, какими бы большими они ни были, ни членство в ВКП(б) не освобождали его от надзора со стороны руководства партии. Усердие членов военных советов в исполнении этой функции, реализуемой главным образом путем личных докладов на имя И.В. Сталина, весьма поощрялось. Булганин, судя по всему, неплохо справлялся с этим делом, ибо его положение ни разу за всю войну не пошатнулось.

В октябре 1941 г. командующим войсками Западного фронта стал Г.К. Жуков. Выдающийся полководец позднее так оценивал своего члена военного совета: «Булганин очень плохо знал военное дело и, конечно, ничего не смыслил в оперативно-стратегических вопросах. Но, будучи че-

ловеком интуитивно развитым, хитрым, он сумел подойти к Сталину и втесаться к нему в доверие»¹.

Кому-то этот вывод может показаться излишне запальчивым, продиктованным тем, что у этих двух людей отношения не сложились с самого начала. Но вся дальнейшая военная биография Булганина подтверждает правоту Жукова.

Верховный Главнокомандующий никогда не ставил вопрос о равной ответственности командующего и члена военного совета. В октябре 1941 г., когда большая часть войск Западного фронта оказалась в окружении в районе Вязьмы, командующий генерал-полковник И.С. Конев был отстранен от должности, и ему грозила судьба первого командующего фронтом генерала армии Д.Г. Павлова, расстрелянного 22 июля 1941 г. Ивану Степановичу удалось избежать расправы лишь благодаря заступничеству Г.К. Жукова, вступившего в должность командующего фронтом. А что же Булганин? Он остался на своем месте.

Цепь событий помогает восстановить упомянутый выше ответственный работник СНК Я.Е. Чадаев. Когда стало известно об окружении, Верховный Главнокомандующий сделал по телефону разнос Коневу. «Затем Сталин соединился с членом военного совета Западного фронта Н.А. Булганиным и тоже набросился на него. Булганин стал объяснять причину этого чрезвычайного происшествия. Он (как мне потом стало известно лично от самого Булганина) докладывал Сталину, что "ЧП" произошло из-за того, что командование Резервного фронта "проморгало" взятие противником Юхнова... В то же время Булганин доложил Сталину, что имели место большие промахи и со стороны командования Западного фронта.

Выслушав терпеливо и до конца Булганина, — продолжает Чадаев, — Сталин немного смягчился и потребовал

¹ Маршал Жуков. Каким мы его помним. Изд. 2. М., 1989. С. 382.

от руководства фронта: "Не теряйте ни секунды... во что бы то ни стало выведите войска из окружения"¹.

Поскольку поставленную задачу решить не удалось, через день в штаб фронта выехала комиссия Политбюро ЦК во главе с В.М. Молотовым. Тогда-то Конев и был отстранен от командования, запахло его расстрелом. Булганин же вообще не понес никакой ответственности, вероятно, потому, что вовремя доложил о «больших промахах со стороны командования фронта».

С Коневым они вновь встретились на том же Западном фронте, когда в августе 1942 г. уже Иван Степанович сменил Жукова на посту командующего. Конев и до того был невысокого мнения о члене военного совета, но оно еще более окрепло после случая с донесением Булганина Сталину о генерал-лейтенанте артиллерии И.П. Камере.

Дело в том, что в конце августа 1942 г. вождь благословил публикацию в «Правде» пьесы Александра Корнейчука «Фронт». Ее сюжет заключался в столкновении нового поколения образованных в военном отношении военачальников со стариками-ретроgrадами. Непосвященные лишь поражались, подходящее ли время — в разгаре было Сталинградское сражение — выбрано для подобного рода публикаций? Многие (среди них были маршал С.К. Тимошенко, генерал И.С. Конев и другие) были убеждены, что публикация пьесы, рисующей обстановку невежества, самодурства, самодовольства в штабе фронта, является несвоевременной и даже ошибочной. Они не знали, что Сталин лично распорядился опубликовать пьесу, при этом внес в текст существенные поправки, усиливающие удар по тем военачальникам, которые, подобно главному персонажу генералу Горлову, уповают на опыт Гражданской войны и не желают учиться воевать по-современному. За последними вождь стремился утвердить в общественном

¹ *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. С. 417—418.

мнению ответственность за тяжелые поражения первого периода войны.

Получив отрицательные отзывы некоторых полководцев, Сталин, как рассказывал маршал Конев писателю К.М. Симонову, дал указание всем членам военных советов фронтов опросить высший командный состав, какого они мнения о пьесе Корнейчука. «Булганин, — сообщил маршал, — разговаривал у нас на фронте с командующим артиллерией Западного фронта генералом Камерой. Тот ему резанул со всей прямоотой: "Я бы не знаю, что сделал с этим писателем, который написал эту пьесу. Это безобразная пьеса, я бы с ним разделался за такую пьесу". Ну это, разумеется, пошло в донесение, этот разговор с Камерой».

В очередной его приезд в Москву, продолжал Конев, Сталин стал выяснять у него, что Камера за человек. «Пришлось долго убеждать его, что это хороший, сильный командующий артиллерией фронта с большими заслугами в прошлом, таким образом отстаивать Камеру. Это удалось сделать, но, повернись все немного по-другому, отзыв о пьесе Корнейчука мог ему дорого обойтись»¹.

За такую вот услужливость, за готовность потратить любым слабостям вождя и недолюбливали Булганина, как и некоторых других членов военного совета. Но именно эти качества и гарантировали устойчивость Николая Александровича в занимаемой должности.

Он оставался на своем месте, хотя командующих периодически снимали. Зимой 1943 г. эта участь постигла Конева. У командующего состоялся острый разговор со Сталиным, потребовавшим развить наступление. Когда Иван Степанович заявил, что для этого нет необходимых сил и средств, а перед фронтом сосредоточены отборные немецкие (а не их союзников, как против удачно действовавшие-

¹ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. С. 405.

го по соседству Воронежского фронта) войска, в ответ он услышал: «Ну, конечно, вы не можете. Перед вами, конечно, особый противник». А через 24 часа пришла директива Ставки о снятии Конева с должности, «как не справившегося с обязанностями командующего».

«У меня, — пишет маршал Конев, — сложилось впечатление, что мое снятие с фронта не было прямым следствием разговора со Сталиным. Этот разговор и мое несогласие были, что называется, последней каплей. Очевидно, решение Сталина было результатом необъективных донесений и устных докладов со стороны Булганина, с которым у меня к тому времени сложились довольно трудные отношения. Сначала, когда я вступил в командование фронтом, он действовал в рамках обязанностей члена военного совета, но последнее время пытался вмешиваться в непосредственное руководство операциями, недостаточно разбираясь для этого в военном деле. Я некоторое время терпел, проходил мимо попыток действовать подобным образом, но в конце концов у нас с ним произошел крупный разговор, видимо, не оставшийся для меня без последствий»¹.

Догадка Ивана Степановича о причастности Булганина к его освобождению от должности получила подтверждение довольно скоро. В том же 1943 г. Сталин провел совещание с членами военных советов фронтов, где специально рассматривались вопросы, связанные с их взаимоотношениями с командованием фронтами. Верховный признал ошибочность снятия Конева с должности, а этот случай привел как пример неправильного отношения члена военного совета к командующему.

Но дело было сделано. На смену Коневу на Западном фронте пришел бывший начальник штаба фронта генерал армии В.Д. Соколовский. Именно этому фронтовому руководству 3 августа 1943 г., накануне Смоленской наступа-

¹ Конев И.С. Записки командующего фронтом. С. 583—584.

тельной операции, довелось принимать у себя Верховного Главнокомандующего в ходе его единственного за всю войну выезда в действующую армию.

Состоявшийся разговор был очень кратким. По воспоминаниям участника встречи Главного маршала артиллерии Н.Н. Воронова, вождь даже толком не выслушал доклад Соколовского и ограничился лишь несколькими указаниями общего характера. Так и осталось неясным, зачем потребовался этот секретный выезд Верховного в Юхнов, городок, далеко отстоявший от фронта. Ничего стоящего его внимания Верховный увидеть здесь не мог, а связаться с фронтами оттуда было куда сложнее, чем из Москвы.

А вот в изложении Булганина эта картина выписана буквально эпическими красками: «Товарищ Сталин лично руководил всем ходом каждой операции... Для проверки на месте готовности войск к проведению назначенной операции товарищ Сталин лично выезжал на фронты. Перед началом Смоленской операции он прибыл на Западный фронт. Товарищ Сталин по прибытии на командный пункт фронта проверил готовность командования фронта и войск к операции, дал исчерпывающие и предельно ясные указания по расстановке сил, обеспечению их авиацией, танками, артиллерией и всеми другими средствами усиления и снабжения»¹. Что ж, не зря маршал Жуков величал Николая Александровича «идолопоклонником»...

На посту члена военного совета Западного фронта Булганин находился до декабря 1943 г. Некоторые детали его деятельности в связке с командующим генералом армии В.Д. Соколовским были позднее вскрыты комиссией Ставки ВГК во главе с членом ГКО Г.М. Маленковым, которая работала в штабе фронта в апреле 1944 г. и выясняла при-

¹ Булганин Н.А. Сталин и Советские Вооруженные Силы. М., 1949. С. 12—13.

чины неудач в наступательных операциях конца 1943 г. — начала 1944 г.

По заключению комиссии Маленкова такое положение стало результатом неудовлетворительного руководства со стороны командующего фронтом Соколовского, бывшего и действовавшего членов военного совета генерал-лейтенанта Н.А. Булганина и генерал-лейтенанта Л.З. Мехлиса. «Командование Западным фронтом зазналось, критически к своим недостаткам и ошибкам не относилось и не относится... Тт. Соколовский и Булганин прежде всего несут ответственность за то, что на Западном фронте не было должного воспитания командных кадров в духе правдивости и непримиримости к недостаткам».

В итоге Соколовский лишился должности командующего. Булганину, за несколько месяцев до этого убывшему к новому месту службы, приказом Ставки ВГК от 12 апреля 1944 г. был объявлен выговор за то, что он, «будучи длительное время членом военного совета Западного фронта, не докладывал Ставке о наличии крупных недостатков на фронте»¹.

К этому времени Николай Александрович уже четыре месяца трудился на 2-м Прибалтийском фронте. Так случилось, что в том же апреле 1944 г. Сталин решил разобратся и с командованием этого фронта. Как отмечалось в постановлении ГКО, ни одна из операций, проведенных с октября 1943 г. по апрель 1944 г., когда фронтом командовал генерал армии М.М. Попов, существенных результатов не дала, и фронт своих задач не выполнил, несмотря на превосходство в силах над противником и затрату большого количества боеприпасов. «Операция по преследованию противника, отходившего со Старо-Русского направления, в результате успешного наступления войск соседнего Ленинградского фронта, также была проведена неудовлет-

¹ АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 481, л. 67.

ворительно, — подчеркивалось в постановлении ГКО. — Отход противника своевременно обнаружен не был, соприкосновение с ним было утеряно, преследование велось вяло и медленно, что дало противнику возможность отходить планомерно, вывести свою технику, живую силу и закрепиться на заранее подготовленном рубеже. Такое положение на 2-м Прибалтийском фронте явилось результатом неудовлетворительного руководства фронтом со стороны командующего фронтом генерала армии Попова и члена военного совета фронта генерал-лейтенанта Булганина». В итоге ГКО постановил снять Попова с должности командующего и снизить его в звании до генерал-полковника, а Булганина отстранить от должности члена военного совета 2-го Прибалтийского фронта, «как не справившегося со своими обязанностями»¹.

Итак, в течение одного месяца Булганин получил два взыскания. Ставший командующим 2-м Прибалтийским фронтом генерал А.И. Еременко, будущий Маршал Советского Союза, вспоминал, что известие о снятии с должности Николай Александрович встретил с чувством горечи.

Однако было бы от чего расстраиваться! Уже в мае он, по сути, пошел на повышение, став членом военного совета одного из основных фронтов — 1-го Белорусского, которым командовал генерал армии К.К. Рокоссовский. Блестящее осуществление операции «Багратион» принесло Константину Константиновичу погоны Маршала Советского Союза, а Николаю Александровичу — еще более значительный служебный рост. Сталин, дважды в течение апреля 1944 г. наказавший Булганина за плохую работу, в ноябре того же года выдвинул его заместителем наркома обороны (то есть своим собственным заместителем) и членом ГКО, а чуть позднее (в феврале 1945 г.) и членом

¹ Цит. по: *Печенкин А.А.* Высший командный состав Красной Армии в годы Второй мировой войны. С. 150—151.

Ставки Верховного Главнокомандования. Добавим: на протяжении того же 1944 г. Булганин получил и два новых воинских звания, став из генерал-лейтенанта генералом армии. Парадокс? Совсем нет. На самом деле — кадровая политика с дальним, но негодным прицелом: Сталин загодя формировал группу политиков в погонах, которые должны были стать противовесом набиравшим все больший авторитет маршалам, карьерным военным.

Обратим внимание: политработник Булганин удостоен в 1943—1945 гг. четырех полководческих орденов — Суворова (1-й и 2-й степеней) и двух орденов Кутузова 1-й степени. Такой коллекции не имели и многие полководцы.

Вовсе не случайно — вождь случайностей не допускал — своей правой рукой в военном ведомстве по окончании войны Сталин сделал не Жукова, Василевского, Рокоссовского, Говорова, Конева, а именно Булганина. А когда в марте 1947 г. вождь сложил с себя полномочия министра Вооруженных Сил, его преемником опять-таки стал Булганин.

Жуков писал по поводу такой кадровой политики: «Конечно, Сталин понимал, что это далеко не находка для Вооруженных Сил, но ему он нужен был как ловкий дипломат и беспрекословный его идолопоклонник. Сталин знал, что Булганин лично для него может пойти на все»¹.

В самом деле: вождь боялся назначать на ключевые должности прославленных полководцев, которые за время войны получили всенародную известность, почувствовали свою силу, стали более независимы. А вождю требовались беспрекословные исполнители и, как ни печально, «идолопоклонники».

Как заместитель наркома обороны Сталина, Булганин весной 1946 г. подготовил проект послевоенного переустройства управления Вооруженными Силами. Характер-

¹ Маршал Жуков. Каким мы его помним. С. 382.

но, что места для Г.К. Жукова в руководящих структурах ВС он не нашел. Нонсенс, на что обратил внимание даже Сталин, хотя он и ревниво относился к полководческой славе Георгия Константиновича. По предложению вождя Жуков занял пост главнокомандующего Сухопутными войсками.

Одновременно Булганин представил Сталину проект положения о Наркомате обороны. У Жукова, который принял участие в обсуждении проекта, возникло серьезное возражение. Получалось, что главкомы в практических делах должны были иметь дело не с самим наркомом, а с его первым заместителем, то есть Булганиным. На возражения полководца Николай Александрович ответил: нарком (Сталин) и без того перегружен партийными и государственными делами.

Сталину же он доложил: «Жуков — Маршал Советского Союза и не хочет подчиняться мне — генералу». Его тонкий расчет оправдался: 3 ноября 1947 г. вождь уравнил выдающегося чиновника с выдающимся полководцем, присвоив Булганину звание Маршала Советского Союза.

Система серости и безынициативности могла существовать не только за счет выдвижения посредственностей, но и при подавлении действительно честных и талантливых людей. А вот здесь-то «тишайшим» вполне доставало и напора, и агрессивности. Известно, что почти сразу после войны Г.К. Жуков был подвергнут опале. Сталинское окружение чутко уловило ревнивое раздражение диктатора по поводу невиданной популярности лучшего полководца Второй мировой войны. И тут же включилось в охоту на Маршала Победы. Не обошлось без участия Булганина.

На заседании Высшего военного совета в июне 1946 г., на котором рассматривалось «дело» Жукова, заместитель министра (на смену Наркомату обороны теперь пришло Министерство Вооруженных Сил) вплел свой голос в

обвинительный хор. Он наряду с Молотовым и Берией критиковал полководца за покушение на святая святых: тот, видите ли, зазнался, не испытывает благодарности к Сталину за его хорошее отношение к полководцу, не хочет считаться с авторитетом Политбюро ЦК и лично со сталинским авторитетом. Словом, маршала надо основательно «одернуть» и «поставить на место». Жукова спасло заступничество его боевых товарищей, отделался он сравнительно легко, покинув Москву и отправившись в Одессу командовать военным округом. Самому же Булганину в марте 1947 г. Сталин уступил свой пост министра Вооруженных Сил СССР.

От «тишайшего» Николая Александровича досталось и морякам. По свидетельству бывшего главкома ВМФ Адмирала Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова, Булганин оказался буквально «злым гением» в тех крутых поворотах, которые пережил флотоводец: отдаче под суд в 1948 г. и увольнении в отставку в 1956 г. Вот они — безжалостные кремлевские нравы: ведь Булганин и Кузнецов были сватами, породнившимися через своих детей.

Через несколько лет после окончания войны руководству поступил донос капитана 1-го ранга В.И. Алферова о том, что Кузнецов высказывал преклонение перед иностранцами, в доказательство приводился факт якобы незаконной передачи союзникам-англичанам парашютной торпеды, некоторых образцов боеприпасов и нескольких навигационных карт. И хотя никакого секрета ни торпеда, ни карты не представляли, обвинение в условиях шедшей в стране кампании борьбы с «низкопоклонством перед Западом» легло на благодатную почву. По словам Кузнецова, «Булганин подхватил это и, воодушевившись, сделал все возможное, чтобы "раздуть кадило". В тех условиях это было нетрудно сделать. Действовали и решали дело не логика, факты или правосудие, а личные мнения. Булганин к тому же мало разби-

рался в военном деле, хотя и хорошо усвоил полезность слушаться. Он и выполнял все указания, не имея своей государственной позиции. Он был плохой политик, но хороший политикан»¹.

В результате четверо адмиралов — Н.Г. Кузнецов, Л.М. Галлер, В.А. Алафузов, Г.А. Степанов — были подвергнуты «суду чести». Неожиданно для многих, но, естественно, не для инициаторов «суда чести», он сменился судом уголовным.

Забегая вперед, скажем, что огромный опыт закулисной борьбы, бюрократических уловок и интриг помог Булганину — не в пример тем же Жукову и Кузнецову — преуспеть в сталинском, а затем и хрущевском окружении. Уйдя в 1949 г. с поста министра Вооруженных Сил на повышение в Совет Министров, он вернулся на этот пост (министра обороны) сразу после смерти Сталина и в свои заместители заполучил... Жукова. Увы, это была нередкая в Советской Армии картина, когда у руля находился невежда в погонах с маршалскими звездами, а подлинный профессионал был у него на подхвате.

Читатель может заподозрить автора в предвзятости. В самом деле, не к одним же интригам и лести сводилась деятельность заместителя наркома обороны, а затем министра Вооруженных Сил. Но, с другой стороны, как мог проявить себя человек, не имевший должного образования, дилетант в военных делах, не обладавший в среде профессионалов авторитетом?

После войны значительными темпами шло сокращение армии и флота (с 11,4 млн человек в 1945 г. численность ВС уменьшилась до 2,8 млн в 1948 г.), Вооруженные Силы меняли свою структуру, оснащались новыми видами оружия и техники. Дело двигалось (подчас вопреки интригам политиканов) усилиями и энтузиазмом, умом

¹ Кузнецов Н.Г. Крутые повороты. С. 23—24.

и волей профессионалов, в том числе и рядовых исполнителей. Более или менее сносно руководить министерством Николаю Александровичу удавалось за счет труда профессионалов: его первым заместителем был выдающийся стратег маршал А.М. Василевский, а начальником Генерального штаба — генерал армии С.М. Штеменко. Флот возглавлял тоже непревзойденный профессионал — Н.Г. Кузнецов.

Но и при этом вопиющий непрофессионализм руководителей, подобных Булганину, делал экономику, военное строительство крайне затратными.

С кончиной в марте 1953 г. Сталина в верхушке партии и государства обострилась борьба за лидерство. Ее первой жертвой против ожидания оказался Л.П. Берия. В среде высших руководителей все прекрасно знали истинный облик этого человека и поэтому объединились, зная, что пока он жив, никто из них не может быть спокоен за свою судьбу.

Свою роль в его устранении сыграл и Булганин. Именно он достиг предварительной договоренности со своим первым заместителем маршалом Г.К. Жуковым и генерал-полковником К.С. Москаленко, командующим войсками Московского района (округа) ПВО, об их личном участии в аресте Берии. Вооруженные военные были доставлены в Кремль в его служебной машине.

Пост министра обороны Булганин занимал одновременно с должностью первого заместителя председателя Совета Министров СССР. Фактически военным ведомством руководил Г.К. Жуков. Еще одним первым заместителем министра был маршал А.М. Василевский. Начальником Генерального штаба — маршал В.Д. Соколовский. За счет таких вот профессионалов и удавалось руководить Министерством обороны.

А в 1955 г. Николай Александрович и вовсе оставил Министерство обороны. Наступил его звездный час:

Н.С. Хрущев, низвергнув Г.М. Маленкова с поста главы правительства, провел назначение своего давнего, с 30-х гг., партнера по руководству Москвой. В ознаменование своего 60-летия Н.А. Булганин стал Героем Социалистического Труда.

Но взлет к одному из высших государственных постов оказался непродолжительным. Поддержав в июне 1957 г. «антипартийную группу» В.М. Молотова, Г.М. Маленкова и Л.М. Кагановича, которые воспротивились курсу Хрущева, он фактически предрешил свою скорую отставку.

Тогда, в июне, во многом благодаря твердой, бескомпромиссной позиции маршала Г.К. Жукова ультра-сталинистам не удалось отстранить Хрущева от власти. Наоборот, они — заместители главы правительства Маленков, Каганович, Молотов, а также «примкнувший» к ним «либерал» секретарь ЦК Д.Т. Шепилов — на Пленуме ЦК были выведены из руководящих органов партии и освобождены от государственных постов.

Для Булганина на какое-то время было сделано исключение, хотя он и проявил, как отмечалось на Пленуме, «политическую неустойчивость, выразившуюся в поддержке им на определенном этапе антипартийной фракционной группы». Но с учетом того, что в ходе Пленума он покался и помог Хрущеву устранить оппонентов, ограничились объявлением главе правительства строгого выговора с предупреждением.

«У нас с товарищем Булганиным расхождений, по существу, никогда не было, — говорил, завершая победный для него июньский Пленум, Хрущев. — По всем вопросам Булганин был вместе с нами. Но тут его обработали. Он поддержал антипартийную группу в ее наскоках на линию Центрального Комитета партии, пошел против и лбом в стенку ударился. Теперь он говорит: "Да, дурак. Черт меня

толкнул! " А ты сам черта толкай, а то черти могут тебя еще раз туда затолкнуть»¹.

Пожурили, но простили колебания и председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову. Сделано это было для того, чтобы затушевать остроту и скрыть масштабы действительной оппозиции Хрущеву, возникшей в высших эшелонах власти, и тем самым подержать его авторитет в массах.

Для Николая Александровича это была лишь передышка. Уже в марте следующего года он оставил должность председателя Совета Министров и в течение неполных двух месяцев возглавлял правление Государственного банка СССР, а затем и вовсе был отправлен в провинцию — председателем Ставропольского совнархоза. Его вывели из состава Президиума ЦК, а в 1960 г. уволили на пенсию.

Одновременно с низвержением Булганина с партийного олимпа он был понижен в воинском звании до генерал-полковника. Редкий случай, когда мстительность Хрущева восстановила справедливость. Один из руководителей советской разведки П.А. Судоплатов рассказал, к какой «оригинальной» мотивировке прибег лидер партии. «Он (Булганин. — *Ю.Р.*) был сталинским стукачом. За это Сталин сделал его Маршалом Советского Союза, — заявил Хрущев. — Конечно, после того, как мы раскрыли его антипартийное предательское поведение, мы лишим его звания и разжалуем»².

Некогда Суворов, отказываясь от генерал-губернаторского поста, каким Екатерина II хотела наградить его за взятие Измаила, учтиво, но не без намека заметил: «Я знаю, что матушка-царица слишком любит своих подданных, чтобы мною наказать какую-либо провинцию. Я размеряю

¹ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. С. 453.

² Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 369.

силы с бременем, какое могу поднять. Для другого неспособности фельдмаршальский мундир...». За суворовским иносказанием скрывался упрек в том, что по царственной прихоти высшие военные чины нередко доставались не самым достойным.

По такой же прихоти, а точнее по холодному политическому расчету Булганин был введен Сталиным в высшую военную элиту. Хотя любому непредвзятому человеку было очевидно, как неумоготу ему, записному функционеру, бремя маршальских погон.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цена успеха в отдельно взятой операции, а тем более цена победы в войне прямо связана с уровнем военного искусства каждой из воюющих сторон, с оперативно-стратегической подготовкой ее военачальников. Что бы ни говорили наши недруги, итоги вооруженной борьбы — а война, как хорошо известно, закончилась взятием Берлина, а не Москвы — самым недвусмысленным образом свидетельствовали о том, чьи полководцы — советские или германские — оказались более профессионально состоятельными.

Отставание в области военного искусства было одной из главных причин неудач и поражений Красной армии в первом периоде войны. Однако по ходу событий советские военачальники приобретали ценнейший боевой опыт, извлекали уроки из проведенных сражений, учились увереннее управлять войсками. Осваивать современные приемы и способы организации и ведения операции и боя пришлось в тяжелых условиях, когда враг, вплоть до контрнаступления Красной армии под Сталинградом владея стратегической инициативой, навязывал советскому военному командованию свою волю. Именно тогда, в суровых испытаниях 1941—1942 гг. прошел всестороннюю провер-

ку и стал неоспоримым талант снискавших еще до войны известность А.М. Василевского, Г.К. Жукова, И.С. Конева, К.А. Мерецкова, К.К. Рокоссовского. Важные шаги в полководческом становлении сделали Л.А. Говоров, Р.Я. Малиновский, В.Д. Соколовский, Ф.И. Толбухин. Жесткую переоценку прошли военачальники, ставшие Маршалами Советского Союза еще до 22 июня 1941 г., из них только Б.М. Шапошников и С.К. Тимошенко оказались на высоте положения.

За два с половиной года войны, в рамках которых Красная армия выиграла Московскую, Сталинградскую, Курскую битвы и битву за Днепр, Ставка ВГК и персонально ведущие советские полководцы освоили все основные виды стратегических действий — стратегическую оборону и стратегическое наступление, включая его разновидность — контрнаступление.

Временное отставание отечественного военного искусства от сильной немецкой школы стремительно сокращалось. Как отмечал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, начиная с осени 1942 г., все крупные наступательные и контрнаступательные операции советского командования отличались оригинальностью, решительностью, стремительностью и полной завершенностью.

Предпринятое впервые в ходе Сталинградского сражения стратегическое наступление становится преобладающим видом боевых действий. Наши полководцы стали переходить к операциям уже не отдельных фронтов, а групп фронтов. Во имя объективности надо признать, что из-за отсутствия опыта проведения таких операций и недостаточной подвижности войск глубина таких операций довольно долго не превышала 100—250 км. Подчас подводила и переоценка собственных возможностей. Например, на волне успешного окружения в районе Сталинграда и уничтожения почти 300-тысячной вражеской группировки советское военное руководство попыталось одновременно

развернуть стратегические операции на северо-западном и западном направлениях, но безуспешно. И лишь стратегическое наступление, начало которому положило контрнаступление на Курской дуге, развернулось на двух направлениях — юго-западном (главном) и западном — от Великих Лук до Азовского моря и проводилось силами девяти фронтов.

Надо сказать, что Верховный Главнокомандующий долгое время отказывался от операций на окружение. Так, в ходе битвы за Днепр он требовал наносить по немецким войскам фронтальные рассекающие удары, чтобы буквально на плечах противника выйти к этой водной преграде, форсировать её с ходу на широком фронте, захватить плацдармы и упредить врага в организации обороны на Правобережной Украине. Вероятно, И.В. Сталин опасался, что ликвидация вражеских войск в случае их окружения может, как это произошло под Сталинградом, затянуться, что неблагоприятно скажется на ходе событий.

В кампаниях 1944 г., а тем более 1945 г. стратегические операции охватывали уже весь советско-германский фронт. Наши полководцы научились массировать силы и средства на решающих направлениях. Это позволяло наносить мощные удары и в кратчайшие сроки взламывать глубокоэшелонированную оборону врага, развивая затем наступление с высокими темпами и на большую глубину. Каждая последующая операция начиналась до завершения предыдущей, так что противник просто не успевал сманеврировать силами и средствами, чтобы парировать удар.

Победы советского оружия в заключительном периоде войны связаны в основном с именами героев этой книги — И.В. Сталина как Верховного Главнокомандующего и таких полководцев, как Г.К. Жуков, А.М. Василевский, Л.А. Говоров, К.А. Мерецков, И.С. Конев, Р.Я. Малиновский, К.К. Рокоссовский, Ф.Я. Толбухин — именно им было доверено командовать фронтами, которые действо-

вали на главных направлениях. Полное снятие блокады Ленинграда, освобождение Правобережной Украины и Крыма, успешное проведение Белорусской стратегической операции, выход наших войск к государственной границе на всем ее протяжении, а затем успешное освобождение (полностью или частично) от гитлеровских оккупантов 11 стран Европы — Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии, Дании (остров Борнхольм), Норвегии, Польши, Румынии, Словакии, Чехии, Югославии, поражение врага в его логове — все эти беспрецедентные успехи венчали почти четырехлетнюю войну и подтвердили неизмеримо возросший за годы войны уровень полководческого искусства советских маршалов и генералов.

В контексте всего сказанного выше уместно вспомнить оценку, которую дал советскому военному искусству бывший начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Ф. Гальдер. Начав с жесткой обороны, к которой русское военное руководство прибегло в 1941 г., оно впоследствии добилось гибкого оперативного руководства и провело под командованием своих маршалов операции, заслуживающие высокой оценки. А немецкое командование под влиянием полководца Гитлера, наоборот, отказалось от оперативного искусства и закончило бедной по идее жесткой обороной, в конечном итоге приведшей вермахт к полному поражению. «Порочная стратегия», — вынес свой запоздалый приговор битый генерал Гальдер. Сказано верно, но неполно. Порочной германская стратегия стала не сама по себе, а в первую очередь потому, что сломавшие ее советские полководцы оказались талантливее и проявили куда большую волю к победе.

Хочется верить, что к такому выводу, переворачивая последнюю страницу книги, пришли и читатели.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЯМ	3
К.Е. Ворошилов: «Я — РАБОЧИЙ, И НЕ ИМЕЮ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ...»	16
С.М. Буденный: «Я — ИЗ ЛЮДЕЙ, ПОДНЯВШИХСЯ ИЗ САМОЙ ГУЩИ НАРОДНЫХ МАСС».....	34
М.Н. Тухачевский: «ДЛЯ ВНУШЕНИЯ УВАЖЕНИЯ К СИЛЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НЕОБХОДИМО...»	50
А.И. Егоров: «СОВРЕМЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ БУДЕТ СЛАГАТЬСЯ ИЗ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ, ПРОТЕКАЮЩИХ НА БОЛЬШОМ ПРОСТРАНСТВЕ».....	63
В.К. Блюхер: «ДОБИТЬ ЯПОНЦЕВ У МЕНЯ ЖЕЛАНИЕ ЕСТЬ»	76
С.К. Тимошенко: «МОЛОДЕЖЬ ДОЛЖНА СМЕНЯТЬ НАС, СТАРИКОВ»	92
Б.М. Шапошников: «ДОЛЖНОСТЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА БЫЛА БЫ ДЛЯ МЕНЯ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЕЙ».....	105
Г.И. Кулик: «Я НЕ СОБИРАЛСЯ ВОЕВАТЬ В 1941 ГОДУ».....	119
Г.К. Жуков: «ПОЛКОВОДЕЦ НЕ ДОЛЖЕН БОЯТЬСЯ РИСКА».....	133
А.М. Василевский: «ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСУТ И РУКОВОДЯЩИЕ ЛИЦА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА»	153
И.В. Сталин: «БЫЛИ У НАС МОМЕНТЫ ОТЧАЯННОГО ПОЛОЖЕНИЯ В 1941—1942 ГОДАХ»	167
И.С. Конев: «ОКРУЖЕННЫЙ ПРОТИВНИК НЕ УЙДЕТ...»	187

Л.А. Говоров: «Я ДОЛЖЕН БЫЛ БЫ СДЕЛАТЬ БОЛЬШЕ»....	203
К.К. Рокоссовский: «ВАРШАВА — МОЙ РОДНОЙ ГОРОД»	217
Р.Я. Малиновский: «ПРОНИКСЯ ЖЕЛАНИЕМ ВОЕВАТЬ ТОЖЕ ГЕРОЙСКИ»	235
Ф.И. Толбухин: «КРАСНАЯ АРМИЯ НЕ ИМЕЕТ НАМЕРЕНИЙ ВОЕВАТЬ С БОЛГАРСКИМ НАРОДОМ»	248
К.А. Мерецков: «ВЕРХОВНЫЙ ПОЧЕМУ-ТО НАЗЫВАЛ МЕНЯ ХИТРЫМ ЯРОСЛАВЦЕМ».....	263
Л.П. Берия: «РАБОТНИКИ НКВД—НКГБ ПРОДЕЛАЛИ ЗНАЧИТЕЛЬНУЮ РАБОТУ»	276
В.Д. Соколовский: «Я ГОТОВ ПОЙТИ НА ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ»	294
Н.А. Булганин: «ТОВАРИЩ СТАЛИН ЛИЧНО РУКОВОДИЛ ХОДОМ КАЖДОЙ ОПЕРАЦИИ»	311
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	331

Научно-популярное издание

Военный архив

Рубцов Юрий Викторович

МАРШАЛЫ СТАЛИНА

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *О.В. Сергеева*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 20.08.2013. Формат 84×108 ½.

Гарнитура «Peterburg C». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ.л. 10,5. Тираж 2000 экз. Заказ № 1837.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.printing.yaroslavl.ru

ВОЕННЫЙ АРХИВ

Книга освещает боевой и служебный путь советских военачальников — участников Великой Отечественной войны, при жизни И.В. Сталина ставших Маршалами Советского Союза. Хотя герои книги носили высшее воинское звание, читатели увидят их не только на КП в ходе сражения или склонившимися над картой при планировании операции. Сталинские маршалы интересны и в иной ипостаси — как активные действующие лица и — одновременно — объекты большой политики. В судьбе каждого из них по-своему отразилась сталинская эпоха — со всеми ее победами и поражениями, взлетами человеческого духа и преступлениями.

ISBN 978-5-4444-1181-0

9 785444 411810

